

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Ф. Бадерхан

Северокавказская диаспора
в Турции, Сирии и Иордании

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ф. Бадерхан

**СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ДИАСПОРА
В ТУРЦИИ, СИРИИ И ИОРДАНИИ**

**(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Москва

ИВ РАН

2001

ББК 63.3 (2 Р37 + 5 Ту) Б 15

Ответственный редактор
М.С. Лазарев

Рецензенты
В. О. Бобровников
С.Ф. Орешкова

Редактор *А.З. Алмазова*

Б 15 **Ф. Бадерхан.** Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. — 120 с.

ISBN 5-89282-171-4

Книга посвящена малоизученной проблеме — формированию на территории Османской империи так называемой черкесской диаспоры в результате переселения сюда в XIX веке части этносов Северного Кавказа после разгрома их в Кавказской войне.

ББК 63.3 (2 Р37 + 5 Ту)

ISBN 5-89282-171-4

© Ф. Бадерхан, 2001
© Институт востоковедения РАН, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАСПОРЫ	8
Северный Кавказ в международных отношениях.....	8
Причины массовой эмиграции кавказских горцев в Турцию в 60-х годах XIX века	14
Трагические обстоятельства переселения.....	22
Глава II. «ЧЕРКЕСЫ» В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ	35
Коротко об Османской империи второй половины XIX века.....	35
Положение северокавказских иммигрантов	38
Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и второе переселение «черкесов».....	51
Глава III. «ЧЕРКЕСЫ» В СИРИИ И ИОРДАНИИ	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
ПРИЛОЖЕНИЯ	87
1. Периодическая печать северокавказской диаспоры в начале XX века	87
2. Этнический состав «черкесских» поселений в Сирии в 30-х годах	96
3. Выдающиеся представители «турецких черкесов»	98
ПРИМЕЧАНИЯ	102
БИБЛИОГРАФИЯ.....	113
SUMMARY	118

ВВЕДЕНИЕ

Эмиграция населения — явление столь же древнее, как и само существование человечества. Оно известно на различных этапах истории, объясняется многими причинами — экономическими, социально-политическими, религиозными, другими, — и разнообразно по характеру. Но это понятие лишь тогда наполняется определенным содержанием, когда мы его соотносим с конкретным историческим периодом, странами, этническими группами, политическими партиями, именами людей, их социально-классовым положением, причинами, толкающими их покинуть родные края.

Эмиграция как общественно-экономический феномен — это, как правило, следствие драматических событий, сопряженное с острыми социально-психологическими коллизиями, зачастую обретающими трагический оборот. Недаром уже в древних Афинах самым тяжелым наказанием, применявшимся крайне редко, был ostracism — изгнание из города провинившегося лица по решению народного собрания.

Зарождение диаспоры «черкесов»* в Турции, Сирии и Иордании относится к XIX столетию — процесс этот связан с войной России против горцев и последовавшим выселением их с территории Кавказа. Однако сама «черкесская община» на Ближнем Востоке ко времени мухаджирства (переселенчества) уже насчитывала без малого тысячу лет, что не могло не способствовать процессу культурной и политической адаптации выселенцев второй половины XIX в. Эта община сыграла известную роль в истории Египта, Сирии и еще некоторых мусульманских стран, а ее судьбы самым тесным образом связаны с мамлюкским государством (1382—1517).

Несправедливо полагать, что и собственно черкесская и вся северокавказская диаспора на Ближнем Востоке в целом оказалась «за пределами истории», — каждому из составляющих ее национальных

* Под этим термином принято понимать обобщенно всех северокавказских эмигрантов. В этом значении здесь слова «черкесы, черкесский» мы заключаем в кавычки, но употребляем без кавычек в их прямом, этническом смысле.

компонентов не только удалось сохранить себя, но и свой этнический облик в зарубежье — родные языки, обычаи и культуру.

В работе проанализированы причины переселения горцев, роль России, а также западных держав в этом процессе, характеризуется место северокавказских переселенцев в социально-политической жизни стран, в которые они иммигрировали. Особое внимание уделяется следующим вопросам:

— значение Северного Кавказа в международной политике накануне и во время переселения;

— роль всех государств, для которых Кавказ был важным объектом внешней политики;

— позиция местной родоплеменной верхушки и духовенства, побуждавших горцев покидать родину;

— причины эмиграции значительной части жителей Северного Кавказа в Османскую империю;

— миграции «черкесов» внутри Османской империи;

— последующее проникновение «черкесов» в Турцию, а затем и в другие страны Ближнего Востока;

— социально-экономическое и политическое положение «черкесской» общины в Турции, Сирии и Иордании до середины XX в.;

— освещение некоторых важных особенностей духовной жизни переселенцев.

Поднимаемая здесь проблема в течение долгих лет была фактически забыта, а то и прямо запрещена. Исследовалась, как правило, в основном внешняя сторона событий, связанных с завоеванием Северного Кавказа Россией, и следовавшая за этим большая волна эмиграции.

Конкретного анализа всех факторов, влиявших на процесс переселения, нет. Нет и исследований, касающихся жизни этих эмигрантов на чужбине. Автор пытается восполнить те опущенные звенья истории народов Северного Кавказа, без изучения которых ее нельзя считать полноценной. Судьбы кавказской диаспоры — это органическая часть истории не только всего Кавказа, но России и тех стран, где проживают эмигранты.

Благодаря вовлечению в научный оборот новых материалов исследователи вопроса смогут точнее представить себе роль изучаемой диаспоры, ее возрастающее влияние на Северном Кавказе, который занимает особое положение в геополитической ситуации в целом. И, следовательно, для возможности предотвращения дестабилизации обстановки в регионе очевидна необходимость серьезного научного рассмотрения проблемы.

Автором были изучены документы из Государственного исторического архива Грузии (ГИАГ), дающие картину военных действий русских войск на Кавказе, и план царской администрации и военно-

го командования, состоящий в том, чтобы выселить черкесов с их родных мест и заселить эти земли казаками.

В работе использованы полевые материалы, собранные автором в республиках Северного Кавказа. Это в основном записи бесед с местными руководителями, богословами, рукописи ученых.

Документы из архива министерства иностранных дел Великобритании — донесения английских консулов и послов, в которых отражены различные стороны жизни «черкесских» эмигрантов, — позволяют представить себе конкретные трудности их переселения, пути перемещения их внутри Османской империи после русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Воссоздать картину переселения во многом помог также Архив внешней политики России (АВПР), особенно донесения консулов в различных городах Османской империи.

Другой важный источник сведений — полевые материалы, собранные на местах проживания переселенцев самим автором, когда он оказывался свидетелем столкновений между выходцами с Кавказа и коренными жителями. Эти материалы в определенной степени отражают условия общественного и правового существования названной диаспоры.

Для изучения жизни «черкесов» в Сирии ценным источником послужили также опубликованные документы Мандатной комиссии Лиги Наций. В них есть прошения этой общины о предоставлении ей статуса национального меньшинства и автономии.

Многие данные почерпнуты из сборников документов, опубликованных в России как дореволюционной, так и советской, а также из различных статистических материалов, справочников, изданных также в Турции, Сирии, Ливане.

Большой фактический материал, относящийся к эмиграции «черкесов» в Османскую империю, содержится в трудах дореволюционных авторов: А. П. Берже («Выселение горцев с Кавказа»), Я. В. Абрамова («Кавказские горцы»), А. Цаликова («Кавказ и Поволжье») и др. Авторы, хотя и старались оправдать завоевание Кавказа и вытеснение части его населения в Османскую империю, все же не могли обойти молчанием жестокости царизма по отношению к этим народам. В общем же эти работы дают искаженную картину: Россия якобы была вынуждена вести войны с кавказцами, те же «добровольно» переселились в Турцию и т.п.

В советскую эпоху проблема переселенцев специально не изучалась, но те историки, которые затрагивали этот вопрос, более объективно подходили к нему (Г. Х. Кумыков, К вопросу о переселении адыгов в Турцию; А. Х. Касумов, Разные судьбы, 1967; Г. А. Дзагуров, Переселение горцев в Турцию, 1927; Х. О. Лайпанов, К истории переселения горцев в Турцию, 1966 и др.).

Наиболее обобщенной монографией по этой проблеме является книга Г. А. Дзидзария «Мухаджирство и вопросы истории Абхазии XIX столетия» (1973). Автор, сосредоточиваясь на эмиграции абхазов, анализирует причины массового переселения жителей Северного Кавказа в Турцию вообще.

Некоторые зарубежные авторы косвенно касаются, в частности, жизни «черкесов» на чужбине. Сириец А. В. Закария в книгах «Племена Шама» (1984) и «Путешествие» (Дамаск, 1986) отводит этой теме много места, затрагивают ее и другие исследователи, пишущие о современных странах Ближнего Востока. В работах авторов кавказского происхождения проблеме жизни диаспоры посвящаются монографии, ей уделяется много внимания в трудах по истории Кавказа. В этом ряду можно выделить книгу Иззет-паши Джунатока «История Кавказа» (1912), Берзеджа Нихади «Выселение черкесов» (1987), Шевкета Ал-Муфти Хабажока «Герои и императоры в истории Кавказа» (1967), Р. Трахо «Черкесы», М. Хагандока «Черкесы» (1982), Озбека Батрая «Нартовский эпос и современная жизнь черкесов» (1988), публициста М. Ечеруха «Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции» и другие статьи.

Богатый материал почерпнут нами из мемуаров и различных путевых заметок, дневников и воспоминаний как кавказских, так и русских и европейских путешественников, разведчиков, коммерческих агентов и ученых. Отметим вышедшие в разные годы и десятилетия книги: английского разведчика Лоренса Олифанта «Земля Гилеад с экскурсией в Ливане», писательницы и разведчицы Гертруды Белл «Сирия. Пустыня. Звездное небо» и «Письма Гертруды Белл», Эрскина Стюарта «Трансиордания», русского путешественника полковника Томилова «Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г.», врача А. В. Елисеева «По белу свету» и «Поперек Малой Азии» и др.

В работе использованы материалы периодической печати кавказской диаспоры. Это в основном газеты и журналы, издаваемые самими переселенцами как в Турции, Сирии, Иордании, Палестине, так и во Франции и США.

Конечно, все перечисленные источники страдают той или иной тенденциозностью. В них выражены и личное отношение самих авторов к северокавказским народам вообще, и, как правило, официальная позиция государств, которую эти авторы представляют, далеко не всегда адекватная истинному положению дел.

Глава I

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАСПОРЫ

Северный Кавказ в международных отношениях

Кавказ как понятие региональное с его этнически пестрым населением, природными богатствами и выгодным географическим положением имел и имеет важное геополитическое значение. История взаимоотношений народов Кавказа с окружающими его государствами — Россией, Турцией, Ираном, а также крупнейшими державами Западной Европы всегда вызывала большой научный интерес.

Кавказ являлся мостом между Европой и Азией, Каспийским и Черным морями. Через Поволжье и Астрахань открывались торговые пути в Иран как по Каспийскому морю, так и вдоль его западного, кавказского побережья.

Россия долго вынашивала планы расширения торговли со своими южными соседями через Дагестан и по Каспийскому морю, к тому же она стремилась стать посредником в товарообмене между Западной Европой и Востоком. «Эти обширные замыслы усиливали интерес российских помещиков и купцов к дагестанским ханствам, что явилось одной из главных причин похода Петра I в Прикаспийские области Кавказа и Ирана»¹.

Стремлением России расширить торговлю с Востоком во многом объяснялась ее политика на Восточном Кавказе и в Закавказье также позднее — в конце XVIII и в XIX в. «Из Астрахани через Дербент на юг везли сукно, краски, сахар, юфть, железные и другие металлические изделия, меха, писчую бумагу, а из Дагестана и Ирана — шелка, бурки, марену, фрукты и другие товары»².

Царское правительство стремилось расширить свою власть на территорию Предкавказья и обеспечить торговые пути на рынки Востока.

Долгое время Россия была отделена от Кавказа неосвоенными, малонаселенными землями (Предкавказье и Северное Причерноморье) и только к концу XVIII в. стала непосредственно с ним граничить. Это имело огромное значение, так как послужило исторической предпосылкой для завершения присоединения к России Северного Кавказа и ее прочного утверждения в Закавказье. Продвижение к Кавказу было сложным процессом, которому способствовали и успешные войны с Османской империей и Ираном, и хозяйственное освоение степного Предкавказья, и привлечение горских феодальных владетелей под покровительство царя.

Постоянные военные нашествия из Турции, Ирана и России и феодальные междоусобицы лишали население Кавказа возможности нормального существования, истощали производительные силы края. Кавказские народы оказались перед альтернативой: либо быть поглощенными султанской Турцией и шахским Ираном, стоявших, как отмечал Ф. Энгельс, на весьма «низких» и «варварских» ступенях развития³, либо присоединиться к Российскому государству. Вторая возможность, хотя и сопряженная с утверждением колониального режима, с которым народы Кавказа так и не смирились, все же была предпочтительнее, имея в виду историческую перспективу, поскольку предвещала общее продвижение по пути социально-экономического и культурного прогресса: «Россия по уровню своего общественного развития — способу производства, культуре и просвещению — стояла выше Турции и Ирана, хозяйственная и культурная жизнь которых характеризовалась косными формами. Эти страны к тому же были втянуты в дипломатическую игру Англии и Франции, рассчитанную на закабаление народов Востока. Поэтому, естественно, кавказские народы тяготели к России»⁴.

Решающими событиями, определившими окончательное присоединение Северного Кавказа к России, были русско-иранская (1804—1813) и русско-турецкая (1806—1812) войны.

Шахское правительство Ирана начало войну с Россией при покровительстве Англии, надеясь на поддержку местных правителей Кавказа, однако эти ожидания не оправдались. Шахский двор не был осведомлен о действительном положении в Европе. На деле Англия сама нуждалась в союзе с Россией для войны с армией Наполеона. Хотя британское правительство и было заинтересовано в том, чтобы вытеснить Россию с Кавказа, «помощь» Англии шаху, особенно в первые годы войны, сводилась лишь к подстрекательствам, обещаниям денег, присылке некоторого числа офицеров и небольшой партии оружия⁵.

Противником России на Кавказе была тогда Франция. Однако и Англия, и Франция старались использовать Иран и Османскую империю в собственных экспансионистских целях. Они давали Стамбулу

и Тегерану щедрые обещания и не выполняли их, меняя свою позицию, смотря по обстоятельствам. Более всего обе державы были заняты войнами в Европе. Нельзя сказать, что правители Ирана и Турции вовсе не сознавали этого. Они не были ни марионетками, ни сателлитами западных держав и не доверяли им, но стремились получить поддержку в интересах своей политики; иногда намеренно распускали слухи об обещанной им помощи, нередко оказываясь обманутыми пустыми посулами⁶.

Народы Кавказа давно познали на себе жестокость шахских и султанских войск. Однако часть феодалов стремилась воспользоваться войнами Ирана и Османской империи против России в собственных интересах. Сохраняя относительную самостоятельность, они боялись распространения военно-административной власти России на новые территории, были против сооружения новых русских укреплений, против дорожных и других повинностей.

Этими войнами Османская империя и Иран могли замедлить процесс присоединения Северного Кавказа к России. Однако русские войска одержали победу над этими странами. Были подписаны мирные договоры с Ираном: Бухарестский в 1812 г. и Гюлистанский — в 1813 г., юридически оформившие признание уже состоявшегося в основном вхождения в состав России многих ханств и горских общин Северного Кавказа. С этого времени позиции России в этом регионе продолжали упрочиваться.

Предпосылкой новой активизации политики России на Балканах и на Кавказе стало то, что ее позиции укрепились, ее роль стала расти в результате разгрома империи Наполеона и решений Венского конгресса 1814—1815 гг.⁷

Западноевропейское направление вплоть до второй четверти XIX в. оставалось главным во внешней политике царизма, затем на первом плане ее оказался восточный вопрос.

Северный Кавказ все более становился сферой внутренних интересов России, хотя и оставался ареной острейших международных противоречий. Иран и Османская империя начали предъявлять реваншистские притязания на пересмотр Гюлистанского и Бухарестского мирных договоров. Порта и шахский двор по-прежнему рассчитывали использовать в своих целях западные державы. Австрия наиболее последовательно оказывала политическую поддержку Османской империи в Европе, а британская Ост-Индская компания и Лондон подстрекали шахское правительство против России, помогали ему деньгами и оружием, направили своих офицеров и военных советников, задабривали шаха и его сановников богатыми подарками. И в 1814 г. лондонский кабинет возобновил союзный договор с шахским двором, который считал принадлежащими Ирану Грузию, Азербайджан и Дагестанское ханство, вошедшие в состав России. Особая статья

договора определяла размеры английской субсидии в 200 тыс. ф. ст. Правительство Англии обязалось взять на себя посредничество в переговорах с Россией о границах, хотя российское правительство не собиралось обсуждать этот вопрос⁸.

Несмотря на то, что позиции России в Европе укрепились, царское правительство было не готово направить на Кавказ крупные военные силы. Тем не менее Александр I принял решение начать военную кампанию и назначить командиром Кавказского корпуса и командующим русскими войсками в Грузии одного из самых видных военных деятелей России — генерала А.П. Ермолова, который после 1812 г. занимал особое место в умах и сердцах россиян⁹.

А. П. Ермолов появился на Кавказе в начале мая 1816 г. С его прибытием начался новый этап военных действий, основная идея которого заключалась в том, чтобы «огнем, мечом и кровью подчинить Кавказ»¹⁰. «Весь Кавказ должен быть неотъемлемой частью Российской империи, существование на Кавказе государств, отдельных независимых и полузависимых, христианских, мусульманских и языческих ханств — это не соответствует величию императора и его чести»¹¹. Исходя из этого принципа, генерал Ермолов и начал проводить свою политику: истреблять горцев — «хищников и разбойников».

К действиям Ермолова на Кавказе неодобрительно относились сторонники более либеральных методов подчинения этого региона российской власти. И последующие царские наместники на Кавказе старались учитывать ошибки прежнего имперского управления, из-за которых во многом и не прекращалась на протяжении десятилетий антиколониальная борьба горцев. Командующий русскими войсками и наместник на Кавказе в 1856—1862 гг. генерал (с 1859 г. — генерал-фельдмаршал) А. И. Барятинский так писал о годах правления на Кавказе генерала А. П. Ермолова: «...здесь и были положены первыми представителями нашего командования те ошибочные начала, из которых и развились вскоре самые пагубные для нашего правительства последствия»¹².

В 60 — 70-х годах XIX в. тон либеральному направлению в правительстве задавал военный министр Д. А. Милютин, в непосредственном ведении которого находилась Дагестанская область. Его буржуазно-либеральные воззрения на то, каким должно быть отношение властей к народам Дагестана, отразились в известной в те годы «Записке Милютина» («Мысли о средствах утверждения русского владычества»).

Д. А. Милютин считал, что «покорение Кавказа» невозможно только военной силой, а должно сочетаться с более гибкой политикой, которая обеспечивала бы «моральное влияние русского правительства на горские народы». Он писал: «...чтобы горцы терпеливо несли иго царского владычества, одно необходимо условие — то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа

жизни. Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев, как материальными, так и нравственными. Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких претензий на их ничтожное достояние»¹³.

В числе чиновников Кавказского наместничества много лет возглавлял Горское управление генерал Д. С. Старосельский. При его участии были предприняты попытки урегулировать систему государственного налогообложения, ликвидировано горское патриархальное рабство, созданы сословно-поземельные комиссии. При его поддержке были основаны два специальных ежегодно повторяющихся издания — «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник сведений о кавказских горцах», в создании которых приняли участие и кавказские ученые А. Черкевский и А. Омаров¹⁴.

Осторожность и такт были проявлены и при подборе кадров для военно-административного аппарата. На должности начальников областей и округов назначались представители «высших военных чинов» из кавказцев, но обязательно с либеральными взглядами.

Либеральные взгляды были распространены не только среди чиновников наместничества. Появляется ряд публикаций на кавказские темы в периодике. Так, например, в журнале «Русский инвалид» в 1863 г. была помещена статья В. Гильфердинга, в которой, в частности, говорилось: «Как можно налагать русские порядки на край вовсе нерусский? Это совершенно противно духу русского народа, преданиям русской истории. Если бы русская административная система, русское судопроизводство и так далее были идеалом совершенства, то, пожалуй, можно было бы подумать о такой мере, но мы признаем их далекими от совершенства и для самой России»¹⁵.

Кроме представителей военных структур правительства России в защиту прав народов Кавказа выступали знаменитые общественные деятели — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, другие публицисты-демократы.

«Вообще опыт политики царизма на Северном Кавказе в 1817—1825 гг. показывает, что царизм применял методы колониальной политики феодальных государств»¹⁶. Эти меры, ожесточив горское крестьянство, помогали мусульманскому духовенству разжигать религиозный фанатизм, призывая к газавату («священной войне»). В Чечне и горских областях Дагестана гнет местных феодалов и старейшин был выражен слабее, чем в ханствах Западного Кавказа или у адыгов, поэтому здесь общинной верхушке было легче поднимать низшие слои горцев на антирусские вооруженные выступления, отвлекая тем самым их от социальных противоречий в самом горском обществе.

Таким образом, в политике России к 20-м годам XIX в. наметились новые явления. Произошел решительный поворот к распространению на Северный Кавказ военно-административной власти путем проведения карательной политики, что вызвало сопротивление значительной части местных феодалов, части общинных верхов, мусульманского духовенства и крестьянства. В результате началась Кавказская война, которая продолжалась почти полвека (1817—1864).

Кавказская война, послужившая главной причиной переселения и выселения народов Северного Кавказа, велась под флагом мюридизма — воинствующего течения исламского суфизма, получившего распространение на Северном Кавказе, особенно в Дагестане и в Чечне. В XIX в. мюридизм представлял собой политическую оппозицию местному официальному духовенству, лояльному к политике царской администрации на Кавказе. Идеи мюридизма способствовали пробуждению антифеодальных настроений горских крестьян и выражали в основном закономерный протест против социального и национального гнета русского царизма.

Возникновение мюридизма не имело политической подоплеки. Даже во время длительной войны некоторые мюриды (послушники, ученики, приверженцы шейхов), не принимали участия в сражениях, однако их уважали за ученость и нравственные устои¹⁷.

Теоретически мюридизм как суфийское течение отвергает жестокость и кровопролитие, так как в его основы входят, с одной стороны, *тарикат*, т.е. учение о пути к достижению высокого уровня благодетельства; с другой же стороны, — подчинение кафирам (иноверцам) как бы означает отказ от мусульманства вообще. «По мере продвижения царских войск на юг и захвата Северного Кавказа перед кавказскими народами, в том числе перед мюридизмом, стояла серьезная задача — борьба против колонизаторов единственным путем временного перехода от мирного мюридизма к воинствующему. Дагестанцам нужен был Руководитель и, как обычно, такие условия порождают руководителя»¹⁸.

Первый имам Дагестана и Чечни Гази Магомед в своем обращении к народу призвал начать газават. «Священная война», развернувшаяся в 1829 г., прошла три этапа: первый (1829—1832), — когда во главе ее стоял Газа-мулла; второй (1832—1835) — период руководства Гамзат-бега; третий — с 1836 г., когда движение возглавил имам Шамиль, вплоть до своего пленения в августе 1859 г.

Однако пленением Шамиля Кавказская война не кончилась. Она продолжалась на Северо-Западном Кавказе, куда были брошены главные силы царских войск против адыгов, не прекращавших борьбу до 1864 г., последними из них сложили оружие убыхи. С этого времени

началось переселение народов Северного Кавказа, главным образом в Османскую империю.

Причины массовой эмиграции кавказских горцев в Турцию в 60-х годах XIX века

В литературе существуют разные точки зрения на причины переселения большей части народов Северного Кавказа в Османскую империю. Одни авторы считают, что основная причина — колониальная политика царизма, другие — влияние Порты на кавказские дела плюс религиозный фанатизм. Правящие круги Порты, а также Англии и западноевропейских государств считали единственным виновником этих трагических событий царское правительство России. Самодержавие, в свою очередь, возлагало ответственность за переселение горцев на подстрекательство султанских и западноевропейских эмиссаров. Влияние ислама и антирусская пропаганда, бесспорно, сыграли важную роль. Однако причины переселения были гораздо глубже, имели социально-экономические и политические корни. Чтобы разобраться в этом процессе, нужен серьезный анализ реалий.

Переселение народов Северного Кавказа продолжалось периодически в течение почти всего XIX в., вплоть до начала первой мировой войны. Однако оно происходило в несколько основных этапов, связанных, как правило, с крупными внутренними и международными событиями, когда оно становилось особенно массовым¹⁹ на большом пространстве Кавказа или в отдельных его частях. Именно на этих этапах проблема переселения превращалась в важную часть внешней и внутренней политики как России и Турции, так и отчасти европейских держав, особенно Англии.

Соперничавшие с Россией страны прекрасно учитывали стратегическое положение этого края, связывающего Закавказье с Северо-Западным Кавказом. Этот фактор не в меньшей степени оценивала и сама Россия, ибо обладание кавказским побережьем Черного моря давало возможность вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием Турции и преграждавшим доступ к морю. Вместе с тем указанные страны имели на Кавказе и определенный экономический интерес. Русский царизм пытался здесь расширить и укрепить свои позиции не только политическими и военными методами, но и целой системой экономических мероприятий. Однако европейская и турецкая дипломатия всегда считала горцев действенным орудием борьбы против окончательного утверждения России на Кавказе. Этому Европа и южные соседи Кавказа придавали и большое международное значение. Так, в зарубежной политической литерату-

ре того времени широко проводилась мысль о том, что горцы Кавказа «прикрывают собой Турцию, Персию, Индию и даже Европу»²⁰.

В начале 1856 г. был подписан Парижский мирный договор, закончивший Крымскую войну 1853—1856 гг. Самым тяжелым для России условием этого договора была нейтрализация Черного моря. Был сильно ограничен военный флот России, что было равносильно запрету вообще иметь здесь русский флот. Было запрещено иметь военноморские арсеналы на побережье Черного моря. Такие же ограничения были установлены и для Османской империи.

Парижский мирный договор положил начало новому курсу внешней политики России, центральным направлением которого стала борьба за ликвидацию ограничений, навязанных этим договором²¹.

Англия, самая мощная в то время морская держава, незамедлительно воспользовалась сложившейся ситуацией для оказания давления на Россию. «Она (Англия. — *Ф.Б.*) на Парижском конгрессе шла с дипломатией, которая заключалась в том, что она не прочь была, во-первых, отбить весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию и весь Юго-Восточный Кавказ, создать для Шамиля «Черкесию» в надежде, что тот будет действовать в целях преграждения дороги русскому правительству в Иран»²². Английское правительство, вынужденное пойти на уступки во время работы Парижского конгресса, тем не менее не оставляло мысли оттеснить Россию за Кубань и Терек, помешать ей окончательно утвердиться на Кавказе. Хотя основная цель Англии в результате Крымской войны была достигнута, ее захватнические планы в отношении Кавказа и Крыма и других районов еще не были осуществлены.

Британские правящие круги ставили своей задачей затянуть Кавказскую войну, истощить военные и экономические ресурсы России и в конце концов превратить Кавказ в свою колонию. «Английские промышленники мечтали о кавказском рынке, особенно они интересовались портами черноморского побережья и торговыми путями от Анапы до богатых равнин Кубани»²³. Поэтому после окончания Крымской войны английские и турецкие агенты вновь развернули среди горцев широкую антирусскую пропаганду²⁴. Именно для этой цели англичане поспешили учредить консульства в портовых городах восточного побережья Черного моря.

Новый наместник на Кавказе генерал А. И. Барятинский 14 ноября 1856 г. составил обширную записку, в которой информировал министра иностранных дел А. М. Горчакова о частом появлении у восточного побережья Черного моря английских пароходов и о взаимоотношениях с горцами. Генерал собрал множество фактов о подстрекательских действиях англичан на Северо-Западном Кавказе. Обобщая эти данные, Барятинский писал: «Военные и коммерческие па-

роходы иностранных наций довольно часто стали появляться на восточном берегу Черного моря, перевозят торговцев и имеют с ними на берегу деловые контакты, для нас особенно вредные в том отношении, что появление их и отсутствие нашего флота поддерживает в горах уверенность в содействии им против нас Турции и Англии и предают словам Сафар-бея²⁵ и подобных ему возмутителей, уверяющих горцев, что они подданные турецкого султана и должны во всем повиноваться постановлениям их властей»²⁶.

Не вызывает сомнения, что под видом коммерческих мероприятий Англия и Турция преследовали чисто военные цели. В сообщении за подписью генерала Д. А. Милютинина от 14 февраля 1857 г. указывалось, что «турки высадили в устье р. Туапсе с двух больших пароходов и двух парусных фрегатов до 3090 человек пехоты с орудиями. Два турецких паши, прибывшие с войсками, пытались связаться с Сафар-беем»²⁷. 23 февраля в том же месте с корабля «Кенгуру» был высажен находившийся на турецкой службе отряд флибустьеров во главе с бывшим полковником венгерской армии Яношем Бандья (Мехамед-беем). В отправлении отряда к берегам Кавказа «главное участие» принимал министр почты (связи) Турции Исмаил-паша; ему помогали другие турецкие сановники, а также английские дипломаты, среди которых был и сам британский посланник в Стамбуле лорд Стратфорд Редклифф²⁸ и даже великий везир Мустафа Решид-паша. Причастен к этому делу был и австрийский посол Прокеш-Остен. Исполнением же всего дела на английские деньги руководил поляк граф Замойский²⁹.

Сначала Яноша Бандья назначили «главнокомандующим черкесскими войсками», а вскоре он присвоил себе звание «главнокомандующий европейскими войсками на Кавказе». В действительности же Бандья стал, по словам К. Маркса, «чем-то вроде начальника штаба у Сефер-паши (Сафар-бея. — *Ф.Б.*)»³⁰. К. Маркс в статье «Предатель в Черкесии» об этом авантюристе писал, что он «в 1851 и 1852 гг. находился в эмиграции в Англии; состоял на службе у русского и французского правительств в качестве шпиона и, разумеется, должен был действовать заодно с их общим хозяином; теперь, пользуясь покровительством Англии, он отправляется в Черкесию, где якобы преобладают новые настроения. Старые настроения были антирусскими. Новые должны быть в пользу России, Черкесия должна-де добиться независимости, которую она никогда не теряла и, в довершение всего, выдумывается парламент, который еще только должен быть создан»³¹.

О деятельности турецких, английских и иных иностранных агентов на Кавказе после Крымской войны сказано много. «Однако необходимо отметить, что деятельность этих агентов особенно активизировалась в начале 60-х годов, и в Лондоне образовался комитет, так

называемый «Черкесский комитет», связанный с промышленниками и купцами, которые ставили перед собой задачу изучения ресурсов Кавказа и прилегающих к нему стран, хотя все это делалось вопреки обязательствам, принятым на Парижском мирном конгрессе»³².

Правительство Франции, несмотря на неудачное вмешательство в кавказские дела, также не оставляло мысль об организации восстаний одновременно на Кавказе и в Польше. «Оно оказывало непосредственное содействие пресловутой экспедиции Т. Лапиньского и имело дело с горцами через французского консула в Трапезунде, посылавшего на северо-восточный берег эмисаров»³³. «Осенью 1863 г. в русском посольстве в Стамбуле стало известно об отправке на Кавказ французской военной «комиссии» в составе двух офицеров генерального штаба и восьми других офицеров (инженерных войск и др.) «с каким-то тайным поручением от французского правительства»³⁴.

Русский поверенный в делах в Стамбуле этот факт считал «весьма правдоподобным». «Вообще, — писал он, — весьма вероятно, что в видах французов и англичан наш кавказский берег представляется одной из лучших операционных линий против России в случае объявления нам войны по поводу польского вопроса. Последние подвозы оружия в Вардане происходили под главным руководством французского авантюриста капитана Маньяна, имевшего на этот случай в своем распоряжении суммы от здешнего польского комитета»³⁵. В то же время Франция, чтобы привлечь на свою сторону народы Закавказья, проявляет «заботу» о восстановлении «самостоятельности» Армении и Грузии. По этому поводу русский посланник в Турции граф Н.П. Игнатьев в письме товарищу (заместителю) министра иностранных дел России от 10 августа 1865 г. писал: «С некоторого времени начинают проявляться признаки намерения французского правительства создать нам затруднения на Кавказе, подготовив посредством тайных агентов какие-либо недоразумения с пограничными турецкими властями и возбуждая в армянах и грузинах дух народной самобитности и стремление к независимости»³⁶.

О деятельности иностранных агентов на Кавказе сохранилось много документов как в Военно-историческом архиве России, так и в Центральном государственном архиве Грузии. Много подобных документов опубликовано также в «Актах, собранных Кавказской Археологической комиссией» (под редакцией А. Берже) и в «Сборнике документов и материалов Архивного управления Грузии» («Шамиль», 1953 г.).

Правительства Англии, Франции и Турции в период массового переселения горцев Западного Кавказа то всячески провоцировали это движение, то тормозили его. В том и в другом случае они стремились нанести вред интересам России. Вмешательство европейской дипломатии, как и турецкой, «в дела горцев... происходило не в их инте-

ресах или с какой-нибудь гуманной и нравственной целью, а явилось как средство загребать жар чужими руками. Горцы в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости»³⁷.

Обострение политической борьбы в Европе в связи с «польским вопросом» заметно сказалось и на судьбе кавказских народов. Европейские правительства, мало заботясь о судьбе поляков, усматривали в польском восстании 1863 г. средство для борьбы с Россией. С этой же целью Англия и Франция стремились использовать также Турцию и Кавказ.

Европейские державы не оказали горцам необходимой помощи в их борьбе на Кавказе. Для спасения же горцев от неминуемой гибели на чужбине они не только не принимали никаких мер, а, напротив, всевозможными советами и предложениями турецким властям во многом усугубляли трагизм исторической драмы. Волос того, в то печальное время на восточном побережье Черного моря наблюдалась открытая и оживленная работоторговля, и которой активную роль играли не только турки, но и англичане³⁸. Они «красавицами набивали трюмы: несчастные с плачем обращались к русским офицерам освободить их оттуда и удержать на родине. Поставщики гаремов и турецкие покупатели оставались, вероятно, в больших барышах»³⁹. Современник событий военный историк Р. А. Фадеев писал: «Довольно посмотреть на донесения консулов, чтобы узнать, как тают черкесы в Турции: их выбыло уже наполовину, между ними нет больше женщин, а новых женщин в Турции можно достать только за деньги»⁴⁰.

В переселении горцев Северную Кавказа, как уже отмечалось, решающую роль сыграл русский царизм. Концентрация на Кавказе больших военных сил (до 200 тыс. солдат и офицеров) после окончания Крымской войны дало ему возможность как можно быстрее осуществить свои цели. Русские войска предприняли два «решающих наступления» на силы Шамиля и затем захватили Западный Кавказ. Этот регион после Крымской войны приобрел «особое значение» для России, поскольку, как шпорилось, по условиям Парижского мирного договора ей запрещалось иметь арсеналы на Черном море.

Александр II принял план генерала Евдокимова, избранного им самим для исполнения своей «державной воли». План Евдокимова заключался в том, чтобы при покорении пой части Кавказа опираться на Кубанское казачье войско и, сооружая новые поселения на захваченных территориях, «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах»⁴¹ и в конце концов «совершенно вытеснить их из страны»⁴². Кроме того, за главными силами русских войск тянулись «бесчисленные переселенческие транспорты в основном из казаков», которые располагались в местах, прежде при-

надлежавших горцам, чтобы лишить последних «возможности возвратиться» обратно⁴³. В июне 1861 г. был издан «высочайший рескрипт» о предоставлении новых льгот и увеличении пособий казакам Кубанского войска, которые переселились на передовые линии. В мае 1862 г. было утверждено положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России⁴⁴. В августе того же года генерал Г. 3. Орбелиани отмечал, что большая часть земель натуханцев уже занята казаками, и горцы «так стеснены, что им действительно трудно существовать на оставшейся в их владении земле»⁴⁵.

Никакие усилия горцев не могли противостоять задуманному царизмом плану покорения Кавказа, заключившемуся в последние четыре года войны, по определению Р.А. Фадеева, «в изгнании горцев из их трущоб и заселении Западного Кавказа русскими»⁴⁶. Вот так описывал войну известный историк-кавказовед Е.Д. Фелицын: война шла «с неумолимой строгостью. Черкесские аулы выжигались сотнями. Посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на плоскость (равнину) под управлением... приставов, непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию... в ясные дни нередко скрывалось солнце от бесчисленных пожаров»⁴⁷.

В сентябре 1861 г. Александр II посетил Кавказ. К нему обратилась черкесская делегация, которая просила прекратить захват тех мест, где родились и жили их отцы и деды. На что император заявил: «Я даю месячный срок — должны решить: желают ли они переселяться на Кубань... или же пусть переселяются в Турцию»⁴⁸. Вместе с тем царское правительство в конце 1862 г. как одно из «решительных мер» объявило, что все крепостные, вышедшие из гор, объявляются «свободными» и будут поселены на «удобных местах»⁴⁹.

С 1860 г. главным средством покорения Кавказа была признана военная колонизация, и, следовательно, выселение горцев. «...Осенью 1860 года решено было прекратить бесполезные экспедиции, — писал начальник штаба Кавказской армии генерал Кравцов, — и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами, горцев же выселять на равнины, подчиняя тем нашему управлению»⁵⁰. Этими мерами царское правительство стремилось лишить горцев естественных убежищ в горах и поставить их под контроль своей администрации, окружив со всех сторон казачьими поселениями. К октябрю 1863 г. были переселены или стеснены казачьими станицами абадзехи и шапсуги. В начале февраля 1864 г. по требованию Евдокимова оставшиеся горцы покинули свои жилища и горные ущелья: одни поселились на прикубанской равнине, другие выехали в Турцию. «Таким образом, — писал генерал А. П. Кравцов, — на северном склоне западной части Кавказских гор не осталось ни одного горца. Южный

склон, вплоть до морского берега (побережья) от Новороссийской бухты до Туапсе, совершенно очищен от всякого населения»⁵¹. Французский агент на Западном Кавказе Фонвилль был свидетелем страшной картины ухода горцев, сгоняемых царскими войсками с насиженных мест. Он писал: «...Мы имели возможность вблизи видеть поражающую нищету этого несчастного народа; ежедневно мы встречаем новые партии горцев, выселявшихся в земли, еще не занятые войсками, и последние дожди и наводнения погубили большое число этих переселенцев, мы беспрестанно встречали на пути нашем трупы. Голод был страшный, много несчастных погибло от него. Иногда нас принимали в аулах, но мы бежали оттуда, боясь заразиться болезнями, которые уничтожали население целых аулов. Так, однажды, во время нахождения нашего в ауле умерло восемь человек от тифа»⁵².

После «очищения» гор от жителей, войскам предстояло «очистить» от них и береговую полосу. Генерал Кравцов полагал, что стесненные в узкой прибрежной полосе горцы были бы «поставлены в отчаянное положение». К тому же вряд ли они согласятся покинуть «живописную природу Родины», чтобы переселиться в прикубанскую степь. Поэтому он считал, что надо дать им возможность «переселиться в Турцию, рассматривая это как проявление человеколюбия»⁵³.

В начале 1864 г. по плану генерала Евдокимова войска двинулись на южные склоны Главного Кавказского хребта. Это было сделано специально в начале года, т.е. зимой, когда «уничтожение запасов и селений действует губительно, горцы остаются совершенно без крова с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище»⁵⁴. В марте 1864 г. войну против русских войск продолжали убыхи во главе с Берзеком. Однако их сопротивление было совершенно бессмысленным, что и учитывало царское командование. Генерал Гейман ультимативно предложил убыхам: «Сейчас же, без обозначения срока, те, кто желает идти в Турцию, должны собраться табором на берегу моря к устьям Шахе Варнаде и Сочи... Те же, кто хочет идти к нам, должен сейчас же выселяться на Кубань...»⁵⁵. 29 марта 1864 г. было занято селение Сочи — сердце убыхской земли. С гордыми и воинственными убыхами также было покончено.

2 апреля в лагерь, где находился наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, явились представители адыгских племен — шапсугов, убыхов, садзов и других, которые от имени своих соплеменников заявили о «безусловной покорности» и попросили дать им возможность переселиться в Турцию. Наместник заявил, что «согласен на их просьбы и дает им месяц сроку для того, чтобы они могли приготовиться к переселению и выйти со своими семьями... и что по истечении срока, если кто не исполнит этого требования, то будет поступлено как с военнопленными, для чего будут присланы новые

войска»⁵⁶. К 19 апреля русские войска уже не встречали в горах убыхов — все они направились в Турцию.

В труднодоступных ущельях оставались еще западноабхазские племена, готовые оказать сопротивление своим покорителям. Признав разгром этих племен «первостепенной необходимостью», главнокомандующий Кавказской армией двинул в незанятые еще земли четыре колонны, чтобы «совместными действиями очистить страну в возможно скорейшее время»⁵⁷. К 20 мая все войска сосредоточились в центре «очищенной» земли ахчипсувцев — Рубаадвы (ныне Красная Поляна). Этому глухому селению суждено было стать местом, где 21 мая 1864 г. в присутствии наместника Кавказа состоялись торжества по поводу окончания Кавказской войны. Таким образом, как выразился Р. А. Фадеев, активный участник военных операций на Кавказе, «действия порохом и железом кончились»⁵⁸. Другой адвокат политики самодержавия, А. Фонвиль, о действиях регулярных войск на Кавказе писал следующее: «Надо было истребить черкесов наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но едва ли не более десятой части погибли от лишений и суровых зим, проведенных в метели в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины и дети. Когда черкесов собирали на берегу для отправки в Турцию, то по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах множество людей разбегались по лесу, и в этой кровавой трагедии нередко матери разбивали головы своим детям»⁵⁹.

Таким образом, говоря словами хорошо осведомленного участника Кавказской войны историка генерала А.Л. Зассермана, «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорья в горы, с гор к морскому берегу полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу, должно было искать спасения в переселении в Турцию»⁶⁰. Но там, как отмечал еще в 1861 г. А. И. Барятинский, «они оказались брошенными на произвол судьбы»⁶¹. Таков был печальный финал Кавказской войны, которая, по словам А. И. Герцена, считалась наиболее реакционной из всех войн самодержавия, нанесших наибольший ущерб русскому народу. Мрачная эпоха царствования Николая I, писал он, «открылась виселицами, шествуя вперед, утопая в крови и слезах Польшу и Кавказ»⁶².

Русские демократы отмечали не только ужасы, которые несла кавказским горцам затеянная царизмом война, но и громадные жертвы, которых стоила русскому народу колониальная политика царизма. Н. Г. Чернышевский утверждал, что «миллионы погибли на Балканах и на Кавказе»⁶³. Узнав о прекращении военных действий в Дагестане и Чечне, он писал: «Слава Богу, теперь Кавказ не будет погло-

щать ежегодно по 25000 русских солдат»⁶⁴. По мнению генерала Е.А. Голвина, «в 1838—1843 годах на Кавказе ежегодно гибло до 30 тысяч человек и шестая часть доходов Российского государства шла на ведение войны в том крае»⁶⁵.

Завершение присоединения Кавказа вовсе не означало «умиротворения» его народов. Положение оставалось напряженным особенно в северной части края, где происходили сложные события как внутреннего, так и международного значения.

Трагические обстоятельства переселения

Переселение кавказских горцев, как уже отмечалось, нарастало по мере утверждения колониального режима в крае, обострения внутренних социальных противоречий. Начало этой трагедии в XIX в. обычно связывают с деятельностью генерала А. П. Ермолова, «система» которого, как писал известный публицист Султан Давлет-Гирей⁶⁶, «действовала на руку Турции»⁶⁷. Массовым же переселение горцев Западного Кавказа стало в конце 50-х годов XIX в. Время это было для самого царизма весьма тревожное. Оно характеризовалось подъемом народного движения по всей Российской империи. В ситуации, сложившейся в конце 50 — начале 60-х годов, когда после отмены крепостного права в стране обострились классовые противоречия, царизм стремился ускорить решение «кавказской проблемы». Царское правительство не без основания опасалось, что в случае осложнения международной обстановки, в частности возникновения новой войны с Турцией, горцев Кавказа могут использовать против России⁶⁸.

Для проведения в жизнь колониальной политики новый наместник на Кавказе князь А. И. Барятинский был весьма подходящей личностью. В то время как при его предшественнике генерале М.С.Воронцове переселение кавказских горцев в Турцию «значительно уменьшилось»⁶⁹, — с назначением А. И. Барятинского «снова началось волнение кавказских племен и снова началось переселение». Говоря о «поощрении кавказского переселения», Барятинский писал в октябре 1861 г., что при этом преследуется основная цель — «избавить кавказское плоскогорье от населения» и открыть, таким образом, «прекрасные и плодородные места для казачьего поселения»⁷⁰. В своем поздравительном письме от 21 мая 1864 г. Александру II по случаю окончания Кавказской войны Барятинский предлагал как можно быстрее решить «кавказскую проблему». Он, в частности, писал: «Без потери времени и, насколько возможно, выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда»⁷¹.

Командующий войсками Кубанской области генерал Н. И. Евдокимов, проводящий «новую систему» в жизнь, писал: «Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны»⁷².

Позиция России в этом вопросе лучше всего выражена в отчете главнокомандующего кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863—1869 годы (отчет хранится в Военно-историческом архиве России). Ввиду важности документа приводим его полностью:

«Покорение Западного Кавказа закончилось выселением в Турцию значительных масс горского населения нынешней Кубанской области, что, с одной стороны — дало простор для колонизации опустевших ее земель русским элементом, а с другой — весьма облегчило устройство на новых началах той части городского населения Западного Кавказа, которая осталась на родине. Из числа 500 тысяч горцев, проживавших за Кубанью в начале 60-х годов, к 1865 году осталось не выселенными в Турцию всего лишь до 90 тысяч. Без сомнения, такая громадная масса переселенцев не могла быть подвинута к оставлению родины одними лишь мерами, извне предпринятыми по расчетам победителя, если бы в этой массе не таилось издавна тяготение к Турции, если бы мысль о переселении туда не казалась для непокорных нам горских племен единственным исходом на случай невозможности для них продолжать борьбу с нами. Не будь у них этого тяготения к Турции, порожденного религиозным единством их с турками, а также невежественным представлением о тех благах, которыми преисполнена турецкая земля, само собою все наши подготовительные меры к окончанию войны на Западном Кавказе, путем переселения туземных враждебных нам племен в Турцию, не могли бы привести к столь быстрым успехам, а поставили бы эти племена в то безвыходное положение, которое доводит до отчаянного сопротивления.

Вообще, совершившееся в 1863—1864 годах в громадных массах переселение горцев Западного Кавказа, а равно повторявшиеся затем довольно частые, хотя и менее важные, случаи переселения горцев в Турцию, и тем более частые заявления ими намерения к переселению ясно показали, что тяготение к этой единоверной стране во всем вообще мусульманском горском населении Кавказа существовало и будет существовать, пока религиозный фанатизм и порождаемая им невежественность представления о благоденствии под властью султана не будут устранены мерами просвещения и указаниями горского опыта, ...что стремление к переселению в Турцию служило и служит в этом населении выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-либо неприятною и тягостною. Но, с другой стороны, те же самые факты переселения указывают, что таким тяготением горцев к Турции, за невозможностью до времени искоренить его, правительство может пользоваться в своих интересах как вернейшим средством давать благополучный исход невежественному, хотя по большей части и пассивному, упорству и религиозному фанатизму, в большей или меньшей степени всегда проявляющимся при проведении в жизнь горцев какой-либо важной реформы.

Подтверждением этого могут послужить обстоятельства, сопровождавшие выселение в 1865 году в Турцию некоей части чеченского племени, а равно выселение туда же в начале 1867 года некоторой части населения Сухумского отдела» (имеется в виду население, подведомственное Отделу упомянутого выше Военно-народного управления. — *Ф. Б.*)

Чеченское племя по многолюдству своему и по топографическим свойствам занимаемой им местности, из прочих горских племен Терской области сохраняло возможность сопротивляться как оружию нашему при покорении восточного Кавказа, так и мерам нашей администрации в первые годы по покорении его. Для ослабления враждебного к нам настроения этого сильного племени, а также в видах достижения успешных результатов по земельной реформе в Чечне, не имевшей достаточного количества земель для обеспечения густого ее населения, необходимо было, в возможной степени, ослабить, разрядить это последнее. Единственно практическим в данном случае оказывался тот именно способ, чтобы возбудить в некоторой, наиболее беспокойной части чеченского населения стремление к переселению в Турцию. Меры, принятые для получения желаемого успеха, в 1865 году дали возможность выселить в Турцию более 23 тысяч душ обоего пола, в числе около 5 тысяч семейств, через что правительство избавлялось от лиц, наиболее к нему враждебно настроенных, и в то же время

появилась возможность обеспечить оставшееся население Чечни достаточным земельным довольствием. Кроме того, переселение части чеченцев в Турцию дало и другие благоприятные результаты. Чеченские переселенцы не обрели того благополучия в Турции, на которое рассчитывали, и спустя некоторое время по переселении, побуждаемые голодом и разного рода неудобствами к жизни, начали стремиться к возвращению на родину. Таких обратных переселенцев, выбегавших из Турции поодиночке и целыми семьями и переиспытавших на пути своего бегства всевозможные лишения, насчитывается до 2 тысяч душ. Без сомнения, это должно послужить хорошим, хотя и горьким уроком, как для самих обратных выходящих из Турции, так и для их соплеменников, питавших несбыточные надежды на ожидающее их благоденствие в пределах Турции. Можно сказать, что уже и теперь заметны весьма явные признаки того, что неудача переселения в Турцию, постигшая некоторую часть чеченцев, вразумляет остальных, оставшихся на родине. Это беспокойное племя, почти не знавшее другого занятия, кроме грабежа и разбоя, начинает заявлять себя способным к усвоению правильной гражданственности, бросает совершенно всякую идею о переселении и выказывает наклонность сделаться со временем очень промышленным населением».

Далее автор отчета продолжает:

«После абхазского восстания 1866 г. признано было также полезным для водворения спокойствия и порядка в Сухумском отделе ослабить положение и влияние враждебной нам части населения этой страны и для того воспользоваться существовавшим в нем настроением к переселению в Турцию. Для достижения этого не требовалось даже прибегать к каким бы то ни было возбуждениям и принудительным мерам, так как с покорением Западного Кавказа и со введением в Абхазии непосредственного русского управления мусульманское население этой страны и в особенности высшие его сословия, оставшись единственными представителями магометанства на всем пространстве владений наших по восточному побережью Черного моря, отдаленные от мусульманских провинций Закавказья густым христианским населением Мигрелии и Имеретии и имея весьма трудные сношения с мусульманскими племенами Северного Кавказа, увидели неизбежность своего падения и потому смотрели на уход в Турцию как на единственное средство избежать подчинения тем новым условиям, в какие они были поставлены водворением нашей власти. В этих видах, я испросил Высочайшее Вашего Величества разрешение на выселение в Турцию части мусульманского населения Абхазии и Цебельды, к чему и было приступлено в феврале 1867 года, и к июню того же года переселение было окончено, причем выслено в Турцию 3358 семейств, в числе 19 342 души обою пола. Результатом этого переселения оказалась возможность приступить к устройству населения Сухумского отдела сообразно видам жительства, не опасаясь за порядок и спокойствие в этой стране; вместе с тем, с очищением Цебельды и с удалением наиболее враждебной нам части населения Абхазии, в значительной мере отстранена та опасность, которая могла угрожать нам со стороны этих земель на случай внешней войны, ибо, при прежних элементах своего населения, Абхазия и Цебельда, представляя, по географическому своему положению, удободоступный операционный базис для действий в долине Ингури и Риона, могли бы дать, в случае войны, неприятелям нашим важное преимущество к успеху, так что для устранения политических затруднений и опасностей, могших угрожать нам с этой стороны, представлялось крайне необходимым употребить все меры к ослаблению в этой местности враждебного нам мусульманского элемента.

Так как независимо от изложенных случаев переселения горцев в значительных массах, во всем вообще горско-мусульманском населении Кавказа проявляется по временам стремление к эмиграции в Турцию, служа обыкновенным протестом против наших мер, почему-либо не нравящихся этому населению, то по состоявшемуся соглашению нашего посольства с турецким правительством, по коему число переселяющихся с Кавказа в Турцию горских семейств может доходить до 200 в год, я разрешал начальникам отдельных частей по военному управлению выпускать ежегодно в Турцию около этого числа семейств; число это распределялось преимущественно на Дагестан и затем на Терскую область и отчасти на Закавказский округ, так как, по положению дел в Кубанской области, представляется неудобным разрешать из нее дальнейшую эмиграцию горцев, равно как не предвидится новых уважительных поводов к эмиграции из Сухумского отдела.

Такая мера дает благоприятный для нас исход накопляющемуся по временам в горском населении недовольству правительственными распоряжениями. Так, в 1869 году, когда подобное недовольство стало проявляться в населении Закавказского округа по поводу назначения в оный особой комиссии для приведения в известность сословно-поземельных прав и отношений местного населения и как скоро это недовольство заявило себя, как и следовало

ожидать, просьбами о переселении в Турцию, я считал необходимым произвести выселение из округа до 100 семейств, удаляя даже насильственно из округа тех, кто из заявивших просьбы и, по вредности своей, предназначенных к выселению, не пожелал бы действительно затем отправиться в Турцию. При исполнении этой меры желавших искренно переселиться оказалось гораздо менее половины; но тем не менее, все 100 семейств, как раз заявивших уже просьбы, были выселены. Чрез это получились весьма благоприятные результаты: наиболее недовольные и беспокойные из местных жителей были удалены из края, остальное же население округа, за удалением зачинщиков переселения, сочло для себя за лучшее не следовать их примеру и спокойно выжидать результатов изысканной комиссии.

Вообще же стремление к переселению, как обыкновенное и, так сказать, уже нормальное явление, проявляется более всего в Дагестане, и, преимущественно, в Северном и Южном его отделах (будучи почти незначительным собственно в нагорных его частях) и затем в Кабарде, где религиозный фанатизм всегда был более развит, чем во всех других племенах Терской области, и где к тому же высшее сословие все еще с трудом мирится с теми новыми условиями, в которые оно поставлено произведенными в последнее время реформами.

Что касается отношения султанского правительства Турции к переселению горцев Западного Кавказа, то с 1858 г. эта проблема стала предметом его дипломатической переписки с правительством России. Правящие круги Турции, как мы уже видели, всячески поощряли и провоцировали это движение. Они наводняли Кавказ своими тайными агентами с прокламациями и воззваниями, призывавшими горцев переселяться в Турцию.

О заинтересованности османского правительства в этом свидетельствует тот факт, что 9 марта 1857 г. (за семь лет до окончания Кавказской войны) им был принят закон о переселении горцев Северного Кавказа на территорию Османской империи, в котором содержались очень привлекательные для них условия:

1) каждый, кто желает переселиться в Турцию, будет находиться под личным покровительством султана;

2) земли, предоставляемые переселенцам, освобождены от всех налогов;

3) каждый, кто переселится во Фракию, освобождается от военной службы на 6 лет, а в Анатолию — на 12 лет⁷³.

В 1860 г. спустя три года после принятия этого закона в Османской империи было образовано Управление по делам мухаджиров (переселенцев). Русский консул в Трапезунде А. М. Мошнин в письме от 28 декабря 1863 г. подчеркивал: «Порта рада переселению и принимает меры к его облегчению». А. Берже также сообщал, что «турецкое правительство, полагая, что это переселение будет совершаться постоянно и не потребует особых усилий и средств, смотрело весьма благоприятно на прилив горцев в Турцию»⁷⁴. Один современник событий отмечал, что «по мере нажима царизма на горцев Турция все больше провоцировала их к переселению и подготовила флот и другие транспортные средства для ускорения этого процесса»⁷⁵. Султан Давлат-Гирей писал о планах Порты в отношении горцев Северного Кавказа:

«Турецкое правительство охотно принимало к себе переселенцев, а переселенцы нужны были для заселения пустынных мест в

европейской и азиатской губерниях. Народонаселение Турции в то время сильно уменьшилось после двухвековой борьбы с балканскими народами и в Аравии. Турция совсем опустела, теряя каждый год, как показывают статистические данные, относящиеся к тому времени, более 100 тысяч своих сыновей в непрерывных войнах. Турция не ошиблась, ей выгодно было получить новый народ — народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности»⁷⁶.

Однако существовал и иной взгляд на вещи. Турецкий историк Иззет-паша считал, что «такое опрометчивое решение турецкого правительства продвинуло границу Российской империи в сторону Турции и укрепило ее (Россию) в столь важном стратегическом районе, как Кавказ»⁷⁷.

Турецкое правительство стремилось использовать переселенцев в первую очередь в целях реализации своих военно-политических планов, разместив горцев на стратегически важных пунктах (в случае войны с Россией их можно было бы использовать в качестве боевой силы). «Турецкие власти расселили горцев на Балканах и в Анатолии. Они стремились усилить позиции мусульман на Балканах для противопоставления интересам стран Запада в этом регионе»⁷⁸. Порта полагала «найти в черкесах цемент для сплочения своей распадающейся империи, и колонии черкесов, расположенные таким образом на Балканах, образовали бы полосы между христианским населением и могли бы обуздать христиан в случае надобности»⁷⁹. Власти решили использовать черкесов в борьбе с центробежными силами, они пытались увеличить удельный вес мусульман среди угнетаемых христианских народов в регионе и, опираясь на кавказских горцев, покончить с освободительным движением национальных меньшинств⁸⁰.

Эмиссары турецкого правительства с самого начала переселения стремились убедить горцев, что Турция — это «райская земля», покровительница всех мусульман, а султан — их глава. Кроме того, распространялись слухи, что российский император заключил с турецким султаном договор, по которому для обмена «киноверческими подданными» кавказским мусульманам разрешено свободно переселиться в Турцию, что там им отводят земли и даже выдают денежное пособие⁸¹. Султанский эмиссар Мухаммед Насарет в 1864 г. взывал к черкесам: «Берите ваши семейства... и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь народ принимает в этом деле участие. Если неотложные дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши; получив заверение от правительства встретить и устроить вас, я ручаюсь за ваше спокойствие и безопасность»⁸². Султан Абдул Азиз, обращаясь к горцам, писал: «Оставляя свои жилища, поспешите ко мне немедленно, дабы не заслу-

жить гнев всемогущего Аллаха и победоносца султана»⁸³. Подобные призывы иногда подкреплялись материальной и военной помощью. Все это сбивало с толку горских крестьян, малосведущих в политике.

Среди причин переселения необходимо также указать, что одним из факторов, инспирировавших массовый исход горцев в Турцию и облегчавших вмешательство извне во внутренние дела Кавказа, была деятельность консервативной части местных феодалов. Переселенцы под их влиянием чаще всего наивно надеялись избавиться от тяжелой жизни и обид, которые они терпели у себя на родине.

В большинстве случаев горцы переселялись в Турцию не по собственной инициативе, а под давлением влиятельных сородичей из духовенства и социальных верхов, злоупотреблявших вековыми обычаями и традициями внутриклановых и межличностных отношений, а также под воздействием «догм ислама о слепом подчинении старшим и влиятельным лицам»⁸⁴. Инициаторами переселения, например, осетин были алдары (князья) Цаликовы и Кануковы, Абисаловы и Тугановы⁸⁵.

В переселении осетин и чеченцев в Турцию предательскую роль играл М. Кундуков, генерал русской армии, осетин, который обратился к начальнику Терской области генералу М. Т. Лорис-Меликову с предложением: чтобы подтолкнуть горцев (особенно чеченцев) к переселению, необходимо прибегнуть к негласному вознаграждению трех или четырех наиболее популярных у населения личностей⁸⁶. 17 мая 1864 г. было сообщено, что Александр II одобрил проект М. Кундукова и уполномочил его заняться переселением чеченцев и осетин, чтобы «отдалить их сколько можно от Кавказа»⁸⁷. Сам М. Кундуков рассчитывал на успех переселения. После ухода в Турцию не менее 3 тыс. семей он намеревался уйти со службы и последовать за переселенцами, получив из казны 45 тыс. рублей. Однако кавказский наместник согласился удовлетворить желание М. Кундукова лишь в том случае, если с Кавказа «уйдет не менее 5 тыс. семейств чеченцев и карабулахов»⁸⁸.

«В феврале 1865 г., — пишет генерал М. Кундуков в своих воспоминаниях, — получил письмо от генерала Лорис-Меликова. Чтобы подготовиться к переселению чеченцев, я сразу же собрал старшин чеченцев и осетин и предложил им переселиться в Турцию, и там, если они не смогут устроиться на хороших землях, на таких, какие были захвачены русскими, то в этом случае османское правительство поможет нам подготовиться к изгнанию русских с Кавказа. Многие отказались от таких предложений, но после длительных переговоров они вынуждены были согласиться и спрашивали, каким путем им переселяться? Я ответил: через Грузию по суше, и русская армия окажет нам необходимую помощь.

Когда я обратился к генералу Л. Малоховец, — продолжает Кундуков, — выплатить мне за имущество 45 тыс. рублей, он мне отдал эту сумму. Я просил еще помочь беднякам переселиться и попросил еще 10 тыс., кроме 10 тыс. он дал мне еще 20 тыс. рублей, так как он думал, что 10 тыс. мало.

Таким образом, 26 мая 1865 г. эмигрировал я с 3-мя тысячами семейств, среди них моя семья и семьи моих родственников, а переселение остальных я поручил Сатадуллаху Наibu (депутату уполномоченному) в Чечне. Так закончилась моя 29-летняя служба в русской армии, и мне было в то время 44 года. Чтобы не участвовать в новой войне, я эмигрировал в

Турцию, и 22 июля 1866 г я прибыл в г. Каре, где [достойно] меня встретили, и в 1867 г. получил звание [паша] в турецкой армии»⁸⁹.

Переселение в Турцию поддерживала и та реакционная часть горских феодалов, которая выступала против крестьянской реформы и пыталась, таким образом, сохранить свои права. Местные феодалы с недоверием относились к аграрно-крестьянской политике правительства. «Для этого были основания: еще в 50-х годах XIX в. на Северном Кавказе было ограничено крепостное право. Слухи об освобождении крестьян среди горского населения быстро распространились, особенно после отмены крепостного права в Ставропольской губернии в 1861 г.»⁹⁰. Оппозиционно настроенные феодалы развернули деятельность в пользу переселения в Турцию, дабы угрозой массового выезда принудить царское правительство сохранить в крае крепостное право. Большие группы местных князей и дворян открыто требовали приостановить реформу или разрешить им переселиться в Османскую империю. Горские феодалы уезжали сами и увозили зависимых от них людей, используя влияние мусульманского духовенства.

Таким образом, впоследствии к политическим и нравственным стимулам выселения присоединились причины социально-экономические. «Эти именно лица, — пишет А. П. Берже, — и должны считаться инициаторами выселения. Влияние их на народ было неотразимо. Руководствуясь личными интересами, они употребляли все усилия, чтобы запугать желавших перейти к нам ...солдатчиной и необходимостью отказаться в будущем от мусульманской религии»⁹¹. Его мнение дополняет другой комментатор: «Одним словом, — писал Узбек Батрай, — феодалы Западного Кавказа договорились эмигрировать, чтобы сохранить свои привилегии на новом месте»⁹². Феодалам было предоставлено право «насиленно вести в Турцию крестьян, которые не хотели туда идти». Иной же «владелец» уводил с собой крестьян, чтобы просто «распродать их на турецких невольничьих рынках»⁹³. Царское правительство воспользовалось этим обстоятельством и приняло одну из решающих мер воздействия на представителей кавказской знати в конце 1862 г., объявив об освобождении горских крепостных крестьян, принадлежавших феодалам, которые не подчинялись русским властям: «крепостное право будет иметь место только в тех случаях, когда владелец добровольно перейдет в русское подданство со всем семейством, холопами и имуществом»⁹⁴.

Некоторые горские феодалы, боясь лишиться своей рабочей силы, пытались побудить царское правительство ограничить выезд крестьян в Турцию, которые без согласия своих хозяев не имели права переселиться.

Большая часть населения Северного Кавказа исповедовала ислам, однако в движении мухаджиров религиозные мотивы не были определяющими. Нельзя в данном случае преувеличивать их значе-

ние, как это делают некоторые зарубежные историки. Эти мотивы сыграли роль лишь в направлении основной массы переселенцев в Османскую империю, казавшуюся ей «меньшим злом», потому что Турция пришла на Кавказ в трудный момент в жизни горцев и открыла им свою «райскую землю» для переселения⁹⁵.

Следует отметить, что проникновение ислама на Западный Кавказ абсолютно не означает, что новая религия стала для местных жителей таким регулятором общественной жизни, как на Восточном Кавказе, где ислам начал распространяться еще в VIII в. и где борьба против колониальной политики царизма велась под знаменем газавата — «священной войны». В отличие от Восточного Кавказа, на Западе война не носила религиозной окраски. Более того, некоторые племена Северо-Западного Кавказа эмигрировали в Турцию язычниками, взяв с собой своих идолов — «Бетха» или «Тха», но под давлением насильственной исламизации, проводимой в Турции, они вынуждены были похоронить свои божества⁹⁶. И все же, даже приняв ислам, убыхи, например, продолжали отправлять свои древние языческие обряды.

О насильственной исламизации, проводимой в Османской империи, свидетельствует то, что «среди переселенцев на черноморском побережье Анатолии было немало горцев-христиан, которые скрывали свое вероисповедание»⁹⁷. Один журналист писал из Трапезунда 7 сентября 1877 г.: «Количество абазинских мухаджиров, которые прошли через города, доходит до 34-х тысяч человек. Среди них много христиан, которые обратились к итальянскому консулу и объяснили ему, что их вынуждали оставить родину и перейти в страну ислама, но турецкие власти не выполняют своих обещаний»⁹⁸.

Вообще на Кавказе влияние религии усилилось, когда царизм взял «твердый курс» на покорение края. Ислам в форме мюридизма как воинствующего направления суфизма стал идеологией национального освободительного движения горцев сначала в Дагестане и Чечне, а затем пытался утвердиться на Северо-Западном Кавказе. Мюриды провозгласили несколько фанатических лозунгов антирусского содержания, как то: «Все русские — безбожники. Ненависть к русским в исламе обязательна. Лечиться у русских врачей запрещено религией. Каждый, кто не воюет против русских, идет в ад. Нация пророка Магомеда не должна находиться под властью безбожников и др.»⁹⁹. Таким образом, религиозная пропаганда, поддерживаемая Турцией, имела явное политическое направление. Религиозный фанатизм горцев во время кавказской войны достиг предела и исключил всякую возможность договоренности с царизмом. Этим пользовалось османское правительство, всячески раздувавшее исламский фанатизм у горцев. Основные аргументы исламской пропаганды, исходившей из Турции, сводились к следующему:

—жить под властью кафиров (неверных) нельзя, поэтому следует сражаться и умереть или эмигрировать в страну ислама;

—эмиграция — это ваша судьба, начертанная Аллахом, и волю Всевышнего необходимо исполнить;

—эмиграция признается исламом, даже сам Пророк эмигрировал, когда это ему было необходимо; вы сначала эмигрируете в страну ислама, а там подготовитесь к освобождению своей земли от врагов;

—кто умрет на неисламской земле, тот попадет в ад, а кто хочет попасть в рай, должен умереть на исламской земле.

Кроме того, турецкие эмиссары среди горцев распускали слухи о том, что все, оставшиеся на родине, будут считаться военнопленными и будут отправлены в Сибирь¹⁰⁰.

Переселение горцев в Турцию привлекло пристальное внимание ученых и просветителей на Северном Кавказе.

Современник событий историк Нух ал-Мартуки подробно описал методы колонизации Кавказа царизмом¹⁰¹. Автор в своей рукописи «Блестящие страницы в истории черкесов» остановился на роли местных феодалов и турецких эмиссаров в переселении, указал на место религиозных мотивов в побуждениях переселенцев. «Возможно было бы, — писал Нух ал-Мартуки, — найти форму примирения с русскими, если бы не было среди нас таких предателей, которые сначала, за маленькую сумму денег, показали врагам путь к нашим сооружениям и облегчили им захват нашей земли, а затем сами стали пропагандировать переселение в Турцию. Они, будучи неграмотными, поверили турецким эмиссарам, полагаясь на «милость и доброжелательность» турецкого правительства, и переселились туда, где с первого дня оказались у могильного порога, без какой-либо помощи. Они полагали, что путем переселения избавятся от злого врага и попадут к хорошему верному другу-единоверцу. Но все это оказалось иллюзией».

Царское правительство, как мы дальше увидим, опасалось возрастания роли горцев в Турции особенно после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и подписания Берлинского трактата 1878 г.¹⁰². Нух ал-Мартуки писал: «...Россия предупреждала турецкое правительство, чтобы оно хорошо следило за горцами и ограничивало их передвижение, так как среди них могут оказаться умные люди, которые, как и их предки, основавшие в старые времена в Египте великое государство, просуществовавшее 140 лет, также могут попытаться создать такое же государство на территории Турции».

Турецкие власти старались расселить горцев в различных провинциях Османской империи, изолировав их друг от друга. Многие из них погибли от голода и болезней. «Многие наши братья из Дагестана и Черкесии, — отмечал Нух ал-Мартуки, — продолжают эмигриро-

вать, потому что эмиграция (хиджрат. — *Ф.Б.*) признается исламом, и эта «зараза» (т.е. хиджрат. — *Ф.Б.*), к сожалению, вошла в сознание наших черкесов. Они не знают, что на новом месте жительства они никак не смогут сохраниться, так как практика показывает, что чужбина — это смерть».

«Почему и по какой причине мы должны эмигрировать к туркам? — спрашивал автор. — Если мусульмане обязательно должны жить именно в Османской империи, то почему же тогда другие мусульманские народы, подвергавшиеся нашествиям иноземцев, не переселяются туда? Вспомните мусульман Индии, Китая, Алжира и других мусульманских стран. Разве они не находятся под властью иноверцев?!»

В противовес пропаганде, проводимой османским правительством среди горцев, Нух ал-Мартуки, ссылаясь на пророка Мухаммеда, зывал: «Дорогие мои земляки! Не поддавайтесь на красноречивые обещания о хиджрате. Сам пророк Мухаммед отвергал эмиграцию и сказал: «Нет хиджрату после завоевания!» И я не вижу никаких религиозных причин для эмиграции. Разве вам не стыдно не знать, что сказал Пророк?! Вы должны знать, мои земляки, что хиджрат нужен был для сплочения мусульман до завоевания Мекки, а после ее завоевания он перестал быть оправданным действием».

Историк Нух ал-Мартуки понял, что с уходом горцев со своих земель они утратят родину и на чужбине никогда не смогут обрести ее для себя, в том числе и на территории Османской империи. «Допустим, — говорил автор, — что хиджрат нужен тем, кому на родине жить стало невозможно, но откуда вы, эмигранты, знаете, что там, в Османской империи, ждет вас райская жизнь? Знаете ли вы о действительном положении в этой стране, можете ли вы себе представить, что там вы будете плакать со своими детьми и внуками, и последние никогда не простят вам ваш поступок?..» Кроме перечисленных причин трагедии кавказских горцев мы находим у Нух ал-Мартуки еще одну немаловажную: их неграмотность и отсталость¹⁰³.

Эмиграция горцев, принявшая массовый характер, вызвала беспокойство ученых богословов Северного Кавказа. Последние стали обсуждать вопрос: какую территорию следует считать «исламской» и можно ли мусульманину жить на земле, управляемой немусульманами? В отличие от Западного Кавказа, в Дагестане и Чечне у религиозных деятелей был большой авторитет. На их суд полагались во всех случаях, которые возникали в обществе¹⁰⁴, в том числе и касающихся эмиграции. Из чеченского селения Шали богослов Шамс ад-Дин аш-Шали задал ученым богословам Дагестана по этому поводу ряд вопросов: «Благородные ученые — мир вам! Разрешено ли нашим землякам эмигрировать? И какую землю можно считать исламской, а какую нет? И если наша земля уже считается землей иноверцев, то

непрерывно ли нам надо эмигрировать? Ведь нам как мусульманам открыта дорога в любую исламскую страну, где мы могли бы свободно отправлять все наши религиозные обряды»¹⁰⁵.

Позиция северокавказских мусульманских богословов в отношении переселения горцев была отрицательной. Они считали, что турецкое правительство, призывая кавказцев-мусульман в свою страну, совершает не только политическую ошибку, но антирелигиозное действие.

В ответ на вопросы Шамс-ад-Дина аш-Шали богословы Дагестана, опираясь на труды исламских теологов-правоведов¹⁰⁶, разъясняли, что если мусульмане могут совершать все религиозные обряды на территории своего проживания, то им не следует эмигрировать, так как это территория исламская, а таковая по мусульманскому праву делится на три категории:

- 1) земли, где исконно живут мусульмане;
- 2) новые земли, завоеванные мусульманами;
- 3) мусульманские земли, захваченные неверными; согласно исламскому законодательству, они считаются лишь временно утраченными и подлежат возвращению в лоно исламского достояния¹⁰⁷.

Возможно, что благодаря мнению некоторых авторитетных религиозных деятелей на Северо-Восточном Кавказе из Дагестана и Чечни эмигрировало меньше людей, чем с Западного Кавказа. Кроме того, следует учесть и особое отношение царизма к Дагестану и Чечне после их завоевания. В отличие от Западного Кавказа, откуда людей переселяли насильственно, на Северо-Восточном Кавказе такого насилия не было. И только во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в Дагестане и Чечне поднялось антирусское восстание.

Объясняя массовую эмиграцию горцев, следует, кроме того, иметь в виду и родоплеменные отношения. Нух ал-Мартуки писал: «Если влиятельный глава той или иной семьи решил переселиться, то при тогдашних родственных отношениях он "принуждал" к уходу и других членов семьи. Так, например, глава большого племени убыхов Хаджи-Керентул-Берзек поселился в родовом поместье на берегу Мраморного моря с принадлежавшими ему лично 350 семействами. А садский князь Решид Геч увез в Турцию до 400 человек»¹⁰⁸. Такому примеру последовали многие семьи горцев.

Итак, в пределах Османской империи оказалась значительная часть кавказских народов, в результате чего произошло весьма существенное изменение этнического состава тех районов, откуда происходила в основном эмиграция. О бедствиях переселенцев существует много свидетельств. Однако на этом трагедия не закончилась. Для многих кавказцев, очутившихся под чужим небом, начался быстрый процесс этнической ассимиляции. Целые этнические группы практически стали исчезать с лица земли.

Что касается влияния мухаджирства на численность и этнический состав северокавказских народов, то оно (мухаджирство) стало трагическим завершением процесса количественного и качественного изменения, приобретающего особенно быстрый характер с конца XVIII в.

К середине XIX в. — как пишет исследователь В.Г.Гарданов — из множества этнических групп адыгов реально сохранились только 11: 1) кабардинцы; 2) шапсуги; 3) натухайцы; 4) абадзехи; 5) темиргоевцы; 6) хатукаевцы; 7) мамхеговцы; 8) егерухаевцы; 9) бжедуги; 10) бесленеевцы; 11) махоши. Адыги в это время были территориально едины, то есть все их этнические группы входили в состав сильнейших территориально-политических образований Кавказа, граничивших друг с другом. Это Черкесия и Кабарда¹⁰⁹. Истинную численность адыгов в первой половине XIX в. сейчас установить чрезвычайно трудно. Сами адыги особой статистики не вели, хотя в случае необходимости могли производить подсчеты дворов и семей. Попытки царских властей открытым путем произвести подробные подсчеты должны были наталкиваться на враждебную подозрительность и недоверчивость черкесов. Многие авторы XIX в. предоставляют нам сведения о численности адыгов, но, как пишет Ф. Ф. Торнау, они «брались приблизительно, и можно сказать, на глаз»¹¹⁰, что и отмечает справедливо В. Г. Гарданов в своей монографии «Общественный строй адыгских народов», рассматривая вопрос об их численности. На основе пока имеющегося у нас материала можно выделить примерно 3 группы авторов, дававших различные оценки численности.

Первая группа: Г. В. Новицкий в 1829 г. насчитывает (мы исключаем из общего числа убыхов) 31 650 дворов, 253 200 человек. В среднем 8 человек на один двор. Здесь не учитываются жители Большой и Малой Кабарды. К. Ф. Сталь насчитывает 323 417 человек, что в среднем составляет 6—8 человек на один двор. В общее число включен ряд этнических образований неадыгского населения; адыгов же — 307 478. Хан-Гирей считает, что если на один двор приходится по 6 человек, то все население, как максимум, достигает 265 140 человек. Данные этой группы авторов явно занижены.

Вторая группа: Н. Ф. Дубровин, используя «Русский вестник» 1842 г., определяет численность адыгов за 1835 г. (если исключить из общего числа убыхов) в 508 тысяч. Из них шапсугов 200 тысяч человек, абадзехов 160 тысяч. И. Ф. Бларамберг считает, что в 30—40-х годах XIX в. численность адыгов составляла 503 900 (5—10 человек на двор). Автор полагает, что число это может быть и больше — до 600 тысяч. По сведениям К. Кока, в 1836—1838 гг. общая численность адыгов доходила до 575 500, а Ф. Ф. Торнау считает, что в 30-е годы XIX в. их было 495 500. Эта группа авторов склонна полагать, что адыгов в среднем насчитывалось 500—600 тысяч. Однако стоит думать, что эта цифра — не максимальная.

Третья группа: В 1830 г. Г. В. Новицкий сообщает, что адыгов насчитывается 1 082 200 (20 человек на 1 двор). Если не считать убыхов, а к общему числу добавить 10 тысяч дворов (200 тысяч душ) махосевцев, егерухаевцев и хакучей, то без учета адыгов Кабарды, исходя из системы подсчетов Новицкого, численность адыгского населения Черкесии в 1830 г. достигала 1 242 200. В конце 30-х годов Лангворт пишет, что в первой половине XIX в. адыгов было около миллиона. Для конца 50-х годов Лапинский, без учета жителей Кабарды, определяет их численность в 800—900 тыс. человек. Оба автора включают сюда абазин и убыхов.

Наличие информационной путаницы приводило к неопределенности в послереволюционной историографии. В 1927 г. Я. Н. Раенко-Туранский пишет, что «численность адыгов была, вероятно, 2 000 000 (и более) человек, но доказательств этого нет»¹¹¹. В историко-этнографическом очерке «Адыги» в 1957 г. их численность в первой половине XIX в. (без кабардинцев) представляется примерно в 1 миллион. М. В. Покровский же в 1958 г. пишет, «что примерная численность адыгского населения Западного Кавказа составляла 700—750 тысяч человек»¹¹². В. К. Гарданов тщательно изучал вопрос о численности адыгов, тем не менее предмет все еще нуждается в осмыслении. Физический потенциал адыгского этноса был подорван Кавказской войной и связанными с ней миграционными процессами на Кавказе. Непосредственно во время военных действий потери несли как черкесы, так и русские. Но поскольку царские войска имели возможность использовать более эффективное оружие (пушки) повсеместно на Кавказе, — не удивительно, что потери черкесов часто были ошутимее, тем более для столь немногочисленного этноса. Таким образом, некогда самые могущественные и многочисленные этнические группы адыгов оказались в меньшинстве (шапсуги и абадзехи), а что касается убыхов, то они практически исчезли с лица земли. Некоторые этнические группы стали терять свою обособленность, а с нею и специфику и, можно сказать, перестали существовать (хакучи, натухайцы, хатукаевцы и др.).

Глава II

«ЧЕРКЕСЫ» В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Коротко об Османской империи второй половины XIX века

В середине XIX в. Османская империя находилась в состоянии затяжного социального и политического кризиса. Реформы эпохи Танзимата не смогли остановить разложение основ турецкого феодального государства и его распад. некогда могущественная держава представляла собой экономически отсталую сельскохозяйственную страну с низким уровнем развития производительных сил. Путешественник-европеец, побывавший в Османской империи в 70-х годах XIX в., писал: «Сельское хозяйство в Турции еще стоит на той же ступени, что более чем 2000 лет назад: примитивный плуг, незнание системы удобрений, молотба зерна, как во времена Моисея»¹.

Крупные помещики повсеместно владели большей и лучшей частью земель, сдавая их обычно в аренду крестьянам на основе издольщины. При дележе урожая помещик беззастенчиво грабил зависевшего от него арендатора. Поэтому издольщина крайне отрицательно влияла на развитие сельского хозяйства страны. В некоторых районах империи, наряду с издольщиной, сохранились и такие средневековые способы феодальной эксплуатации крестьянства, как барщина и оброк.

Налоговая система Османской империи также тормозила прогресс сельского хозяйства. Право на взимание натурального налога *ашар* (десятины), как правило, отдавалось правительством на откуп. Произвол откупщиков превращал *ашар* в четверть или даже треть урожая. Разорение крестьян вело к уменьшению сельскохозяйственного производства. Налоги на землю и на скот, прочие

поборы взимались правительственными чиновниками, также чиновниками беззаконие.

Были и иные причины, мешавшие развитию сельского хозяйства, — крайняя неразвитость транспортной сети, внутренние таможенные барьеры, натуральное хозяйство в глубинных районах Анатолии. Длина всех железных дорог империи составляла в 70-х годах лишь 1600 км. Шоссеиных дорог почти не было, а грунтовые находились, как правило, в очень плохом состоянии.

Промышленность была развита слабо. Османская империя покупала в Европе почти все предметы потребления, за исключением сельскохозяйственных продуктов. В жалком состоянии были немногочисленные предприятия добывающей промышленности. Технический уровень горных заводов был столь низок, что при переработке руды терялось от 20 до 40% металла. В полный упадок пришло и некогда развитое текстильное производство.

В эпоху Танзимата указами султана якобы гарантировалась безопасность жизни и имущества подданных империи. На практике же именно отсутствие этих гарантий было в 60 — 70-х годах важнейшим препятствием промышленному развитию страны, развитию капиталистических отношений в экономике. По-прежнему повсеместным явлением были «законные» поборы и взяточничество. Продавались и покупались практически все звенья государственной машины — от важнейших постов в центральном и правительственном аппарате до вредных должностей. Неуверенность в завтрашнем дне также побуждала к произволу чиновников всех рангов, стремившихся нагрabить побольше и побыстрее.

Существовали и немаловажные внешние факторы, препятствовавшие развитию экономики Османской империи. Иностраный капитал стремился превратить ее в рынок сбыта европейских промышленных товаров и источник дешевого сельскохозяйственного сырья. Проникновение иностранного капитала в экономику Османской империи ощутимо усилилось в 60 — 70-х годах XIX в., что стало началом фактического превращения ее в полуколонию. С середины 50-х годов Порты постоянно гасила дефицит государственного бюджета посредством внешних займов. Растущая зависимость от иностранного капитала проявилась и во внешней торговле.

Несмотря на столь трудное экономическое положение, султан и Порты расточительно распоряжались доходами государства. Баснословные суммы тратились на содержание двора, строительство дворцов, покупку за границей новейшего вооружения и на пополнение флота. К общей картине плачевного состояния финансов следует добавить казнокрадство в военных ведомствах, махинации поставщиков снаряжения и продовольствия для армии и флота. Коррупция была нормой деятельности всех правительственных ведомств как в столи-

це, так и в провинции. Взятничество и хищения, вымогательство и протекционизм, пренебрежение к закону были характерны для всех областей административной жизни империи в XIX в. Права ее подданных были и после реформ мало защищены от произвола бюрократического аппарата.

Внутриполитическое положение страны в 60 — 70-е годы было весьма напряженным. Турецкая лира резко обесценилась, росла дороговизна и быстро падал жизненный уровень населения. В Османской империи в середине XIX в. продолжали набирать силу национально-освободительные движения болгар, сербов, боснийцев, греков, армян, курдов.

Внешнеполитическое положение империи в середине XIX в. было также весьма неблагоприятным. После Крымской войны ее внешняя политика все более теряла самостоятельность. Европейские державы постоянно и по любому поводу вмешивались во внутренние дела некогда могущественной державы. Если она и не была окончательно поделена между колониальными державами Европы, то только потому, что прямому захвату османской территории мешало их соперничество. Она стала объектом непрекращающейся дипломатической борьбы империалистических государств за преобладающее экономическое и политическое влияние.

Социальное развитие народов Османской империи происходило в новое время в крайне сложных экономических и политических условиях. Иностраный капитал, игравший свойственную ему роль в экономическом развитии страны, превращал ее в аграрно-сырьевой придаток Запада, способствуя прежде всего росту производства ряда технических культур. Процесс разделения труда и развития капиталистических отношений в деревне вел к усилению классовой дифференциации крестьянства и появлению помещиков-капиталистов. В городах иностранные концессионеры строили фабрики и заводы. В районах прокладки железных дорог возникли связанные с ними предприятия и мастерские, возрастала товарность сельскохозяйственного производства. Росла добыча полезных ископаемых, в частности угля.

Все это способствовало укреплению торговой и зарождению промышленной буржуазии. Историческое становление капиталистических отношений в Османской империи дало о себе знать и в появлении компрадорской буржуазии, состоявшей преимущественно из представителей нетурецкого слоя населения и тесно сотрудничавшей с иностранным капиталом.

Вместе с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности происходило втягивание империи в международную торговлю и образование единого внутреннего рынка. Однако этот процесс тормозился крайней неразвитостью коммуникаций и существованием системы внутренних таможенных пошлин.

Таким образом, во второй половине XIX в. Османская империя фактически постепенно потеряла свою независимость. Неизбежному наступлению социально-экономических прогрессивных изменений мешали феодальный султанский режим и своекорыстная политика иностранного капитала.

Все это объективно создавало почву для активизации тех прогрессивных сил турецкого общества, которые в течение нескольких десятилетий пытались идти путем реформ, и которые составили социальную базу конституционного движения 60—70-х годов XIX в. Эти силы оказали большое влияние на дальнейшее развитие Турции, в том числе на социально-экономическое и политическое положение кавказских горцев, оказавшихся там во второй половине XIX в.

Положение северокавказских иммигрантов

Мухаджирство (переселение в Турцию) было тяжелым испытанием для народов Северного Кавказа и трагическим событием в их исторической судьбе. Трудности и невзгоды начинались с самого переезда, когда людей перевозили на специально зафрахтованных для этого сотнях небольших судов османских контрабандистов и торговцев, взимающих за это большую плату (часто молодыми невольницами). Многие переселенцы же пытались добраться до Турции на русских или иностранных парусных судах и пароходах. Перегруженные лодки часто тонули. Бывало и так, что у старых барок оказывалось пробуравлено дно и они тонули, будто бы случайно, сразу же после выхода в открытое море, вместе с людьми. Плата же за перевозку оставалась в карманах безжалостных дельцов. Многие переселенцы погибали в пути, а больных живыми выбрасывали за борт. На черноморском побережье Анатолии скапливались огромные толпы голодных и одетых в тряпки, завшивевших людей. Тысячи переселенцев гибли от тифа и других болезней. Измученные лишениями переселенцы в ожидании прихода турецких и других судов умирали на берегу. Умерших не успевали предавать земле².

Эмиграция черкесов приняла столь широкий размах, что правительство Османской империи не успевало перевозить и расселять их, оно вынуждено было обратиться к правительству России с просьбой приостановить переселение³.

О том, что эмиграция проходила поспешно, свидетельствует тот факт, что поселенные на покинутых землях «...новые пришельцы (казаки) нашли все приготовленным и им оставалось лишь собрать жатву с полей, засеянных местными жителями, которые в это время тысячами погибали в турецких портах Анатолии от тифа и голода»⁴.

Горцы переправлялись в Турцию через морские порты — Новороссийск, Тамань, Анапа, Туапсе, Сухуми. Сухопутно добираться в первое время было запрещено царской администрацией — дороги были закрыты, чтобы воспрепятствовать перегону скота горцами⁵. До побережья ехали на арбах и лошадях. Движение затруднялось отсутствием мостов и бездорожьем. И дальше ни турецкий, ни российский флот не могли обеспечить своевременную перевозку огромной массы людей в пределы Турции. «Не облегчило существенно положение и частичное привлечение флотов Англии, Греции и других государств»⁶. Без продовольствия, денег и даже одежды горцы в ожидании прихода судов, порой по три-четыре месяца, переносили всевозможные лишения на открытом морском берегу. Ко всему прочему, суровая зима (например, 1863/64 г., какой не знали с 1810 г.) крайне затрудняла сообщение между Турцией и кавказским побережьем. Горцы заболели и умирали сотнями. «Все северо-восточное побережье Черного моря было усеяно трупами и умирающими, между которыми сохранились небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Турцию»⁷.

Очевидец событий А.П. Берже летом 1864 г., в самый разгар переселения писал: «Следуя вдоль Анатолийского берега, я встретил их (горцев-переселенцев. — *Ф.Б.*) во множестве в открытом море и был очевидцем их горестного положения в Батуме и Трапезунде. В ноябре того же года (1864), на возвратном пути из Европы я видел их при несравненно худшей обстановке в Рушукке и Силистрии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 000 человек. Позднее ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И, действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки в рубищах, лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери, а подобных сцен встречалось немало»⁸.

Офицер турецкой армии черкес Нури, перенесший тяготы эмиграции, впоследствии вспоминал:

«...Нас швыряли, как собак, в парусные лодки; задыхаясь, голодные, оборванные, больные, мы ждали смерть как лучшее для нашей судьбы, ничто не принималось в расчет: ни глубокая старость, ни болезни, ни беременность! Все деньги, которые ассигновало ваше (русское) правительство на поддержку переселенцев, все они ушли куда-то, но куда? Мы их не видели, с нами обращались как со скотом, нас валили на общие койки сотнями, не разбирая, кто здо-

ров, кто болен, и выбрасывали на ближайший турецкий берег. Многие из нас умерли, остальные приткнулись, где попало»⁹.

О трагедии горцев писали многие очевидцы. Одни рассказывают о трупѣ матери, грудь которой сосет ребенок, другие — о матери же, носившей на руках замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третьи — о целой гряде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших, и т. д.

О страшных сценах переселения горцев свидетельствует еще один очевидец событий, И. Дроздов:

«Поразительное зрелище представлялось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин и стариков, растерзанные, полюбѣденные собаками, изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от измождения и еще заживо делавшиеся добычей голодных собак... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих: их и самих перспектива ждала не утешительная». «Турецкие шкипера, — продолжает цитируемый автор, — из жадности наваливали черкесов скопом на суда и везли до берегов Малой Азии. Затем, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берег Анатолии... едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к нему. Такое бедствие в таких размерах редко постигало человечество...»¹⁰

Из 50 тысяч переселенцев достигли турецких берегов 40 тысяч; 10 тысяч человек были выброшены в море, а еще столько же умерли сразу же на берегу. «Поэтому до сих пор многие черкесы-переселенцы отказываются есть рыбу, так как эта рыба питалась телами их земляков в Черном море»¹¹.

О численности «черкесов», погибших на турецком берегу, свидетельствует письмо русского консула в Трапезунде А. Н. Мошнина: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях пребывало до 247 000 душ. Умерло 19 000 душ, теперь осталось 63 290 человек, средняя смертность — 180—250 человек в день. Свирипствует сильный тиф... за ноябрь—декабрь 1863 года прибыло в Трапезунд 100 кочерм, отправлено в Константинополь и Варну 4650 человек. В среднем умирало в день 40—60 человек, находится еще в Трапезунде 2050 человек»¹².

Ко всем бедствиям «черкесских» переселенцев присоединилась еще и работоторговля. Умиравшие с голода эмигранты предпочитали продавать своих детей, чем видеть их голодную смерть. Только с ноября 1863 по сентябрь 1864 г. было продано около 10 тыс. человек и около 100 тыс. умерли¹³.

Горцы не думали, что они быстро будут побеждены и поэтому откладывали распродажу своего имущества до последней минуты. Кроме того, турецкое правительство не разрешало им брать с собой

оружие и скот. Поэтому, когда несколько сот тысяч человек одновременно стали продавать свое имущество, цены невероятно упали. «Хорошего быка можно было приобрести за целковый. Барана — за четвертак, обыкновенную лошадь с седлом и полной сбруей — за пять рублей, а породистую — рублем за двадцать. Дорогие шашки в богатой оправе также отдавались за бесценок. То, что прежде ценилось в 200—300 рублей, можно было купить за 30—40 рублей. За древний, хороший клинок в свое время отдавали десятки рабов, сотни баранов, "теперь же все пошло прахом". Старики не желали продавать свое оружие, так долго им служившее, и с каким-то немым отчаянием кидали его в море. Многие семейства, подъехав к берегу и узнав, что весь скарб свой придется бросить, продать даже свое оружие, поворачивали арбы назад. Прощаясь с родиной, горцы стреляли в воздух из ружей, а затем бросали их в морскую пучину»¹⁴.

Когда трагедию переживает целый народ, то больше всего страдают представители бедных слоев общества. Богатые и знать приступили к переселению тотчас же, отправляясь из незанятых русскими приморских пунктов на турецких кучермах. Горцы, не имевшие состояния, по примеру богатых бросали свое малоценное имущество и выходили к морскому берегу в ожидании прихода турецких судов и возможности перебраться на них в Турцию. Кроме того, состоятельные люди находили покровительство со стороны местной царской администрации. «Иногда богатых отправляли бесплатно на турецких пароходах, забирая даже семена для будущих посевов, а бедные оставались без хлеба на берегу моря»¹⁵. А помощь, оказанная переселенцам царской администрацией, была мизерной. Большая ее часть предназначалась на уплату судовладельцам, а остальная — не всегда доходила до нуждающихся.

Конечно, этот вид торговли не остался бесполезным для самих переселенцев. «Женская дипломатия» кавказских красавиц, заключенных в гаремах Турции, не оставалась, по-видимому, пассивной в это тяжелое для их отчизны время. И, конечно, та ничтожная помощь, которую решила, наконец, оказать Турция, должна быть отнесена гораздо более на счет «женского дипломатического корпуса» из сералия падишаха, корпуса, составленного большей частью из дочерей глубоких долин Эльбруса, чем на счет депутации черкесских коноводов. О сильном влиянии черкесов, особенно женщин, говорилось также в манифесте, принятом на народном собрании адыгских племен в 1839 г. в шапсугском районе. В манифесте, обращенном ко всем народам мира, выражалось возмущение: «...как мог султан передать нас России (Андрианопольский договор. — *Ф.Б.*), когда мы находимся с ней в состоянии войны? Мы со своими горами прикрывли дорогу русским в Турцию. Кроме того, наша черкесская кровь течет в венах самого султана, так как он рожден от черкешенки и женат он также на женщине

той же национальности. А если смотреть на его окружение, министров и генералов, то они почти все происходят от черкесов». Это подчеркивал и полковник Кранинц в рапорте от 17(29) января 1863 г. из Константинополя:

«В больших константинопольских гаремах, — писал он, — очень много черкесских женщин, и они считают для себя честью жить в окружении своих родственников». Эти родственники нужны были султану как дешевый военный товар для защиты двора. Они обладали высоким уровнем военной подготовки и поэтому спрос на них был высок. Таким образом, «...женщины и военные черкесского происхождения прославились очень быстро в Османской империи...».

Турецкие контрабандисты надеялись от переселения горцев «получить большие прибыли, а работорговцы из числа кавказской эмигрантской массы — дешевый контингент рабов»¹⁶. За 1863—1864 г. с Северо-Западного Кавказа, как уже отмечалось, было продано в рабство не менее 10 тысяч женщин и мальчиком. Настоящий ажиотаж вызвала торговля женщинами для гаремов. За красивую черкешенку на рынках Османской империи можно было взять до 50 тыс. пиастров (8 тыс. гульденов). На кавказском берегу Черного моря турки набивали красавицами трюмы. «Не удовлетворяясь закупкой девушек и женщин в прибрежных пунктах, турецкие работорговцы проникали в отдаленные аулы черкесской территории, где выискивали "особенно ценный товар", посылая на Кавказ с этой целью специально доверенных лиц, которым поручалось отбирать самых красивых женщин и девушек»¹⁷.

Английский консул в Трапезунде сообщал своему правительству, что из 230 тысяч черкесов, высадившихся на берег Анатолии в 1864 г., было продано 10 тысяч человек¹⁸. В декабре 1863 г., в Трапезунде ребенка 11 — 12 лет можно было купить за 30-40 рублей, а местный паша приобрел восемь «самых красивых девушек» по 60—80 рублей, чтобы послать их в качестве подарка в Стамбул¹⁹. В общем, до 50% всех переселенцев, по мнению Н. А. Смирнова, погибло от различных эпидемий в пути; из уцелевших до 15% женщин и детей были проданы в рабство²⁰.

Однако турецкое правительство не только не было готово к приему переселенцев, но и, как оказалось на практике, уже не очень желало его, так как эмиграция горцев становилась острой проблемой, чреватой обернуться опасностью для внутреннего спокойствия страны. Пособия правительства были ничтожны, да и не всегда доходили до переселенцев, число которых никому не было известно и постоянно увеличивалось. Мизерные средства, отпущенные правительством на устройство мухаджиров, разворовывались турецкими чиновниками и наиболее влиятельными из переселенцев с их свитами. Нуждающиеся горцы оставались по несколько дней даже без эле-

ментарной помощи и были вынуждены питаться кореньями, травой, остатками пищи.

Когда турецкое правительство, как уже было сказано выше, обратилось к правительству России с просьбой приостановить переселение горцев, оно получило уклончивый ответ²¹. Русский поверенный в делах в Стамбуле Е. А. Новиков 12 декабря 1863 г. писал в МИД: «Турки сами старались поддерживать между горцами симпатии к турецкому правительству и вражду против русских. И настоящее переселение горцев составляет естественные последствия их собственного образа действия»²².

В другом донесении от 18 апреля 1864 г. Новиков сообщал, что турецкое правительство старалось не поселять горцев компактной массой, чтобы избежать беспорядков. «Хотя турецкое правительство, — писал он далее, — принимает переселение горцев и не без страха насчет последствий для своей внутренней безопасности, но далеко не противится оному, а, напротив того, по мере сил своих помогает оному. Только оно требовало, чтобы переселенцев направить пока исключительно в Варну и Кюстендже (Констанца)»²³.

Расселение эмигрантов шло самотеком. Не получая указаний, куда идти и где поселиться, горцы большей частью становились лагерем на месте высадки и оставались там в течение нескольких месяцев, а иногда и целого года. «...Переплыв в зимнее время Черное море, — писал А. Н. Мошнин, — изнуренные морской болезнью, холодом и голодом, они (горцы) не встречают здесь тех забот, какие бы должны быть им оказаны местными здешними властями. Вместо того, чтобы разместить их в хорошем загородном месте, помещают в дырявых палатках, на главной площади, где они буквально тонут в грязи. Отсюда и та ужасная болезнь, зарытие трупов совершается с такой страшной небрежностью, что во всяком другом государстве местные власти были бы уличены в уголовном преступлении...»²⁴.

Помощь переселенцам оказывалась на уровне благотворительности. Была начата кампания сбора пожертвований в пользу иммигрантов. В ней принимали участие султан, султанша и наследный принц. От их имени наиболее нуждавшимся черкесам было роздано 300 тысяч пиастров²⁵, а позже султан дал еще 500 тысяч из собственных средств и, следуя примеру монарха, его приближенные и министры — по 5 тысяч. Мать и жена хедива (правителя) Египта, находившиеся в это время в Стамбуле, пожертвовали 300 тыс. пиастров. Помощь черкесам стала поступать из различных городов империи (жители Эдирне, например, собрали на строительство домов поселенцам 400 тысяч пиастров²⁶ и т.д.).

В Стамбуле был сформирован специальный комитет содействия черкесским беженцам. Он стал регулярно проводить сборы пожертвований, а в 1899 г. организовал издание гербовых марок, доход от про-

даже которых поступал в его фонд. Эти марки следовало прилагать ко всем официальным документам страны²⁷. Однако по сравнению с масштабами бедственного положения переселенцев на помощь была мизерной и к тому же часть ее «...беспощадно разворовывалась и несчастные тысячами гибли, ожидая милости от глупого чиновника»²⁸.

Опасаясь распространения среди турецкого населения эпидемий, власти создали вдоль побережья, где скопилось множество переселенцев, — в Акча-кале, Сарыдере, Синопе, Самсуне и в других местах²⁹ — специальные карантинные лагеря, ставшие, по существу, лагерями смерти.

Турецкие власти обещали освободить переселенцев от военной службы на 20 лет, однако в случае войны с Россией, предполагали извлечь пользу из опыта горцев, знакомых с русским оружием, владевших чаще всего русским языком и знавших специфику Кавказа, где турки намечали открыть один из фронтов.

В это тяжелое для переселенцев время турецкие власти, учитывая их безвыходное положение, стали формировать из них кавалерийские полки и прежде всего черкесскую гвардию султана. В июне 1864 г., по словам Новикова, «около 3-х тысяч черкесов уже поступило волонтерами в турецкую армию, а в ближайшее время предполагалось это число довести до 12 тысяч и в таком же размере уменьшить рекрутский набор»³⁰. Однако надежда турецкого правительства укрепить свою армию за счет горской молодежи не оправдалась. Получив обмундирование и деньги, новобранцы бежали из турецкой армии к своим семьям.

Не все переселенцы могли понять суть постигшей их трагедии. По были и такие, кто, вкусив от «райской жизни» подвластной султану империи, потянулись обратно на Кавказ.

Процесс возвращения на родину начался сразу же по приезде в Турцию, после того как мухаджеры попали в экстремально тяжелые условия. Но далеко не всем желающим переселенцам удавалось осуществить это стремление.

То, что царское правительство запретило горцам возвращаться, вызвало возмущение переселенцев, которое они изливали на дипломатических представителей России в Турции. Российский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин писал: «Черкесы и татары обвиняют... наши консульства, угрожают им. Так, весь Анатолийский берег покрыт этими переселенцами, которые домогаются возвратиться в Россию. В Самсуне они угрожали нашему вице-консулу, что сожгут его, если их не отправят в Россию»³¹. Как писал А. Н. Мошнин, «нашему правительству уже известно, что значительная часть черкесов и татар, имея полное право быть недовольными турецким правительством, их обманувшим, желает оставить Турцию, чтобы возвратиться на брошенные свои жилища в Россию, куда им закрыто возвращение распо-

ряжениями высшего нашего начальства. Неудовольствия означенных переселенцев на турецкое правительство с каждым днем усиливаются»³². «Рано или поздно, — продолжал он, — это запрещение возбудит крайне неприятные столкновения их с консульствами»³³.

В июне 1864 г. 100 семейств шапсугов обратились с просьбой к российскому консулу в Стамбуле разрешить им возвратиться на родину вслед за шапсугами с таким же ходатайством явились 100 натуханцев, находившихся в Самсуне. Однако российские власти отказали всем им³⁴. Еще раньше, в 1863 г., делегация от 100 осетинских дворов, переселившихся в Турцию и разочаровавшихся в своем поступке, запросили российские власти выдать им разрешение вернуться на Кавказ. «Бимбулат Згоев, Гебой Джанги-оглы и Джордж Бадов от имени 100 дворов дали согласие поселиться в Ставропольской губернии (а не на Кавказе. — Ф.Б.)»³⁵.

В начале 1863 г. черкесы, поселенные в Джанике, направили делегацию в состав нязей Мустафы Адока, Мустафы Кофу, Дагурапаши и натуханца Ахмеда Спанок к А. Н. Мошнину. Они передали ему письмо, адресованное Александру II. Черкесы умоляли императора разрешить им возвратиться в Россию. В письме говорилось о лишениях и невзгодах, переносимых мухаджирами, они заранее согласны были на все условия, кроме двух — на перемену веры и поставку рекрутов в российскую армию³⁶. Некоторые мухаджиры готовы были даже принять христианство и поселиться в Сибири, лишь бы уехать из Турции. Другого выхода они не видели, так как положение горцев в этой стране с каждым днем ухудшалось³⁷.

В прошении черкесов-переселенцев, поданном в 1872 г. русскому послу в Стамбуле Н. П. Игнатьеву, говорилось: «Вот уже почти 8 лет как наши беи нас держат в состоянии невообразимого рабства, совершая тысячу жестокостей... Днем и ночью мы и наши семьи подвергаемся варварскому обращению со стороны беев. Мы лишены свободы, семьи, имущества... Признавая всю жестокость совершенной ошибки, мы, нижеподписавшиеся, от имени 8500 семейств просили вас... испросить разрешения вернуться на родину... За что мы готовы почти на всякие жертвы». Александр II на прошение наложил резолюцию «О возвращении и речи быть не может». Лишь некоторые переселенцы небольшими группами самовольно возвращались на Кавказ³⁸.

Турецкое правительство старалось не селить их сплошными массами, опасаясь нежелательных последствий для общественного порядка и для государственной власти: горцы были востребованы Османской империей, как уже выше было сказано, для того, чтобы реставрировать свою армию и обеспечить себе боеспособные силы на Кавказском и Балканском фронтах.

В конце концов, переселенцы с Кавказа были рассеяны по всей Османской империи. Они оказались как в пределах собственно Турции, так и на Балканском полуострове, а также в Сирии, Иордании, Ливане, Египте и других странах Арабского Востока.

В европейской Турции (в Дунайском вилайете) в 60-х годах султанским губернатором (вали) был Ахмед Мидхат-паша — известный турецкий государственный и политический деятель, сторонник конституции и реформ, но ярый враг национально-освободительного движения угнетенных народов Османской империи. По его проекту черкесами была заселена территория от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. Здесь были созданы военные поселения, вроде казачьих станиц, из которых формировалась черкесская «милиция» для защиты пограничных линий. Кроме того, турецкое правительство стремилось использовать черкесов-переселенцев против местного христианского населения. Поэтому черкесские поселения должны были как бы прорезать славянские массивы. Таким образом, создавалась «живая перегородка» из мусульман между христианами (болгарами, сербами). Если же черкесы не желали селиться в таких местах, а хотели остаться в облюбованных ими районах (например, на берегах Дуная), то их принуждали к переезду силой оружия³⁹.

Как правило, переселенцам власти выделяли такие места, которые по своим климатическим и другим условиям оказывались для них губительными. Например, в Карском вилайете им отвели почти непригодную для жизни каменистую местность без леса, без воды. Таким образом, большая часть горцев-переселенцев была брошена на произвол судьбы на громадной территории Османской империи. Официальные же сообщения гласили, что горцам раздали безвозмездно земли, скот, пахотные орудия, выстроили для них дома, поселки и деревни.

Трудно установить число кавказских эмигрантов в Османской империи, так как переселение происходило в условиях войны и беспорядков. Кроме того, специальные комиссии, как российские, так и турецкие, были созданы намного позднее начала переселения, они не могли вести счет сухопутных эмигрантов. Таких было меньше, однако они продолжали прибывать в Турцию вплоть до 20-х годов XX в.

В литературе существуют неодинаковые данные о численности лиц, переселившихся в разные годы из разных районов Северного Кавказа. После восстания 1877 г. из Дагестана и Чечни были выселены в Османскую империю и частично в Сибирь большие группы местного населения. По официальным данным России, с 1858 по 1865 г. в Турцию через черноморские порты было выселено 440 053 западных черкеса; с 1871 по 1883 г. из Кубанской области — 13 586 черкесов и 11417 абазин. Всего в 60—70-х годах XIX в. в Турцию было выселено 135 тыс. абазин и абхазов⁴⁰. Например, официальная статистика ука-

зывает, что в 1900—1902 гг. в Турцию прибыли с целью остаться 2601 кабардинец и 781 балкарец, а в мае 1905 г. кабардинские дворяне Толостан Анзори и Кануко Шерег увезли с собой еще 102 кабардинские и 13 балкарских семей⁴¹.

Из Дагестана в 1872—1873 гг. эмигрировали 299 семей, а чеченцев и ингушей только в 1865 г. — 22 491 человек⁴². За весь период переселения выехали более 10 тысяч осетин, свыше 16 тысяч кабардинцев (без учета выходцев из Западной Черкесии); в 1887—1899 и 1905—1906 гг. эмигрировали 756 карачаевцев⁴³.

Таким образом, по официальным данным, т.е. по учету российской администрации, только в 1863—1865 гг., т.е. в годы массового переселения, выехали 620 тысяч человек.

К тому же многие «черкесы» отплывали в Турцию на своих и турецких судах из различных мест черноморского побережья, и их учет не велся ни своими, ни русскими, ни турецкими властями. «Они отправились из пунктов, принадлежавших еще непокорным племенам, которым решительно не было никакого интереса считать, кто и зачем отправляется в Турцию»⁴⁴. Кроме того, никто не интересовался числом погибших. Историк Узбек Батрай пишет, что в 60-х годах в Турцию эмигрировало более 400 тысяч, а до этого времени — 236 718 человек. Их перевозили на турецких и российских кораблях и высаживали в различных портовых городах — Самсуне, Трапезунде, Синопе, Варне, Измире, Измите, Стамбуле, Искендероне, Латакии, Хайфе и др. ... Турецкие исследователи по политическим мотивам стараются приуменьшить численность переселенцев в прошлом веке в Турции. Турецкий чиновник Салахаддин-бей, приводивший официальную статистику о «черкесах-переселенцах», определил их численность в 1867 г. в 59 500 человек⁴⁵. Такую же цифру (от 50 до 60 тысяч) давали почти все турецкие и часть европейских исследователей тех лет. В энциклопедии Биера Телзмана (1955 г., Т. IV. с. 502) приводится цифра в 66 700 человек, а Ф. Д. Хесирос свидетельствует, что в 1965 г. было 60 тыс. человек, говоривших на «черкесском» (имеется в виду один из кавказских языков). Г. Рошин определяет число «черкесов» в Турции от 45 тыс. до 2 млн. человек⁴⁶.

Согласно первой переписи населения Турецкой Республики в 1927 г., в стране проживало 13 648 270 человек, в том числе 100 тысяч «черкесов». А по переписи населения 1935 г. — соответственно 13 899 073 и 91 973 человек. Таким образом, численность переселенцев, если судить по официальным источникам, явно националистически тенденциозным, уменьшалась (по переписи 1940 г. — 81 тыс., 1960 г. — 65 тыс., а в 1965 г. — уже 48 тыс.). На самом деле, процессы ассимиляции не могли происходить столь стремительно.

По результатам переписи населения 1980 г., в самой Турции только турки (не считая проживавших в других странах) составляли 40 млн.

Это значит, что по сравнению с переписью 1927 г. их число возросло почти втрое.

Стало быть, при благоприятных условиях численность «черкесов» с 1927 по 1980 г. также должна была возрасти хотя бы до 300 тыс. (если не принимать во внимание фактор ассимиляции).

Точно установить численность национальных меньшинств Турции невозможно, поскольку во всех переписях населения фигурировал вопрос только о родном языке опрашиваемых. Официальные отчеты дают лишь приблизительное представление о национальном составе населения (см. табл. 1).

Как видно из приведенных в табл. 1 данных, численность национальных меньшинств «прыгала» от переписи к переписи, тогда как общий рост населения страны являл последовательную и стабильную тенденцию. Приведенные цифры, следовательно, показывают, с одной стороны, дефекты переписей, а с другой, — картину ассимиляции нетурецких народов в Турции, шовинистическое стремление правящих кругов игнорировать наличие национального вопроса в стране путем целенаправленного умаления истинной численности национальных меньшинств.

Перепись населения 1960 г. по своим данным несколько отличалась от других. В ней указывались не только лица, для которых турецкий язык не был родным, но и лица, считавшие нетурецкий язык

Таблица 1

**Национальный состав населения Турции
по языковому признаку, тыс. человек**

Язык	1927 г.	1935 г.	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1965 г.
Турецкий	11778	13899	16079	18255	25173	28290
Курдский	1184	1480	1020	1855	1848	2372
Арабский	134	154	249	269	347	365
Греческий	120	109	81	89	65	46
Черкесский*	96	92	-	76	63	58
Еврейский	69	57	47	36	23	10
Армянский	65	58	38	53	53	33
Грузинский	-	57	-	73	33	34
Лазский	-	63	-	70	22	26
Другие	202	189	307	171	128	157
Итого:	13648	16158	17821	20947	27755	31391

* — Так в источнике. — Ф.Б.

Источник: Старченков Г.И. Население Турецкой Республики. М., 1990, с. 91.

для себя вторым, то есть преимущественно те представители национальных меньшинств, которые в основном пользуются турецким. Ниже приведено число лиц, считавших для себя вторым один из следующих нетурецких языков:

Курдский -	457 043	Армянский -	18 932
Арабский -	130 398	Лазский -	38 267
Греческий -	81 849	Грузинский -	54 917
Черкесский -	65 008	Другие -	560 572
Еврейский -	4298		

Всего: 1 411 284

В число «других» входят лица, владеющие западными, славянскими и прочими языками, носители которых в своей массе — не коренные жители настоящего места проживания. Несомненно, что приведенные официальные данные позволяют существенно дополнить численность национальных меньшинств в Турции.

Что касается переписи населения по языковой принадлежности, то в Турции из северокавказских языков выделялись две группы — абазинская и черкесская⁴⁷. По переписи 1960 г., говорящих преимущественно на абазинском языке было 4689, остальных черкесов — 63 137 человек, причем владеющих абазинским как вторым языком — 7910, черкесским — 65 008. Как отмечалось, «турецкие чиновники, проводившие перепись населения (в основном это были учителя), часто были недовольны, когда черкес отвечал, что его родным языком является черкесский, но так как опрашиваемый черкес отвечал на турецком языке, то они писали, что турецкий — его родной, а черкесский — второй язык. Если же черкес настаивал, что его родной язык — черкесский, то чиновники вынуждены были писать в анкете, что его родной язык именно черкесский»⁴⁸.

Во время переписи населения в 1970 г. в ряде пригородных районов Анкары, где проживают многие «черкесские переселенцы», появились турецкие чиновники. Городской Черкесский центр культуры предупредил местных жителей, чтобы они были более внимательны, когда отвечают на вопрос о родном языке. Однако многие переписчики вообще не появлялись в их домах, и таким образом, некоторое число «черкесов» не было учтено во время переписи⁴⁹.

О численности «черкесских переселенцев» в пределах Османской империи писали многие исследователи. В энциклопедии Брокгауза, например (т. XIX, с. 129), указано, что в Турции проживало до 58 тыс. переселенцев с Северного Кавказа. В той же книге энциклопедии (т. XIX, с. 79) читаем, что за пределами Северного Кавказа проживало 1,5 млн. переселенцев. Исследователь Узбек Батрай по этому поводу

ставит вопрос: «Если они («черкесы». — *Ф.Б.*) не в Османской империи, то где они могли быть?»⁵⁰.

Историк Н. Берзедж приводит данные Э. Убинского, изучавшего миграции народов Османской империи о том, что в 1864 г. численность переселенцев с Северного Кавказа достигла 700 тыс., а в 1866 — 1 млн. человек⁵¹. Другой исследователь проблемы, Пянкони, считает, что только с 1858 по 1866 г. по Черному морю в Турцию переселились около 493 тыс. человек⁵². Профессор Кемар Карбат, опираясь на османские архивные документы и другие источники, сообщает, что с 1859 по 1879 г. в империи насчитывалось до 1,4 млн. «переселенцев-черкесов»⁵³.

Ссылаясь на документы болгарского архива, С. Фобишевский пишет, что на западном побережье Черного моря в Болгарии и Румынии проживало 175 тыс. черкесов-переселенцев⁵⁴.

Черкесский историк Нух аль-Мартуки, современник трагедии, пишет, что на всем Северном Кавказе осталось только 500 тысяч человек, а до «великого переселения» там насчитывалось 3 млн. разных северокавказских национальностей⁵⁵.

А. Убичини и П. де-Куртейль сообщают, что в 60-х годах XIX в. было 1 млн. переселенцев с Северного Кавказа. Это мнение разделяет и современный российский историк Т. Кокиев.

По данным турецкой энциклопедии ислама, в Турции насчитывалось 1,5 млн. «черкесских» эмигрантов⁵⁶. Таких же данных придерживался турецкий исследователь черкес Рахми Тупа⁵⁷. По мнению абхазского просветителя С. Басария, общее число «черкесских переселенцев» достигало 2 млн.⁵⁸.

Исследователь Султан Давлет-Гирей приводит свои сведения: с 1816 по 1910 г. всего с Кавказа в Османскую империю перебралось 3 097 949 человек, или 61 974 двора. К 1910 г. «черкесов», проживавших на территории империи, насчитывалось 2 750 000⁵⁹.

Если подытожить все эти мнения, то можно сделать вывод, что в пределы Османской империи переселилось около двух миллионов человек разных национальностей Северного Кавказа. Этот вопрос остается открытым и требует дополнительного изучения.

Захват Западного Кавказа для царизма был очень выгоден как с военно-стратегической, так и с экономической точки зрения.

В то же время в ходе боевых действий были уничтожены пашни, сады, дома, водопроводы и т.д. Новые люди, пришедшие на эти богатые земли, — русские, армяне, греки и другие — далеко не сразу смогли наладить хозяйство, привыкнуть к чужой для них земле и незнакомому климату.

Что касается переселенцев в Турцию, — а это в массе своей крестьяне, — то в чуждой для них обстановке им потребовалось еще больше времени на обустройство, что и сказывается на их материаль-

ном положении до сих пор. Понадобились десятилетия для того, чтобы перестать бедствовать, по-настоящему освоиться на новом месте и наладить мало-мальски нормальное, доходное хозяйство.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и второе переселение «черкесов»

Османское правительство усиленно вербовало северокавказцев в армию. Из их числа были сформированы три отдельных кавалерийских полка⁶⁰. Сам султан пополнил личный кавалерийский полк «черкесами» из знатных родов.

Как уже говорилось, Турция и Англия стремились использовать северокавказских эмигрантов в надвигающейся войне с Россией. Самым активным провокатором этой войны из европейских государств была Англия, которая изучила природные богатства Кавказа и не прочь была прибрать их к рукам. В 1870—1876 гг. была проведена линия англо-индийского телеграфа, которая пересекала территории многих кавказских областей, причем был нанесен немалый ущерб лесным угодьям края. Строительство этой линии позволяло к тому же Англии создавать свою агентурную сеть. Англия помогала Турции деньгами, вооружением и обучением личного состава армии. Совместно с турецким правительством разработала план военной оккупации всего Закавказья. Она даже предусматривала образование закавказского халифата путем объединения мусульманского населения всего края. Глава английского консервативного правительства Дизраэли (лорд Биконсфильд) подстрекал турецкое правительство к провокационной политике по отношению к России, что привело в конечном счете к русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Инициировав в Турции дворцовый переворот, Англия таким образом добилась провозглашения султаном своего сторонника Абдул-Хамида II, режим которого вошел в турецкую историю под названием «зулум» (период гнета, насилия). Царское правительство приняло контрмеры. Россия 70-х годов была уже совсем не той, что во время Крымской войны, в которой потерпела жестокое поражение. Реформы, проведенные в 60—70-х годах в различных отраслях государственного управления и армии, способствовали быстрому движению страны по пути буржуазного развития. Основными направлениями внешней политики русского правительства во второй половине XIX в. оставался восточный вопрос и укрепление позиции на Балканах.

В разразившейся 12 апреля 1877 г. новой турецко-русской войне на границах с Россией были сформированы диверсионные отряды из кавказских переселенцев. Правительство России забеспокоилось и от-

правило генерала Фадия в Турцию для переговоров с сыном имама Шамиля Гази Магомедом и генералом Мусой Кондуковым, предложив образовать на границе с Афганистаном государство для «всех черкесов», проживавших в Османской империи, однако на какой именно территории — не уточняется. Россия готова была взять на себя все расходы, связанные с переселением, при условии, что «черкесское государство» будет под ее покровительством⁶¹, но Гази Магомед и Муса Кондуков отказались от этого предложения⁶².

На турецко-русский фронт планировалось отправить до 80 тыс. кавказцев. Английские и турецкие политики, таким образом, стремились недовольство эмигрантов своим положением в Турции направить в антирусское русло, рассчитывая, что всевозможные тяготы и лишения на чужбине, надежда вернуть себе потерянную родину, превратят их в отличных воинов султана.

В сложившейся обстановке оживилась деятельность англо-турецкой агентуры на Кавказе, предпринимались попытки повсеместно поднять антирусские восстания. Еще в 1871 г. по Кавказу путешествовал английский разведчик Кенингхем, изучавший ситуацию в крае. Активную деятельность среди горцев предпринимала религиозная секта зикристов, возникшая в середине XIX в. в Чечне и распространившая затем свое влияние на суфийское братство, существовавшее на Северо-Восточном Кавказе⁶³. «Зикристы и их последователи явились одними из организаторов и вдохновителей массовой эмиграции в Турцию. Сын Шамиля Гази Магомед становится главой горской верхушки, возбуждавшей мусульманское население Кавказа против России»⁶⁴.

Царское правительство пыталось привлечь к войне с Турцией жителей Дагестана. Однако «дагестанцы, — по словам современника событий Хасана аль-Кадари, — не согласились... Некоторые пошли с армией до фронта, но затем сбежали в Турцию, так как она (Турция. — Ф.Б.) является единоверной страной, а шариат не позволяет им воевать против единоверцев»⁶⁵. Кроме того, в 1877 г. в Чечне появился некий Али-бег, совершавший хадж. По пути он в Стамбуле встречался с высокопоставленными лицами Турции и с Гази Магомедом, которые поручили ему передать жителям Чечни, что Османская империя — мощное государство и она, безусловно, победит в войне и освободит Чечню и Дагестан от «власти неверных». Чеченцы поддались подстрекательству и подняли восстание против России.

В Дагестан из Турции проникли пять разведчиков из числа переселенцев: среди них был чеченец Аббас, выдававший себя за турецкого посла, и четверо дагестанцев. Они появились в селе Цугур (Дагестан) и раздали жителям обращение Гази Магомеда с призывом поднять антирусское восстание и тем самым помочь турецкой армии в войне против России, что позволило туркам прийти в Дагестан с оружием и деньгами. В итоге этих подстрекательств в Дагестане был

образован специальный комитет во главе с Хаджи Мухаммед-беком и Хаджи Абдур-Рахманом, который получил пост управляющего по делам религии. Восстание охватило почти весь Дагестан. Оно было жестоко подавлено царскими войсками и сопровождалось массовыми репрессиями, снова выселением жителей — в Сибирь и за пределы России — в Османскую империю⁶⁶.

До русско-турецкой войны 1877—1878 гг. антирусские выступления произошли также в Кубанской области (в 1872—1874 гг.), Абхазии и Чечне.

В период военных действий в Стамбуле под личным руководством султана была создана комиссия с целью подготовки высадки десанта во главе с Гази Магомедом в Абхазии.

Историк Г. А. Дзидзария, опираясь на официальные источники, говорит о «существовании обширного заговора, подготовленного фанатиками-муллами, хаджи и турецкими происками». Есть сведения, что сам Мухтар-паша, турецкий главнокомандующий на кавказском театре военных действий, через своих агентов пытался поднять восстание в Терской области и Дагестане. В этом ему способствовал изменник и авантюрист Муса Кундуков (он же Муса-паша), командовавший турецкой дивизией на Кавказском фронте⁶⁷.

Турецкая эскадра, курсировавшая у берегов Абхазии и других районов Черноморья, высаживала на берег мухаджиров, которые «скрытно явились к своим родственникам, начали подготавливать среди своих соплеменников почву, пригодную для действий турок»⁶⁸. В феврале 1877 г. царский дипломат А. Н. Введенский сообщал, что в случае высадки в Абхазии десанта его командиром предполагалось сделать абхазца Каилата Маргания, специально вызванного для этого из Стамбула в Батум⁶⁹. Абхазско-черкесский десант, который был высажен на Кавказское побережье, насчитывал около 10 тыс. человек⁷⁰. На Балканах «черкесские» конные отряды в 1876 г. использовались турками для подавления болгарского восстания, они принимали участие в военных действиях 1877—1878 гг., что не могло изменить общего хода войны. Турция потерпела поражение. По Берлинскому трактату 1878 г., которым были подведены итоги войны, в состав России вошли Аджария и Карсская область.

Поражение Турции в войне непосредственно сказалось на кавказских эмигрантах, специально расселенных османской властью в Европе, как и в Турции, как правило, в стратегических пунктах и вдоль основных дорог с целью создания полицейских барьеров на границах христианских районов (на территории современных Болгарии, Югославии, Румынии, Греции, Албании, а также на островах Кипр, Крит, Родос и др.): «черкесы» оказались здесь нежелательны.

По русским данным, на Балканах к 1876 г. проживало свыше 150 тыс. кавказцев. Только на территории Болгарии их было около

120 тыс.⁷¹ Около 10 тыс. переселенцев обосновались в Салоникском вилайете⁷².

Европейские державы были обеспокоены наличием кавказских переселенцев на Балканах. Еще до начала войны 1877—1878 гг. Англия подготовила проект упразднения иррегулярных войск и переселения выходцев с Кавказа в азиатские провинции Османской империи⁷³. Русское военное командование в августе 1878 г. приняло решение о выселении кавказцев за пределы Болгарского княжества. Очередная конференция европейских держав, проходившая в Филиппополе (Пловдив) в ноябре 1878 г., закрепила прежде вынесенные решения, запрещавшие кавказским беженцам возвращаться на территорию балканских стран⁷⁴.

По завершении русско-турецкой войны вопросы в отношении проживания этих переселенцев были практически решены. В решениях Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата было оговорено, «что султан Османской империи обязуется не употреблять в пограничных гарнизонах иррегулярных войск, как то башибузуков и черкесов...»⁷⁵. Эти поселенные здесь «черкесь» (то есть северокавказцы), еще в ходе военных действий, при наступлении русской армии стали покидать свои дома и уходить вместе с отступавшими турецкими войсками.

Таким образом, турецкие власти начали второе переселение кавказцев, на этот раз в основном в пределах Османской империи. Вместе с тем продолжалось их изгнание с Кавказа после подавления антирусского восстания⁷⁶, а также из Батумского округа и Карсской области, отошедших к России после войны 1877—1878 гг.⁷⁷

Опасаясь компактного проживания «черкесов», правительство Турции хотело разместить их по всей громадной территории Османской империи: в течение 1879 года с Балкан, по указанию совета министров Турции должны были быть выселены 150 тысяч кавказцев. В этом документе даже было указано число семей, направляемых с Балкан в другие города империи. В Алеппо (Халеб) предполагалось поселить 10 тыс. семей, в Дамаске и Адане — 5 тыс., в Конье, Сивасе и на Кипре — по 2 тыс., в Анкаре и Искендероне — по 1 тыс., в Алжире — 100 семей, в Самсуне и Амасье — по 900 семей⁷⁸.

В переписке сотрудников министерства внутренних дел со Стамбулом по делам мухаджиров с мая по декабрь 1879 г. имеются свидетельства, что турецкие власти были против произвольного перемещения «черкесов» по стране, даже если об их переселении просили местные власти.

Итак, после военного поражения 1877—1878 гг., турецкое правительство изменило свое отношение к кавказским переселенцам: оно перестало видеть в них ударную силу в войне с Россией и стремилось сформировать из них полицейский контингент, используемый для

подавления внутренних волнений (нечто вроде казачества в царской России) и для охраны важных стратегических пунктов страны. Согласно этому плану и возобновилось расселение кавказских эмигрантов, ранее уже обосновавшихся в разных районах Османской империи.

Новое перемещение кавказцев привело к возникновению многочисленных преступных группировок, занимавшихся, главным образом, ограблением христианского населения и работорговлей: захваченных в плен и закупленных девушек и мальчиков они переправляли на продажу в Стамбул и другие районы Ближнего Востока. «Эти преступные группировки находили покровительство и у султанского двора. Поэтому это обстоятельство наводило страх и на тех чиновников, которые старались пресечь деятельность этих группировок, а преступники безболезненно проводили свои бесчинства»⁷⁹. В основном такие банды формировались из молодых северокавказцев, потерявших во время переселения своих родных и близких. «Эта часть молодежи представляла из себя большую орду, которая так же мало уважала власть Турции, как и собственность своих сограждан»⁸⁰.

Страх перед этими группировками быстро распространился почти по всей империи и поэтому, когда начался второй этап эмиграции, местные жители стали смотреть на незваных пришельцев в новых районах переселения неблагоприятно. И так как случались даже вооруженные столкновения с аборигенами, многие переселенцы проявили желание вернуться на Балканы. Но в силу запрета турецкого правительства дорога туда была закрыта.

За выполнением условий Берлинского трактата после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., который, как выше было сказано, обязал турецкого султана выселить «черкесов» с Балкан, внимательно следила Англия. К письму уполномоченного по делам Великобритании в Константинополе Э. Макта министру иностранных дел М. Солсбери от 18 апреля 1879 г. был приложен и указ султана азиатским провинциям «О запрещении черкесам возвращаться в европейскую часть империи».

О пристальном внимании Лондона к положению дел в Османской империи и особенно к проблемам, касающимся кавказских переселенцев, свидетельствуют многие документы министерства иностранных дел Англии. Эти документы дают нам представление и о положении эмигрантов во время переселения с Балкан и пограничных с Кавказом районов.

Переселенцы проявили желание переехать в определенные районы, которые они считали приемлемыми для жизни, но правительство Турции опасалось, что, если они станут жить компактно, то будут представлять угрозу властям, и поэтому разместило их по всей громадной территории Османской империи. Иностранные морские

транспортные компании отказывались перевозить тех «черкесов», которые желали бы жить не в предписанных им местах. Новое переселение северокавказцев привело таким образом к их новой трагедии.

Во внутренних провинциях Османской империи, где было предписано обосноваться поселенцам, их появление вызвало панику у местных жителей. Английский представитель в районе Дедеагач Велиер еще в январе 1878 г. писал британскому послу в Стамбуле А. Лайярду: «...Приходят сюда многочисленные вооруженные черкесские переселенцы, в районе возникли большие беспорядки. Но местные власти сделали все возможное, чтобы обеспечить порядок и чтобы выселить их из этого района... Многие турки выражали большую надежду, что эти черкесы после войны вернуться к себе на родину»⁸¹. (Их позднее отправили в другой район.) Как сообщал английский представитель консула в районе Дарданелл, «переселенцы были вооружены, и местная власть не в силах установить порядок и разоружить их, так как в этом регионе работают только трое полицейских»⁸².

Английский генеральный консул в Стамбуле Фауст сообщал 28 января 1878 г. послу А. Лайярду: «Наш агент в Бандырме сообщил мне о прибытии около 4000 черкесских переселенцев из Румынии. Все они находятся в тяжелом бедственном состоянии. Правительство намерено поселить их в Баш-Кисария, но из-за плохого климата, отсутствия транспорта их поселили в мечетях, школах, на военных складах и в частных домах. Местное население находится в страхе, боясь за свою жизнь и имущество»⁸³. Безвыходное положение переселенцев вынуждало их искать любые пути, чтобы обеспечить себе средства существования. Они стояли перед альтернативой: погибнуть или взяться за оружие, и когда встал вопрос о переселении с Балкан, кавказцы наконец поняли, что верить обещаниям турецких властей нельзя и что пора заботиться о себе самим. Опасения местных жителей были не напрасны. Английский агент в Бандырме Пауло в письме от 8 февраля 1878 г. писал Фаусту: «... здесь не осталось никаких лошадей, черкесы насильно их отнимали у населения, кроме того, у них («черкесов». — *Ф.Б.*) много драгоценных вещей из серебра, ворованных из церквей и домов в Болгарии. Также у них много одежды и тканей болгарского производства. Сначала мы все думали, что приехавшие черкесы нищие, но, судя по всему, у них много денег от продажи указанных вещей. Кроме того, они принесли сюда эпидемию (? — *Ф.Б.*) и у них каждый день умирают 4—5 человек и больше, и, по-видимому, эта эпидемия будет распространяться и среди бедных крестьян»⁸⁴.

Однако в целом кавказским переселенцам приходилось несладко. В донесении русского консула в Диарбекире (Диярбакыре) Якиманского читаем: «В Диарбекирском вилайете и в смежных с ним вилайетах было поселено до 30 тыс. семейств черкесов. Голод, бедность,

непривычка к климату, непрестанная борьба с кочующими курдскими и арабскими племенами сокращали число их с каждым годом»⁸⁵.

Как к первому приему горцев, так и ко второму турецкое правительство не было готово. «Особенно во время военных действий на Балканах, когда, по мере продвижения русских войск, мирное население стало покидать места своего проживания и уходить, что создавало благоприятные условия для черкесов, которые стали представлять реальную опасность в тех районах, откуда уходит турецкая армия». Подполковник Сайборн, английский уполномоченный в районе р. Дунай в Болгарии, писал 12 мая 1877 г. министру иностранных дел Англии: «... страх в этом районе начался, во-первых, оттого, что местный правитель Саид-паша приказал освободить город (Толча), а во-вторых, черкесы здесь грабят все селения после ухода армии. Жители города Толча обратились ко мне и предъявили список украденных вещей черкесами и попросили помочь. Но позднее я узнал, что паша заставил черкесов вернуть похищенный скот хозяевам»⁸⁶.

Представители Великобритании, тревожась за безопасность английских семей, проживавших в различных городах Османской империи, написали британскому послу в Стамбуле, что необходимо отправить военную эскадру для защиты подданных Королевства от преступных группировок «черкесов и татар»⁸⁷.

Протест против нового переселения северокавказцев выражали жители всех районов, куда эти злополучные семьи были отправлены. Особенно возмущались представители христианских общин, обратившиеся к британскому консулу в Диарбекире с просьбой добиться изменения задуманного турецким правительством плана поселения в Диарбекире 4—5 тыс. семей северокавказских эмигрантов. Местное население в этом вилайете еще в 1865 г. пострадало от беспорядков во время перехода через эту территорию 40 тыс. чеченцев, которые были поселены в районе Рас-эль-Айн (Сирия). По словам британского консула М. Тротера, христиане обратились по этому поводу не только к британскому консулу, но и к великому везиру и послам европейских держав в Стамбуле. Телеграмму подписали все представители христиан во главе с армянским каталикосом Филипосом⁸⁸. Против намерения турецкого правительства поселить в районе Адабаза 40 тысяч кавказцев протестовали проживавшие там армяне, греки и турки. В письме британского посла в Стамбуле А. Лайярда министру иностранных дел Англии Р. Солсбери сообщается о безвыходном положении этих кавказцев, насильно выселенных из европейской части Турции в азиатскую. Это «поставило их перед альтернативой: или умереть с голоду, или воровать. Естественно, они выбрали второй путь»⁸⁹.

Десятки тысяч северокавказских эмигрантов было отправлено в страны Арабского Востока — Сирию, Иорданию, Палестину, — входившие тогда в Османскую империю, где они должны были соста-

вить защитные полицейские кордоны против племен, ежегодно совершавших нападения на мирных жителей в районах Дамаска, Аммана, Алеппо, Хомса и других важных населенных пунктов и стратегических объектов. Более того, османское правительство планировало сделать из кавказцев карателей, готовых к подавлению национально-освободительных движений в этих странах, и к тому же «иррегулярные кавалерийские отряды черкесов, наряду с башибузуками, использовались в борьбе с партизанскими движениями славянских народов, им отводилась одна из неблагоприятных ролей — проводить конфискацию у крестьян продовольственных запасов для снабжения регулярной армии»⁹⁰.

Одной из лучших частей вооруженных сил Османской империи были полицейские формирования. «При султанах Абдул-Хамиде II их численность была доведена до 100 000 человек»⁹¹, среди них было немало кавказцев.

Болезненно подозрительный султан Абдул-Хамид II, вступивший на престол в 1876 г., не доверял никому. Через два года он упразднил принятую ранее под давлением прогрессивных кругов конституцию. Все нити государственного управления он сосредоточил у себя, его шпионы орудовали в учреждениях, армии, школах, даже в семьях. Начальник тайной полиции султана малограмотный «черкес» Зиябей впоследствии признавал: «Если бы я исполнял, то есть, вернее, если бы у меня было время исполнять все приказы из Йылдыза (так называли султанский дворец. — *Ф.Б.*), то, наверно, в Турции население уменьшилось бы на одну треть»⁹². Полиция и жандармерия, башибузуки (иррегулярные войска) и хамидие (иррегулярная конница из курдов, получившая свое название от имени султана) свирепствовали во всей империи, любые проявления национально-освободительных тенденций и вообще всякого недовольства подавлялись в зародыше. В Битлисском вилайете, например, бесчинства, чинимые отрядами хамидие и «черкесов», приняли столь широкий размах, что по инициативе министра иностранных дел России А. П. Извольского послы России, Англии и Франции сделали специальное представление Османской империи. В связи с этим султанское правительство вынуждено было направить особую комиссию для расследования жалоб населения на действия этих отрядов⁹³.

Недовольство политикой Абдул-Хамида II положило начало буржуазно-революционному движению в Турции. «Младотурецкая революция» 1908—1909 гг. свергла режим Абдул-Хамида II и восстановила отмененную конституцию⁹⁴.

На первых порах победа младотурок вызвала всеобщий энтузиазм, и, казалось, исчез наиболее острый из всех противоречий султанской Турции вопрос — национальный. Однако младотурки направили свои усилия в первую очередь на поддержание «порядка» в стра-

не, под которым они понимали пресечение малейших проявлений классового и национального недовольства.

Своей официальной доктриной в национальном вопросе они провозгласили «османизм», который формально означал равенство всех подданных перед законом, но фактически — полное отрицание национального вопроса в Турции, лишение национальных меньшинств их элементарных прав и, в конечном счете, их насильственную ассимиляцию. Младотурки разрешили национальным меньшинствам сохранить свою религию, но не родной язык⁹⁵.

Фактически с 1908 г. положение северокавказцев в Османской империи ухудшилось. Их все чаще привлекали к карательным акциям властей против участников антиправительственных выступлений, отводя неблагоприятную роль бездумных защитников режима.

Во время первой мировой войны из каждого северокавказского населенного пункта в Сирии было мобилизовано по 20—50 человек, которые почти все погибли в боях (в основном с англичанами в местечке Чинкала).

«Черкесское» военно-бюрократическое окружение султана, терявшее свое привилегированное положение по мере ослабления режима, вступило в переговоры со странами Антанты и выдвинуло идею создания «черкесского государства» в Западной Анатолии под протекторатом Антанты. С этой целью в 1920 г. в Измире под покровительством греческого военного командования был созван съезд представителей «черкесов» Турции. Однако большинство делегатов съезда не одобрило представленный проект⁹⁶.

Северокавказцы не могли занять единую позицию по отношению к политическим силам, боровшимся за власть в Турции. Они раскололись: одни из них присоединились к турецкому национальному движению, а другие — выступили на стороне султанских войск. Так, М. В. Фрунзе, посетивший Турцию во главе украинской делегации в конце 1921 — начале 1922 г., на основании личных наблюдений заключил, что курды и «черкесы» «не проявляют особой ревности в отношении ведущейся борьбы; они предпочитают служить в тыловых частях, а при посылке на фронт, обыкновенно дезертируют... При всем том, отношение к правительству, и особенно к Кемалю, хорошее»⁹⁷.

В 20-е годы отряд «черкесской» кавалерии под руководством Эджем-бея выступил против меджлиса и правительства Мустафы Кемаля. Побудительные причины этой акции и связанные с ней обстоятельства остаются для современных историков загадкой. Известно только, что в результате Эджем-бей был «вынужден бежать к грекам»⁹⁸, что послужило поводом к репрессиям против северокавказских деятелей.

Во время первой мировой войны арабские территории Османской империи большей частью были завоеваны Англией и Францией. В 1920 г. к Франции отошли Сирия и Ливан. Согласно тайному договору между Англией и Францией, с этого года Сирия уже находилась под мандатом Франции. Наступает новый период в жизни северокавказских переселенцев в Сирии, период выживания вместе с сирийским народом в условиях нового, на этот раз европейского колониализма. Жизнь «черкесов» не стала лучше, на них по-прежнему нападали соседние племена бедуинов. «Черкесов» рассматривали как традиционных защитников старого ненавистного режима турок. Но, как и всякая колониальная власть, французская администрация пытается использовать в своих целях этнические меньшинства.

На Лозаннской конференции 1923 г. турецкая делегация настаивала на том, чтобы все национальные меньшинства — мусульмане бывшей Османской империи рассматривались как находившиеся под покровительством турок. Англичане протестовали, поскольку это, по их мнению, означало бы «свалить в одну кучу» арабов, курдов, «черкесов» и турок. Однако потом они уступили при условии, что из этой «кучи» будут исключены курды иракского города Мосула" (вопрос о принадлежности Мосульского вилайета Турции или Англии на Лозаннской конференции так и не был решен).

Глава III

«ЧЕРКЕСЫ» В СИРИИ И ИОРДАНИИ

В начале XX в. Сирия занимала значительно большую территорию, чем теперь. Она была разделена на следующие административно-территориальные единицы:

1) Сирийский (или Дамасский) вилайет (провинция) включал значительную часть современной Сирии, часть Ливана и Иордании;

2) Халебский (Алеппский) вилайет — северную часть современной Сирии, а также санджаки (области) Урфа, Газиантеп и Александретта (ныне Искендерон), входящие в настоящее время в состав Турции;

3) Мутасаррыфлык (район) Дейр-эз-Зор, входящий в состав Мосульского вилайета — восточную часть современной Сирии;

4) Иерусалимский санджак — большую часть Палестины.

Во второй половине XIX в. сирийско-палестинский район был одной из самых беспокойных окраин Османской империи. Рост национально-освободительного движения знаменовался восстаниями и различными антиправительственными выступлениями. Конфликты между религиозными и этническими общинами обостряли политическую обстановку.

В это время Великобритания и Франция активизировали политику колониального проникновения в Сирию, Ливан и Палестину. Западные политики специально разжигали вражду между различными местными группировками, используя ее как повод для обвинения турецкого правительства в неспособности управлять краем. При этом Англия делала ставку на друзов, а Франция — на маронитов. В сложившейся ситуации османские власти решили использовать черкесских эмигрантов.

По испытанному на Балканах методу османские власти предполагали создать из северокавказских поселений военный барьер, кото-

рый оградил бы земельские регионы от набегов кочевых бедуинских и курдских племен, и использовать северокавказцев в борьбе с движением друзов. Русский консул в Бейруте К. Петкович писал о северокавказской «черкесской» эмиграции: «...Турецкое правительство стремится достигнуть разных политических успехов: усилить в Сирии мусульманский элемент, противопоставить арабам-мусульманам, к которым оно не питает доверия, новых мусульманских фанатиков, чуждых им по языку и народности, и подготовить себе тысячи верных и храбрых борцов как против внутренних, так и против внешних врагов своих»¹.

Офицер царской армии П. Аверьянов отмечал, что кавказцы в Сирии расселяются правительством на «...землях, которые хотя и считались официально казенными, но фактически были во владении бедуинов, таким путем, черкесы и бедуины ставятся в положение непримиримых врагов»². Кроме того, создание черкесами военной линии послужило причиной конфликта с бедуинами. В связи с этим кочевники-бедуины лишались фактической дани (хува), которую они прежде взимали с феллахов во время регулярных набегов.

Несколько групп кавказских переселенцев перебрались в Сирию еще в середине 60-х годов XIX в. из Турции, остальные — позже из европейских вилайетов Османской империи, где проживали прежде. Одна из первых групп поселилась в Северной Сирии в Марашском санджаке (ныне территория Турции). Ей поручили военный надзор за армянским округом Зейтун, население которого часто выступало против правительства. Для османских властей это была политика, издавна проводившаяся по отношению к армянам, как явствует, например, из постановления правительства Турции № 1439 от 7 мая 1879 г. «В районах Малазгирт забастовали армяне и поэтому необходимо переселить туда часть черкесов для усиления мусульманского элемента»³,

К 1881 г. в Марашском санджаке было шесть кавказских деревень, где проживало 800 семей⁴.

В Диярбакырском санджаке и в районе Рас-эль-Айн в Восточной Сирии в 1865—1866 гг. были расселены 13 648 чеченцев, которым надлежало отражать набеги бедуинов и курдов. К 1880 г. в результате боевых действий и болезней численность чеченцев сократилась более чем в два раза — к 1880 г. в окрестностях Рас-эль-Айна их осталось около 5000⁵. Это были первые военные линии из северокавказских переселенцев. Путешественник Д. Тэйлор писал, что по распоряжению местных властей для защиты чеченцев у истоков р. Хабур были сооружены укрепления и казармы на 1 тысячу человек⁶.

Переселение северокавказцев из европейских вилайетов в Сирию проходило в основном двумя путями: первый — морской, из болгарских и румынских портов Черного моря через проливы к сирийскому

побережью; второй — по суше до портов Эгейского моря и далее морем в пункты назначения. В феврале 1873 г. на Эгейском побережье в районе Салоник скопилось около 40 тыс. северокавказцев, готовых следовать на Арабский Восток⁷.

По данным французского консульства в Бейруте, в марте 1878 г. сюда начали прибывать корабли с северокавказскими беженцами. «В течение марта, — пишет консул, — около 1000 черкесов было высажено в Бейрутском порту»⁸. Тогда же русское посольство в Стамбуле на основании донесения русского консульства в Халебе, сообщало, что для расселения в Халебском вилайете беженцев турецкое правительство высадило в Александретте до 20 тысяч переселенцев с Кавказа. Из них часть умерла от болезней и лишений, а другая — расселилась неведомо где или возвратилась обратно в Стамбул. «...Черкесскую часть этих мухаджиров составляли абадзехи, жившие прежде в Болгарии в казе Адлие. Их разместили в Халебском вилайете»⁹. Возможно, что «одну из этих первых групп черкесских беженцев поселили на Голанских высотах»¹⁰.

«В июле 1878 г. в Акко высадили 600 черкесских беженцев. В донесении одного из сотрудников английского консульства сообщалось о прибытии в Акко еще одного корабля «Касед Керим», доставившего 48 черкесов, однако местные власти запретили их высадку. Следующий австрийский корабль привез еще 1200 беженцев»¹¹.

По данным английского консульства, «в июле в Акко прибыл корабль «Тимайо» с 2500 человек на борту. Однако высадиться согласилась только часть беженцев, другая отправилась к анатолийскому побережью»¹².

Турецкие и английские пароходы высадили в Бейруте в августе 1878 г. 1050 северокавказцев. В течение долгого времени они находились в центре города, ожидая предоставления им постоянного места жительства. Среди переселенцев свирепствовали тиф, оспа и другие болезни. Позже эту группу отправили в Наблус. Через месяц, в сентябре, очередной турецкий корабль доставил в Бейрут 900 черкесов из Салоник. Местные власти отказались принять их и рекомендовали капитану парохода произвести высадку в Акко.

К сентябрю 1878 г., по сообщению П. Петковича, численность северокавказцев, высаженных в различных портах сирийского побережья, достигла 45 тысяч человек, а в Бейруте ожидали прибытия новых групп эмигрантов из Салоник и Стамбула. Их также планировали расселять в окрестностях Наблуса¹³.

В течение осени 1878 г. поток переселенцев из Румели не прекратился. «Их переправляли в Адану, но местные власти всячески препятствовали их поселению в указанном округе (Аданском)»¹⁴. Большая часть из них поселилась в Сирийском вилайете.

Правительство Турции, как уже было сказано, не успевало оказывать необходимую помощь многочисленным черкесским беженцам, скопившимся на ливанско-сирийском побережье. Беженцы познали всевозможные лишения, а местное население региона испытывало страх, подвергаясь насилию и грабежу.

Газета «Новое время» сообщила, что «после войны (1877—1878 гг. — Ф.Б.) Порта отправила в Сирию 35 000 черкесов, которые высасывают последние соки из страны; нищета доходила до таких пределов, что не только Медхат, но и 10 Медхатов там ничего поделывать не могут»¹⁵.

Казалось бы, что после того как переселенцы обосновались на новом месте, жизнь должна была нормализоваться, однако положение и там не улучшилось. Участки, выделенные администрацией на границе с кочевниками-бедуинами, были в большинстве случаев пустынными и малопригодными для земледелия. Власть не оказала реальной помощи для устройства беженцев. «...Хотя правительство, — пишет П. Петкович, — и отводит этим переселенцам пустопорожные земли, но не имеет средств, чтобы снабдить их рабочим скотом, земледельческими орудиями и зерном, необходимым для посева и их пропитания»¹⁶.

Английский путешественник Лоренс Олифант писал, что в 1880 г. на Голанских высотах появилось около семи кавказских деревень с населением 3 тыс. человек¹⁷. До 1967 г. здесь, вблизи Эль-Кунейтры, было 22 «черкесских» поселения, жители которых после арабо-израильской войны поселились в Дамаске.

«Черкесские» селения образовались также около городов Александретта (Искендерон), Халев, Хомс, Хама, Дамаск и Саламия. Одно селение появилось около портового города Латакия, однако тяжелый, непривычный для переселенцев климат погубил почти всех.

Численность северокавказцев в Сирии, так же как и в других странах, где они проживают, трудно установить за отсутствием строго статистического учета. Кроме того, среди беженцев всегда была высокая смертность. Русское консульство приводило данные, что в рассматриваемый период в Сирию иммигрировало более 45 тыс. человек. Иззат Айдемир считает, «что в Сирии в указанный период насчитывалось около 70 тыс. черкесов»¹⁸. На наш взгляд, в настоящее время в Сирии проживает около 80 тыс. кавказских переселенцев. Установить точное число их невозможно, так как в бланках переписи населения отсутствует графа национальной принадлежности.

В 80-х годах XIX в. поток иммигрантов в Сирию заметно сократился, но, несмотря на это, их адаптация в новых условиях сопровождалась многими обычными для переселенцев трудностями. Например, «еврейские колонисты, прибывшие в Палестину зимой 1890/91 г., свидетельствовали о высокой смертности среди "черкесов". В районе

Хадеры они застали черкесскую деревню, большая часть населения которой умерло»¹⁹.

Переселенцы с Северного Кавказа продолжали прибывать в Сирию вплоть до начала XX в. В Дамаск, например, 24 и 25 декабря 1902 г. приехали 163 кабардинские семьи по маршруту Кабарда — Севастополь — Стамбул — Бейрут. Их приняли²⁰. В 1905 г. большая группа северокавказцев численностью в 1454 человека — во главе с кабардинским дворянином Анзором Толостаном — прибыла в Александретту на пароходе «Пауль Сполнас», откуда их перевезли в Халеб. В то же время в Халеб прибыло 600 лезгин из Дагестана²¹. Власти намеревались их переправить в Сирийский вилайет. По данным русского консульства, к осени 1905 г. в Халебе скопилось до 3 тыс. переселенцев с Северного Кавказа²². Их поселяли в районе Халеба, где часто совершали набеги кочевые племена.

Османское правительство обещало, что прибывающим в страну северокавказцам будет выдаваться денежное пособие, но это затянулось на несколько месяцев. Потерявшие терпенье переселенцы, прибывшие со своими князьями, потребовали вернуть их на Кавказ. В противном случае они угрожали князьям смертью²³. В марте 1906 г., сообщил русский консул А. Круглов, 260 вооруженных кавказцев напали на Управление Халебского вилайета. Восставшие потребовали немедленной выплаты денежного пособия, угрожая расправой. Вали (губернатор) уговорил их разойтись, пообещав выдать им деньги через месяц²⁴. Однако, не дождавшись пособия в обещанный срок, переселенцы снова прибыли в Управление со своими требованиями. Администрация отказалась выплатить пособие, ссылаясь на отсутствие в данный момент вали. Возмущенные кавказцы применили оружие, и лишь 110 жандармов и срочно вызванный батальон регулярной армии подавили этот бунт²⁵.

Многие «черкесы» (в основном кабардинцы) из Халебского вилайета перебрались в Сирийский, где ранее обосновались их земляки. «Около 110 семей во главе с дворянами Мухамеджори и Пшимахо Анзором основали деревню Хакасор (в 40 км от Халеба), а Толостан Анзор с 50 семьями поселился в районе Ракот»²⁶. Учитывая серьезность проблемы переселенцев, османское правительство образовало в Дамаске в 1902 г. постоянно действующие комитеты содействия. «В обязанности комитета входили: организация расселения переселенцев, снабжение их денежным пособием, зерном, скотом, необходимыми орудиями труда, а также оказание помощи в строительстве жилья и т. д.»²⁷.

В состав дамасского комитета входили: председатель Хосров-паша — начальник полиции вилайета; Мирза-паша — командир черкесского полицейского эскадрона; Мухаммед Хажжоко — один из лидеров северокавказской общины; начальник налогового отдела; другие

сотрудники Административного совета вилайета²⁸. Отделение комитета по содействию северокавказской эмиграции было образовано в Халебе под председательством генерал-губернатора²⁹. Однако несмотря на меры, предпринятые этими комитетами, положение иммигрантов оставалось тяжелым. «Голая земля», выделенная им, оказалась малопригодной, коренное население, как правило, принимало новопоселенцев враждебно.

Положение переселенцев еще более ухудшилось, когда в марте 1888 г. Османское правительство лишило их привилегии не нести рекрутскую повинность. «Распоряжения относятся равно к кавказцам, переселившимся в Турцию из пределов России, Восточной Румынии, Боснии и Герцеговины, и ко всем переселенцам мусульманского вероисповедания»³⁰.

Вали Дамаска Назым-паша попытался провести среди «черкесов» Хаурана перепись населения с целью обложения их налогами. Эта мера вызвала протест переселенцев их община потребовала предоставления новых, более плодородных земель³¹. Тогда Назым-паша обратился в русское консульство с предложением организовать возвращение северокавказцев на родину, но это не могло ни к чему привести, так как Россия и Турция подписали соглашение не допускать возвращения этих эмигрантов. Вали пришлось подключить к переговорам с «черкесами» Хосров-пашу, «которому удалось убедить своих соотечественников прекратить кампанию неповиновения правительству и временно оставаться на прежних местах»³².

О недовольстве переселенцев свидетельствует донесение русского консула Самсонова, который в марте 1906 г. писал: «...Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы эмигрировавшие были довольны своим положением и не желали вернуться обратно на Кавказ»³³.

В настоящее время карта расселения первых партий северокавказцев стала ясна (см. Приложение 2), но процесс миграции внутри Сирии продолжался вплоть до 40-х годов XX в. Однако мы находим данные, которые относятся к более раннему периоду. Хотя они и не точны, тем не менее представляю! особый интерес для изучения предмета.

В 1879 г. русское консульство в Халебе проводило свою перепись по постоянным и временным местам расселения северокавказцев³⁴ (см. табл. 2).

Согласно французскому исследователю В. Кюине, расселение «черкесов» по казам в Халебском вилайете и конце 80-х годов XIX в. выглядело следующим образом: Килис - 1500 человек, Антакья — 3000, Харем - 3000, Мембидем - 1500³⁵.

Все эти поселения были военизированными. На Голанских высотах было расположено 13 северокавказских деревень вблизи Эль-Ку-

Расселение северокавказских эмигрантов

Число		Место пребывания	
семей	душ	постоянно	временно
700	-	-	Марашский санджак
600	-	Арабон-Оваса	-
212	-	каза Рум-кала Мембиж	-
200	-	-	Алеппо
60	-	-	Маара
100	-	-	Антакья
60	-	-	Идлиб
30	-	нахие Килис	-
1962	5170	-	-

нейтры и других больших городов и основных дорог, чтобы в случае необходимости действовать с регулярными частями турецкой армии.

Часть переселенцев обосновалась в Бейруте, Халебе, Хомсе, Дамаске и в других городах. В феврале 1904 г. в Сирийском вилайете насчитывалось 6065 семей — 36 390 человек³⁶.

Различные данные о численности северокавказской общины приводят исследователи и в первом десятилетии XX в.: например, Надра Мутран — 3 тыс.³⁷, а К. Хайраллах — до 40 тыс. человек³⁸.

Французская исследовательница Де Пру в середине 30-х годов составила таблицу местонахождения «черкесских» поселений и числа их жителей (см. Приложение 2). Исходя из того, что в одной семье пять—шесть человек, Де Пру оценивала общее число переселенцев — около 25 тыс.³⁹ Летом 1935 г. французские власти провели официальную перепись северокавказцев Сирии, подтвердившую эту оценку: в стране было зарегистрировано около 25 тыс. «черкесов»⁴⁰. Тем же летом 1935 г. Мандатная администрация провела еще одну официальную перепись «черкесского населения» Сирии, результаты которой представлены в табл. 2: численность «черкесов» Сирии могла достигать 25—27 тысяч. Во время национально-освободительного движения в Турции десятки солдат-северокавказцев султанской армии переехали в Сирию. Поток переселенцев с Северного Кавказа и из Турции в Сирию периодически возобновлялся вплоть до второй мировой войны. В 1930 г. в частности из Советского Союза в Эль-Кунейтру переселилось семь семей⁴¹. Небольшие группы эмигрантов появились в Сирии после второй мировой войны.

Не в лучшем положении находились переселенцы и на Голанских высотах. Бедуины, обозленные на османское правительство, видели в

лице новых эмигрантов врагов, которых надо уничтожить. Вскоре же после прибытия переселенцев (в 80-е годы XIX в.) бедуины напали на селение Мансура, где в основном проживали бжедуги и абадзехи. Используя ситуацию для укрепления в этих краях своей власти, османское правительство направило сюда карательную экспедицию.

Столкновения между бедуинами и северокавказскими переселенцами стали привлекать внимание представителей других государств особенно в конце XIX в. Например, английский консул в Дамаске сообщал о столкновении между племенем фадыл и «черкесами» 15 августа 1880 г. в районе Эль-Кунейтры, в результате чего несколько десятков бедуинов и «черкесов» были убиты и ранены⁴².

В продолжительности конфликтов между бедуинами и «черкесами» сыграла роль и кровная месть, поэтому мирные соглашения, которые периодически заключались между ними, были кратковременными. Продолжавшейся вражде способствовало также и равнодушие властей к многочисленным обращениям старейшин северокавказцев по поводу нападений соседних племен⁴³. Конфликты между местными племенами и северокавказцами из поселка Минбедж (вблизи Халеба), например, продолжались вплоть до середины XX в. во многом из-за равнодушия властей вилайета к многочисленным обращениям старшин «черкесов» по поводу нападения соседних племен. Старшина селения Минбедж, например, обратился к властям Халеба с просьбой «...защищать их (жителей селения. — Ф.Б.) от нападений племен бани сайд и абу султан, но вали равнодушно отнесся к его жалобам»⁴⁴.

Другой поселок северокавказцев около Халеба — Ханасар, а также поселения вблизи Хамы и Хомса подвергались многочисленным нападениям племени аназа.

В апреле 1887 г. земельный спор между переселенцами и жителями селения Гексу (Марашский санджак) перешел в вооруженный конфликт, в результате чего было убито 40 кавказцев и 80 жителей Гексу⁴⁵.

Земельный спор между «черкесскими переселенцами» и местным населением зашел далеко и на Голанских высотах. Отряд друзов (600 человек), совершивший несколько крупных нападений в 1881 г., был разгромлен при нападении на селение Мансура.

Столкновения между переселенцами и друзами продолжались долгие годы. На помощь сирийским «черкесам» приходили соотечественники, проживавшие в Иордании. И хотя в 1889 г. было подписано соглашение о перемирии, конфликт возобновился в 1894 г., когда друзы, напав на супружескую пару северокавказцев, убили женщину. Это положило начало крупному конфликту. Северокавказцы потребовали у друзских шейхов наказать виновных, и шейхи согласились. Однако группа друзов вновь совершила нападение и получила отпор, в результате чего было убито четверо нападавших. Обе стороны начали

готовиться к военным действиям. Друзы объявили чуть ли не мобилизацию всех своих соплеменников, проживавших в Сирии и Ливане. Узнав об этом, вали Эль-Кунейтры отправился к ним с отрядом, но попал в плен и был освобожден только в обмен на арестованных ранее друзов.

24 мая 1894 г. друзское войско численностью до 10 тыс. человек под семью знаменами подошло к Мансуре и открыло огонь. Кавказцы ответили тем же. Услышав перестрелку, на помощь подоспели «черкесы» из соседних деревень. Сражение продолжалось 14 часов, но друзьям ворваться в селение не удалось, и они были отброшены.

По сообщениям русского консула Беляева, в бою погибло 88 друзов и 55 «черкесов» (в том числе 44 мужчины, 4 женщины, 7 детей), 4 «черкеса» были ранены⁴⁶.

Вечером в селение Мансура прибыл начальник полиции Хосров-паша, которому с трудом удалось добиться, чтобы до разбирательства дела специальной комиссией во главе с новым вали Османом-Нури-пашой⁴⁷ не предпринималось никаких действий. Но несмотря на создание специальной комиссии, друзы продолжали готовиться к войне. В это время в Эль-Кунейтру прибыл один из влиятельных «черкесов» Ахмад Хамди-бей, которого сопровождали Хосров-паша и Ахмед Шамаа. Они предложили своим землякам пойти на примирение при условии, что друзы выплатят жителям Мансуры 1000 лир и попросят у них прощения. Обе стороны согласились на эти условия. Таким образом на этот раз конфликт между северокавказскими переселенцами и друзами закончился.

Однако заключение мирного соглашения не успокоило друзов. Они продолжали готовиться к войне не только против иммигрантов, но и против всей Османской империи. По-прежнему в районе Голанских высот и на близлежащих территориях — местах традиционного расселения друзов — постоянно происходили столкновения на религиозной и этнической почве, совершались грабежи, нападения и убийства. «Банды друзов, — писал русский консул в Дамаске Беляев, — человек 20—30 разъезжают по Хаурану и производят всяческие бесчинства. Дерзость друзов дошла до того, что они стали производить набеги даже на жителей местностей, расположенных в часе расстояния от Дамаска»⁴⁸. Это послужило поводом для османского правительства нанести удар и усмирить восставших. И в начале ноября 1894 г. для подавления беспорядков, но не желая афишировать свои карательные действия, власти организовали выступление трехтысячного вооруженного отряда, который 9 ноября подошел к селению Мансура. В составе отряда были «черкесы», курды и бедуины, которые, по сообщению английского консула в Дамаске, при попустительстве османских властей разгромили друзские деревни⁴⁹.

В 1904 г. офицер русской армии Томилов, побывавший в Северной Сирии, писал о все еще продолжавшейся вражде кавказских переселенцев с племенем бани саид (44).

В начале XX в. дагестанское поселение Дейр-Фуль (близ Хомса) подвергалось нападениям с целью захвата земель, уже давно принадлежавших переселенцам.

Враждебные столкновения между «черкесами», друзьями и бедуинами продолжались еще долгие годы, но они становились менее ожесточенными. И чем больше северокавказцы ассимилировались в новой среде, тем меньше у них было столкновений с местным населением.

Жизнь эмигрантов с Северного Кавказа на новом месте была тяжелой и в хозяйственном, и в моральном отношении. Форма хозяйствования в Османской империи того времени отличалась тем, что верховным собственником земли оставалось государство, т.е. султан, владевший всей землей категории *мири*, из которой эмигрантам предоставлялись наделы. «Семья из трех человек получала участок в 70 дунамов (1 = 990 кв. м. — *Ф.Б.*), а семья из четырех—пяти человек — 130 дунамов»⁵⁰. Дворянские семьи получали земли больше и лучшего качества.

Несмотря на малую пригодность земель, переселенцам удавалось их культивировать, и, в конечном счете, благодаря применению традиционной агротехники они давали урожай более высокий, чем поля местного населения. Урожай черкесской колонии, — писал русский ученый А. Беркенгейм, — в окрестностях г. Кунейтры превосходил урожай германской колонии Сароны и еврейской колонии Хадеры⁵¹.

Кроме земледелия черкесы занимались животноводством, пчеловодством, различными ремеслами (в основном производстве холодного и огнестрельного оружия). Подпольные мастерские по изготовлению огнестрельного оружия действовали в дагестанском селении Дейр-Фуль. Дагестанские мастера сумели быстро организовать производство ружей для защиты от нападений кочевых племен. Техника обработки стволов в те времена была удивительно высокой, поэтому дальность стрельбы из такого оружия доходила до 2—2,5 км. Ружья были тяжелыми, с длинными стволами. Их дагестанцы называли *кабак-чиия*. Впоследствии эти ружья были собраны французскими колонистами и увезены во Францию в качестве музейных экспонатов, и в Сирии их, к сожалению, вообще не осталось. Мастерство изготовления таких ружей было утеряно в 40-х годах XX в. после смерти последнего мастера Гази-хана.

Существовали также различные мастерские по изготовлению сельскохозяйственного инвентаря, который превосходил по качеству изделия местного производства.

«Черкесы» активно занимались торговлей. Наиболее крупными торговыми центрами были Эль-Кунейтра (1300 жителей), Минбедж (2500), Дейр-Фуль (2500). В селении Дейр-Фуль в казе Хомс была построена первая сельская школа благодаря деятельности просветителя Халафа ал-Дагестани, а также мечеть — удивительный памятник архитектуры.

В отличие от эмигрантов, оставшихся в пределах современной Турции, особенно тех, кто избрал военно-административную карьеру, в Сирии этнически разнородные переселенцы с Кавказа, обобщенно называемые «черкесами», социально и экономически сблизались друг с другом, кроме некоторых семей, имеющих отношение к официальным структурам власти. По указу султана 1857 г., льготы получили все переселенцы (освобождение от уплаты налога в течение 10 лет), отмена же этих льгот повлияла в первую очередь на тех, кому достался малопригодный для обработки участок земли.

Расслоение «черкесского общества» в Сирии не очень заметно, потому что процент богатых эмигрантов был невысок (на одно селение по одной-две семьи). Кроме того, близость культур и традиций, общая трагическая судьба, образ жизни и, самое главное, — необходимость защищаться от нападений местных племен сплотили всех выходцев с Северного Кавказа.

Селения управлялись следующим образом. Во главе каждого из них стоял *мухтар* (избранный старшина). Он назначал совет, а также своих помощников, двух или более. Должности мухтара и двух его первых помощников оплачивались населением деревни натурой или деньгами. Иногда они получали жалованье от правительства. Мухтар и его помощники следили за порядком в селении, ведали всеми административными делами, вели книгу регистрации рождения и смерти жителей, рассматривали заявления граждан, обращались к властям лишь в случае крайней необходимости, — как правило, все вопросы решались на месте без вмешательства вышестоящих инстанций. В случае нападения кочевников мухтар и его помощники объявляли мобилизацию населения для отпора и т.д.

У вышестоящей администрации — как турецкой, так и позже, когда Сирия уже находилась под французским мандатом, — институт старшин пользовался уважением, поскольку ему принадлежала вся власть в «черкесских» поселениях, включая судебно-правовую, «любые конфликтные ситуации, возникшие между черкесами, разбирали исключительно старшины, не допуская вмешательства османского суда»⁵².

Всеми силами переселенцы с Северного Кавказа старались сохранить свою национальную самобытность. Северокавказские этнокультурные островки как в Турции, так и в других странах Ближнего Востока сохраняются до сих пор. На чужбине все выходцы с Северно-

го Кавказа так сблизилась, что уже можно говорить об их единой этнокультурной и психологической общности. Кроме родных языков и некоторых особенностей свадебных обрядов, сохраняемых каждым этносом, у этих мухаджиров уже почти не осталось национальных различий: они одинаково воспринимаются местным населением, узнающим их и по поведению, и по внешнему облику. Даже музыка северокавказских переселенцев стала единой. А в сохранении национальной культуры мухаджиров она сыграла большую роль, так как с самого их расставания с родиной не переставала звучать в каждой семье, оставаясь едва ли не единственной отдушиной в тяжелой жизни переселенцев. За рубежом кавказская музыка продолжала развиваться; правда, мелодии все более приобретали элементы трагизма, питаемого ностальгией.

Проходили годы, происходили те или иные исторические события в тех странах, где образовались островки кавказской диаспоры. Переселенцы, естественно, не могли оставаться вне социально-политических процессов, развивавшихся в государствах их проживания. Все это отражалось и в народном творчестве, появились новые песни на родных языках, новые мелодии, тесно связанные с исконными музыкальными традициями.

Например, в быту адыгских мухаджиров постоянно звучала и звучит «мелодия возвращения», которая родилась вскоре после выселения, но до сих пор исполняется на каждом торжественном вечере. На эту музыку на разных языках северокавказцев были созданы песни.

Во время первой мировой войны из дагестанского аула Деирфуль в Сирии (этот аул часто называют «Кучук Дагестан», т.е. маленький Дагестан) были насильно мобилизованы все здоровые мужчины и отправлены турецкими властями на войну в местность Чина-Кала, где почти все и погибли. В аул вернулся только один человек. Потрясенный его рассказом, народ сложил песню «Чина-Кала», которая живет и по сей день, напоминая о трагическом прошлом.

В 1948 г. началась первая арабо-израильская война, связанная с образованием Израильского государства. В составе правительственных войск Сирии был и «черкесский отряд» во главе с полководцем Анзором. Все воины отряда погибли, сражаясь на Голанских высотах. В память об этом событии среди «черкесов» родилась песня о полководце Анзоре, мелодия которой во многом похожа на «Чина-Кала». Эта песня широко известна среди кавказцев не только в Сирии, но и в Иордании, и в Турции.

Заметную роль в развитии музыки диаспоры сыграл ансамбль «Северный Кавказ» из Турции, довольно известный на Ближнем Востоке в 60-х годах. Ансамбль сохранил особенности национальной мелодики разных этносов благодаря тому, что в многочисленной «черкесской» диаспоре в Турции оказалось много потомственных профес-

сиональных музыкантов. Были известны музыканты из Иордании. Ибрагим Исхак Берзек, например, в 40-х годах работал на иерусалимском радио в Палестине на радиостанции «Ближний Восток», где еженедельно в одной из программ исполнял «черкесскую» музыку. В 1945 г. Ибрагим участвовал в концерте Победы, организованном британскими властями.

Эстафета была подхвачена Фаисалом Джалахеджа, исполнителем традиционной кавказской музыки на аккордеоне. Ему принадлежат и авторские мелодии, выдержанные в «черкесском» стиле.

Довольно долго на музыкальном небосклоне Ближнего Востока сияла звезда Абидат, талантливая исполнительница кавказских мелодий. Трудно переоценить ее влияние на искусство диаспоры в целом и ее вклад в пропаганду этой музыки.

Интересно, что в течение нескольких десятилетий выходит в эфир еженедельная передача иорданского радио «Из черкесского искусства», в которой принимают участие и признанные мастера кавказской музыки, созданной уже на чужбине, и начинающие исполнители, и авторы.

Традиционно кавказский стиль воспитания детей сохранился у мухаджиров и поныне. За редким исключением, признавались только эндогамные браки. Словом, «черкесские общины» жили изолированно от остального населения, имея в виду когда-нибудь вернуться на родину предков.

Диаспора в Сирии насчитывает около 80 тысяч человек, состоит из адыгейцев, кабардинцев, дагестанцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, абхазцев, осетин. Объединяются представители северокавказской диаспоры в Сирии вокруг официально действующего Черкесского благотворительного общества и других общественных организаций. Как же возникали подобные организации?

Еще в 20-е годы нашего века северокавказские эмигранты в арабских территориях бывшей Османской империи (Сирия, Палестина) при поддержке оккупационных властей начали создавать общественно-благотворительные и культурно-просветительские объединения, которые и превратились в благотворительные общества, действующие по сей день. В уставах «черкесских обществ» того времени подчеркивалась необходимость объединения и консолидации разобщенных соотечественников, т.е. беженцев различных северокавказских национальностей перед лицом постоянных конфликтов и локальных войн с представителями местных племен (бедуинов, друзов и других). Стояла цель выжить на чужбине. Люди понимали, что выжить — это прежде всего сохранить себя таким, каким ты был на родине. Поэтому ставилась задача сохранить язык, литературу, не забывать обычаи, не отрекаться от традиций. Старики советовали вести просветительскую работу, обязательно открывать и содержать школы, литературные и

спортивные клубы. В уставе было рекомендовано издавать газеты, журналы, выпускать учебники и художественную литературу. Важнейшей заботой общества считалась благотворительная и любая помощь немущим, сиротам, старикам. Таким образом, в 1927 г. впервые за пределами этнической родины в сирийском городе Эль-Кунейтра было организовано Черкесское общество содействия просвещению и культуре. Оно имело собственную типографию «Мардж» и выпускало общественно-политическую газету на черкесском, арабском, турецком и французском языках. Любой национальной диаспоре угрожает в иноязычной стране ассимиляция, которой прежде всего подвергается молодежь. Черкесское общество разрабатывало и выпускало азбуку и учебники по адыгейской грамматике, при этой же организации были открыты «Клуб черкесского литературного союза», различные комитеты и спортивное общество. Одновременно в 1928 г. в столице Сирии Дамаске создается другое Черкесское общество — «по обучению и сотрудничеству», которое основной целью поставило культурно-просветительскую деятельность, разработав, в частности, букварь «Адыгэ алфаб». Параллельные идентичные структуры создавались также в различных регионах территории нынешней Турции. Благодаря деятельности указанных и других общественно-просветительских и культурно-массовых центров в диаспоре, не только не была предана забвению история, культура, литература черкесов, но, напротив, возникла качественно новая литература, освещающая исторические судьбы народа, борьбу горцев за независимость и свободу, способствующая сохранению адыгских этносов, а главное — проводящая идеи возвращения на историческую родину.

В 1884 г. русский путешественник А. Елисеев писал: «Черкесы все-таки сильно скучают по своей родине и вспоминают о родных горах. Эти дорогие воспоминания, связанные с Кавказом, вероятно, и были причиной того, что эти отчаянные джигиты и головорезы принимали скромного русского путешественника с таким почетом и радушием, что нельзя было не верить их искренности»⁵³.

Стремление переселенцев к изолированности объяснялось и тем, что османские власти привлекали иммигрантов к военной и административной службе. Из чеченцев в восточной части Сирии сформировали в Диярбакыре (ныне Турция) конный отряд из 1 тыс. человек под командованием Пуча. В задачи этого отряда входили сбор налогов, охрана больших дорог и борьба с непокорными правительству племенами.

Как правило, в военном отношении «черкесы» во многом превосходили арабов. Это принимала во внимание и французская администрация, привлекая кавказцев к военной службе. Около 800—1000 из них вошли в специальный полк, сформированный в Сирии из различных религиозных и этнических групп. По воспоминаниям быв-

ших солдат этого полка, главной его задачей было подавление партизанского движения. Первым командиром полка стал Осман Абей.

Однако многие кавказцы, служившие в этом полку, перешли на сторону повстанцев, понимая справедливость борьбы сирийского народа. Закария ад-Дагестани, занимавший в то время пост заместителя начальника тюрьмы в Дамаске, освободил четырех руководителей сирийского восстания (1925—1927) и бежал с ними в оазис Гута, где находился центр сопротивления французским колониальным властям. Он долгое время был с повстанцами, оставив свою семью на произвол судьбы. О Закарии ад-Дагестани много писали и говорили⁵⁴.

Другой кавказец, полковник французской армии Садик-бей тайно помогал повстанцам, сообщая им о планах войск, брошенных на их подавление.

В массе своей кавказские переселенцы поняли справедливость борьбы сирийского народа за независимость и принимали участие в ней. Однако французские офицеры всячески старались приблизить к себе представителей северокавказской знати и старшин. После подавления восстания французские власти стали увеличивать численность «специальных войск», пополнив «черкесский полк семью новыми эскадронами»⁵⁵. На место погибшего в бою Османа Абея был назначен один из офицеров полка, дворянин Тауфик Анзор.

В период французского правления группа северокавказской интеллигенции во главе с Амином Самкугом⁵⁶ развернула борьбу за предоставление «черкесам» Лигой Наций статуса национального меньшинства и создание автономии в округе Эль-Кунейтра. Они стали добиваться выделения им места в сирийском парламенте, признания за собственно черкесским (адыгейским. — *Ф.Б.*) языком официального статуса в округе Эль-Кунейтра; разрешения открывать национальные школы, издавать свои журналы и т.д. Эти требования были переданы французской администрации, но она, не желая решать их на месте, переправила прошение в Лигу Наций⁵⁷. На 11-й сессии Мандатной комиссии Лиги Наций (июнь—июль 1927 г.) было заявлено, что «создание черкесского национального центра лишено всякого основания»⁵⁸.

Лишь в 1933 г. на 23-й сессии Мандатной комиссии была признана справедливость требований черкесов, относительно сохранения родного языка и открытия национальных школ; что касается политических требований по созданию автономии, то они были отвергнуты⁵⁹.

Амин Самкуг стал членом парламента Сирии, где работал в сфере культуры и образования. В 1933 г. его стараниями при Черкесском обществе содействия просвещению и культуре была открыта десятилетняя школа в Эль-Кунейтре.

Среди северокавказцев Сирии существовала крупная проарабская группировка, возглавляемая А. Багом и Дгужом, которые были тесно

связаны с националистическими партиями «Хизб аш-Шааб» и «Хизб ал-Кауми ас-Сури». Они были против автономии черкесов, ссылаясь на общность религии с арабами, и настаивали на необходимости вести совместную борьбу против французского мандатного режима.

Противоречия между сторонниками Самкуга и проарабской группировки привели к вооруженному столкновению (9 сентября 1936 г.) между двумя черкесскими молодежными группировками⁶⁰, что послужило поводом к упразднению Черкесского общества содействия просвещению и культуре, а сам Амин Самкуг был снят с поста председателя муниципального совета Эль-Кунейтры.

Амин Самкуг и его группа образовали организацию «Джелан», которая ставила перед собой задачу способствовать возвращению черкесов на Кавказ. Деятельность этой организации закончилась провалом.

Следуя примеру Черкесского общества содействия просвещению и культуре, другие северокавказцы, проживавшие в округах Хама и Хомс, обратились в 1938 г. в парламент Сирии с таким же требованием о предоставлении права на создание автономии, выделении мест в парламенте, открытии национальных школ и т.д. Однако на заседании 34-й сессии Мандатной комиссии Лиги Наций (11 июля 1938 г.) из 11 пунктов требований были одобрены только касающиеся изучения родного языка⁶¹.

После окончания второй мировой войны в мае 1945 г. в Сирии снова поднялось национально-освободительное движение, в котором активное участие принимали и «черкесы». Был образован конный отряд под руководством Исхана Шурдума, «который близ Джизры атаковал французский отряд, творивший насилия над жителями города. Потери французов составили 14 человек убитыми и 30 ранеными»⁶².

13 мая 1945 г. в Идлибе черкесские кавалеристы напали на жандармов, которые стреляли по демонстрантам, пытавшимся заменить в городе французские флаги на национальные флаги Сирии⁶³.

17 апреля 1946 г. последний французский солдат покинул сирийскую землю, и Сирия стала независимой.

В истории сирийских северокавказцев начался новый этап.

В армии независимой Сирии всегда служили «черкесы». Они принимали участие и в первой арабо-израильской войне в мае 1948 г. Когда сирийское командование направило против Израиля бригаду (1900 солдат и офицеров), оно решило увеличить численность «черкесского» кавалерийского эскадрона и обратилось с соответствующей просьбой к лидерам общины. Комплектование нового отряда возложили на Исхана Шурдума и бывшего офицера специальных войск Джавада Анзора.

Был сформирован отряд в 300 человек под командованием Джавада Анзора, который принял участие в сражениях и показал высо-

кую боеготовность. Отряд понес большие потери — погибло около 70 солдат и офицеров, в том числе и сам командир⁶⁴.

В последующие годы северокавказцы, как и другие этнические и религиозные меньшинства в Сирии, привлекались к службе в сирийской армии. В 1965 г., например, они составляли две трети рядового состава и большую часть офицерского корпуса⁶⁵.

* * *

Судьба переселенцев с Северного Кавказа на территории современной Иордании практически ничем не отличалась от судьбы их соплеменников в Сирии. Они так же подвергались нападениям кочевых племен, так же терпели невзгоды и страдания, хотя на новых местах жительства они обустроивались под наблюдением правительственной комиссии.

В Трансиордании и Сирии северокавказцы селились одновременно, и, как уже было сказано, османское правительство при этом преследовало свои цели.

1868 год. Около 700 черкесов-шапсугов поселились в Заиорданье на месте развалин древнеримского города Аммон (совр. Амман). Не успев освоиться на новом месте и не имея самых необходимых средств к существованию, они подверглись нападениям бедуинов. Многие переселенцы погибли, большая же их часть покинула Амман⁶⁷. Лоренс Олифант, посетивший Амман в 1880 г., застал там всего 150 черкесов⁶⁸.

1880 год. В местечке Вади-эс-Сир, недалеко от Аммана, было поселено 25 «черкесских» семей, переселившихся туда из Болгарии⁶⁹.

1885 год. Очередная группа иммигрантов из Кабарды прибыла в Заиорданье, их расселили в местности Джарраш среди развалин древнеримского города⁷⁰ (50 км севернее Аммана). Это место выбрали специально, чтобы создать пост для борьбы с племенем бани-хасан, часто совершавшим нападения на населенные пункты. В Аммане поселили и группу «черкесов», прибывших из Мерсина в 1892 г.⁷¹

В конце 90-х годов османские власти направляли прибывших в Сирию северокавказских эмигрантов преимущественно в Амманский округ с целью использовать их на строительстве Хиджазской железной дороги, которая должна была пересечь Заиорданье.

Для перевозки переселенцев из Сирии в Иорданию были мобилизованы в Хауране все верблюды, мулы, ослы и все повозки. 24—25 декабря 1901 г. в Дамаск прибыли 823 кабардинца. Местные власти планировали поселить их также в Заиорданье в окрестностях Зарки⁷², куда ранее были направлены на жительство и обосновались чеченцы.

С первых же дней на новом месте у кавказцев с кочевниками из-за пастбищ начались распри, которые часто перерастали в настоящие войны. Из переселенцев был сформирован кавалерийский

эскадрон (300 человек), который взял на себя охрану Хиджазской железной дороги. Эскадрон был брошен на подавление восстания в округе Карак в 1910 г., когда власти призвали местных жителей на обязательную службу в османскую армию. Этот эскадрон принимал также активное участие в друзско-кавказском конфликте в Сирии. Еще до окончания конфликта «черкесы» передали часть оружия своим землякам в Сирии, что вызвало недовольство Хосров-паши (начальника полиции Сирии), так как османское правительство не было об этом осведомлено. Хосров-паша дал указание командиру эскадрона Мирзапаше вернуться в Иорданию со своими людьми. В июне 1904 г. недалеко от Аммана очередной спор из-за пастбищ привел к кровопролитному сражению между черкесами и племенем хуршан. Для прекращения военных действий из Дамаска в Амман власти направили три кавалерийских эскадрона, пехоту и отряд верблюжьей кавалерии⁷³.

В апреле 1907 г. в Сальтском округе Заиордания снова произошло вооруженное столкновение между бедуинами и «черкесами». Кочевники, требовавшие от чужаков покинуть земли, заселенные ими в 1906 г., загнали свои стада на «черкесские поля»; в ответ на это конные отряды переселенцев атаковали бедуинов. Кавказцы применили традиционную тактику борьбы с кочевниками — имитацию бегства. Преследуя «отступающего» противника, бедуины ворвались в деревню, где оказались в засаде и были разбиты, потеряв 27 человек⁷⁴.

Кровопролитное столкновение между «черкесами и племенем балкавия» было отмечено осенью 1910 г. Поводом послужило избиение бедуинами одного «черкеса». При схватке кавказец пытался отнять ружье у бедуина, но был ранен, после чего бедуины напали на работавших в поле кавказцев и захватили двоих детей. Узнав об этом, все мужское население Аммана выступило и окружило стоянку кочевников. В перестрелке погибло несколько человек с обеих сторон. При посредничестве шейха племени бани-сахр, ранее заключившего договор с северокавказцами о взаимопомощи, бедуины согласились вернуть детей. Вскоре между старшинами Аммана и шейхами племени балкавия было заключено мирное соглашение⁷⁵. Это столкновение кавказцы называли «Балкави зава» («Балкавская война»).

Не только кочевники-бедуины встречали кавказцев с оружием в руках, но и феллахи. В 1882 г. произошло столкновение между кавказцами селения Джараш и феллахами близлежавшего селения Суф, которые считали своими земли, отданные администрацией иммигрантам.

Сначала феллахи пытались возратить свои участки, подав жалобу дамасскому вали, однако получили отказ. Тогда они решили вернуть земли силой оружия.

Бои между феллахами и переселенцами шли в течение трех месяцев и завершились поражением феллахов⁷⁶.

Некоторые кавказцы занимали высокие посты в местной администрации. Особенно роль их стала заметна после прихода к власти Хашимитов — в подвластной им Трансиордании северокавказцы были представлены в парламенте и министерствах.

Переселенцы в Заиорданье развивали свое хозяйство, многие из них ездили в Турцию за лошадьми, коровами и буйволами и использовали их в сельском хозяйстве, развивали скотоводство.

Выходцы с Кавказа применяли свои традиционные орудия труда для обработки земли, развития ремесел. Они сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу, бахчевые, горох, чечевицу и другие культуры, в большом количестве производили молоко, сыр, масло. Почти каждое хозяйство держало ульи (пчеловодство ранее было незнакомо местным жителям).

Русский путешественник-археолог Н. Конданов, побывавший в Заиорданье в 1891—1892 гг., так охарактеризовал Амман: «...Большой кабардинский аул, поражающий своим хозяйственным видом и достатком после туземских бедуинских кочевников»⁷⁷.

Наиболее крупными поселениями северокавказцев в Заиорданье были Амман и Джараш. Они развивались как административные и торгово-промышленные центры, которые со временем превратились в города. Амман и поныне остается центром северокавказцев в современной Иордании. В 80-х годах XIX в. в Аммане разместились окружная администрация во главе с каймакамом (начальником округа), там же дислоцировался и «черкесский» полицейский эскадрон. В XX в. Амман стал интенсивно развиваться, в 1912 г. его население составляло 1500 человек.

Северокавказцы принимали активное участие в защите Транс-Иордании. Во время первой мировой войны они сражались в составе турецких вооруженных сил против наступавшей от Суэца британской армии⁷⁸. Многие из них погибли в сражениях с английскими войсками под командованием генерала Алленби, захватившими Эс-Сальт, Тур, а затем и Амман. Несколько часов сражались «черкесы» с англичанами в районе Вади-эс-Сир, в результате чего было много погибших с обеих сторон. В этом бою было взято в плен несколько влиятельных «черкесов». Освободили их только после подписания договора о мандате.

После ухода османской армии из Иордании был ликвидирован и черкесский эскадрон. Его командир Мирза-паша прибыл в Стамбул с отступившей османской армией.

После установления английского правления в Заиорданье в Аммане обосновалось много арабов из других городов Сирии и Палестины. Однако «черкесы» продолжали вести обособленный от местного населения образ жизни, у них всегда присутствовал дух взаимовыручки и сплоченности. «Они помогали друг другу, — пишет иорданский

историк, кавказец по происхождению, М. Хагандока, — в строительстве жилых помещений, в обработке полей, в боях с соседними народами»⁷⁹.

В 1923 г. с приходом к власти эмира Абдуллы ибн Хусейна⁸⁰ и обоснованием его в местности Эль-Макарр сразу вспыхнуло восстание под руководством одного из вождей кочевых племен Султан-паши аль-Удвана. Обстановка потребовала вновь сформировать черкесский эскадрон под предводительством самого Мирза-паши, который вернулся для этого из Стамбула. «Черкесы» взяли на себя защиту и охрану эмира Абдуллы.

Перед эмиром встала задача ликвидации мелких ханств на севере страны. В этих планах «черкесскому эскадрону» была отведена важная роль, что имело большое значение для дальнейшей жизни северокавказской общины в Иордании.

С первого дня существования Иорданского Хашимитского Королевства «черкесы» занимали видные посты в правительстве. Например, после смерти лидера северокавказцев Мирза-паши, во главе их встал Сайд аль-Муфти, в 50-х годах занимавший пост премьер-министра.

Первым в Иордании начальником полиции был кавказец Омар Хекмет (в 1923 г.). В конце 40-х годов министром внутренних дел был «черкес» Аббас-Мирза. До сих пор многие «черкесы» занимают высокие посты в правительстве.

Обосновавшиеся в Иордании выходцы с Северного Кавказа, как и в других странах, стремились сохранить любовь к исторической Родине, свои национальные особенности, обычаи, языки, танцы, костюмы. В этом им большую помощь оказывало Черкесское благотворительное общество. Оно было создано 25 октября 1932 г. Учредительное собрание проводилось в доме уважаемого «черкеса» Хаджи Исхака Ламбза. Присутствовало 24 человека, 9 из которых были избраны в исполнительный комитет, председателем стал Закария Бакир Хорма, его заместителями — Мухудин Асаад Хаил Хамдух и хозяин дома Хаджи Исхак Ламбз.

Председатель Черкесского благотворительного общества Закария Бакир Хорма родился в г. Аммане в 1896 г., до 1908 г. учился в османской школе в Турции, затем поступил в университет Аль-Азхар в Каире. В 1918 г. закончил университет и с 1920 г. был назначен советником Шариатской консультации в правительстве восточной Иордании, затем занимал различные посты в высшем комитете вакфов.

На первом учредительном собрании были сформированы следующие цели и задачи Черкесского благотворительного общества:

1. Проводить благотворительные акции.

2. Проводить различные мероприятия, вечера дружбы для сплочения «черкесов».

3. Заботиться о моральном и физическом воспитании молодежи.
4. Крепить дружбу и взаимопомощь между всеми членами Благотворительного общества в Иордании.

Исполнительный комитет собирался два раза в неделю. На заседании, проведенном 28 октября 1932 г., было принято решение активнее вовлекать новых членов в ряды общества. Для этого был составлен текст обращения к черкесам следующего содержания:

«...Дорогой друг! В городе Аммане образовалось Черкесское благотворительное общество, преследующее благотворительные, социальные, культурные и спортивные цели. Мы считаем долгом каждого кавказца принимать активное участие в делах общества, помогать ему в исполнении указанных гуманитарных задач.

Мы призываем Вас стать членом нашего общества, чтобы быть ближе к своему землякам, крепить дружбу и взаимопомощь между нами.

Для того, чтобы всем дать возможность стать членами нашего общества, мы решили установить минимальный ежемесячный денежный взнос. При желании взносы принимаются за год и больше вперед».

Черкесское благотворительное общество постоянно поощряло активистов, которые привлекали новых членов в его ряды и участвовали в его деятельности.

Например, 10% средств, собранных в фонд Черкесского благотворительного общества в виде ли взносов или пожертвований, отдавались человеку, принесшему эту сумму.

В 1936 г. Черкесское благотворительное общество стало арендовать помещение для своих нужд, а уже в марте 1937 г. большинством членов Общества было принято решение о строительстве собственного здания.

Земля для этой цели была выделена безвозмездно жителями района «Мухаджири» («эмигрантов»), а строителем был Ахмед Лулу Аш-Шами, который выиграл проводимый аукцион на подряд в апреле 1937 г., предложив 190 женех (палестинских фунтов стерлингов).

Черкесское благотворительное общество с 1937 г. освободилось от уплаты аренды, так как помещение было отдано в вакф (имущественный дар) от некоего Махмуда Хажалока, одинокого кавказца, потерявшего своих близких во время переселения и обосновавшегося в г. Аммане на ул. Аль-Битра.

В августе 1940 г. строительство помещения Черкесского благотворительного общества завершилось, и 26 сентября 1940 г. состоялось торжественное открытие здания в присутствии эмира Иордании Абдуллы ибн Хусейна и ряда ответственных лиц государства.

Говоря об истории Черкесского благотворительного общества, прежде всего нельзя не отметить, что оно очень быстро развивалось благодаря открытому участию всех мухаджиров, независимо от социальной или национальной принадлежности. На первом учредительном собрании присутствовали 25 человек, через год число членов возросло до 164.

22 ноября 1935 г. председателем Общества был избран историк д-р Шавкат аль-Муфти Хабажока, который занимал этот пост до 12 ноября 1943 г. и затем — с 29 октября 1953 по 31 мая 1956 г. Шавкат Хабажока родился в 1905 г. в Аммане, получил начальное образование сначала в Аммане, затем учился в Дамаске в школе Аль-Султанния. В 1922 г. уехал в Европу, где поступил в медицинский институт в Берлине (Германия), в 1932 г. вернулся в Иорданию и был назначен заместителем министра здравоохранения. В 1963 г. стал послом Иордании в Турции.

Черкесское благотворительное общество действует и сегодня, насчитывая более 3000 членов. Имеет отделения в городах проживания северокавказцев. Членами общества стали все выходцы из Северного Кавказа, однако, из-за некоторых разногласий произошел раздел. Чеченцы Иордании создали свое благотворительное общество, цели и задачи которого, впрочем, ничем не отличаются от Черкесского.

В 1948 г. в Иорданию приехала последняя группа кавказских переселенцев. Это были бывшие граждане СССР, которые после немецкой оккупации Северного Кавказа в годы второй мировой войны очутились по разным причинам в Германии. После окончания войны, согласно Крымской декларации, принятой руководителями СССР, США и Англии на встрече в Ялте (4—12 февраля 1945 г.), эти люди подлежали депортации в СССР. Часть их попала в Италию под покровительство Папы римского, который отказался вернуть их в СССР, и они оставались там три года, а в 1948 г. кавказцы отправили в Иорданию своего представителя Абдул-Керима Шуа-бзока, он встретился уже с королем Абдуллой, который всем им предоставил иорданское гражданство. Правительство Иордании взяло на себя все расходы, связанные с переселением «черкесов» из Рима в Амман. Вскоре в Амман прибыла первая группа «черкесов» (это были черкесы-бжедуги) — всего 38 человек⁸¹.

С той же целью прибыл в Иорданию представитель еще одной группы из Рима Джанжри Хабажока и попросил разрешение на переселение 86 кабардинцев⁸².

Эти новые переселенцы столкнулись со многими трудностями и, не сумев их выдержать, обратились за помощью в «Толстовский фонд», который помог им эмигрировать в США, где они и проживают по сей день в г. Паттерсоне.

В настоящее время немало «черкесских» переселенцев в Израиле. Они оказались там после образования этого государства в 1948 г. Их в Израиле без малого 3 тысячи. Это жители двух селений — Кфар-Кама (адыги называют его «Куфыр-Камэ») и Рихания (Рихьяны), — находящихся друг от друга на расстоянии 65—70 км. Первое расположено в 120 км к северо-востоку от Тель-Авива и в 20—25 км от Тивая-

риадского озера (Тэбэрых), второе — к северу от Кфар-Камы по направлению к ливанской границе.

В Кфар-Каме проживает 2200 человек, в основном шапсуги, несколько семей абадзехов, хатукайцев и бжедугов. Есть и натухайцы, которые, как и повсеместно, осознают и называют себя внутри этноса шапсугами.

Во втором селении — около 800 человек, в основном абадзехи. Из других этнических групп здесь составляют большинство шапсуги.

Некоторые семьи адыгов живут в городах Цеват, Хайфа, Табария и других. В адыгских селениях есть и представители других народов, главным образом арабы (более 100 человек, например, — в Рихании), а также несколько семей турок, татар, боснийцев — всех их также называют «черкесами». Предки шапсугов Израиля, судя по рассказам старшего поколения, жили на реках Афипис, Убин, Иль, Анапка (Быгур). По окончании Кавказской войны и вынужденного переселения они были сосланы в Салоники (Греция), а в 1876 г. султанская Турция вновь переселила их, в нынешние места, которые вошли в состав образованного в 1948 г. государства Израиль.

Проживание немногочисленной общины израильских адыгов в изоляции от основной массы своих соплеменников-иммигрантов в определенной этнической, религиозной, политической и языковой среде наложило свой отпечаток на их культуру и быт: сформировалось определенное сообщество людей, с некоторыми более или менее устойчивыми чертами поведения в обществе и быту, формами и методами поддержания национальных обычаев и традиций, которое условно можно было бы считать субэтнической группой. Это позволяет нам, с точки зрения этнологии и языкознания, ставить задачу научного изучения этнических особенностей и языка израильских адыгов.

Все адыги, живущие в Израиле, считают и называют себя, говоря на родном языке, *адыгэ*, другим народам представляются черкесами. Однако и на родном языке они часто употребляют этноним *черкес*. Многих исследователей-иностранцев удивляет, когда они узнают, что чеченцы, осетины, карачаевцы, абхазы, абазины и другие северокавказские иммигранты — не черкесы, особенно, когда речь идет о последних двух народах. Абхазов, как и шапсугов, здесь называют *адыгэ*. Их и абазинцев, объединяя этнонимом *абадзэ*, ставят в ряд адыгских этнических групп (племен) — шапсугов, бжедугов, кабардинцев, абадзехов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трагичным и губительным было массовое переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю. Оно резко изменило демографическую карту Северного Кавказа, сказалось и на социально-экономическом развитии всего региона, разрушив его традиционную специфику и способствуя его колонизации русским населением (главным образом казаками).

Эмигрировало более 80% населения Северо-Западного Кавказа, что повлекло за собой исчезновение с лица земли целых этнических групп со своим культурным и языковым богатством, например, убухов.

Османские власти охотно принимали переселенцев, они спровоцировали переселение, чтобы извлечь из этого, как говорилось выше, ряд военно-политических и экономических выгод. Переселенцы стали для султанского правительства военной опорой в укреплении позиций центральной власти на Балканах и на Арабском Востоке.

Одной из главных целей побуждения горцев к эмиграции в Турцию была подготовка к очередной войне с Россией, которая вспыхнула в 1877 г. и в которой черкесские переселенцы были широко использованы. Турция потерпела поражение в этой войне, а северокавказским эмигрантам пришлось испытать еще одно трагическое перемещение, на этот раз уже в пределах Османской империи. Но в первый период эмиграции на северокавказцев возлагалось бремя борьбы против исконного врага — России, на этот же раз в Османской империи на долю «черкесских» переселенцев выпала неблагоприятная роль карателей славянских и арабских народов, боровшихся за национальное освобождение.

Многие переселенцы погибли от суровых условий жизни, тем не менее иммиграция «черкесов» на Ближний Восток продолжалась, хотя и в меньшей степени, вплоть до окончания второй мировой войны.

При изучении вопросов социально-политического положения северокавказских эмигрантов в странах Ближнего Востока на протяжении указанного периода прослеживаются некоторые закономерно-

сти. Относительно небольшое число эмигрантов, находившихся в окружении коренного населения, воспринимавшего их преимущественно враждебно, вело борьбу за выживание. Поэтому в странах, где они проживали, переселенцы с Кавказа искали пути сближения с местными правящими кругами, которые их ценили главным образом как потомственных храбрых воинов. В то же время, обосновавшись в Турции и других странах, черкесы оказались одной из самых трудолюбивых частей сельского населения и принесли этим странам много пользы. В массе своей эмигранты стали заниматься земледелием и скотоводством, пользуясь только плодами своего труда. Представители феодальной знати служили при султанском дворе, в административных, военных, полицейских учреждениях. Но многие кавказские переселенцы участвовали в демократических движениях, в частности, были соратниками Мустафы Кемаля — основателя Турецкой республики.

Когда турецкое правительство, а также английские и французские колониальные власти отводили «черкесам» роль жандармов, это отчасти устраивало эмигрантскую знать, которая, как правило, поддерживала правящие круги в странах проживания. Но в среде переселенцев со временем проявилась и противоположная тенденция. Ее носителями стали представители северокавказской интеллигенции, сочувствующие устремлениям демократических слоев турецкого и арабского народов. Многие «черкесы», стоявшие на этих позициях, перешли на сторону национально-освободительного движения, самоотверженно его поддерживали, и немало их отдало жизнь, отстаивая интересы своей новой родины. К сожалению, сохранившиеся документы касаются в основном действий представителей верхнего слоя и старшин эмигрантских общин, а подлинная история участия переселенцев в борьбе за идеалы свободы на их новой родине осталась лишь в воспоминаниях пожилых членов общины.

В период французского мандата «черкесы» в Сирии четко разделились на две партии — профранцузскую и проарабскую. В начале колонизации первая была сильнее, но на последующих этапах вторая стала постепенно набирать силы, и при освобождении Сирии от французов почти все северокавказцы уже поддерживали проарабскую партию, которая искала пути сближения с национально-патриотическими силами. Этой позиции они придерживались и в войне с Израилем в 1948—1949 гг. и во внутриполитических смутах.

В Заиорданье (в 1921 — 1946 гг. — подмандатный эмират Трансиордания) северокавказские переселенцы и до образования независимого Иорданского Хашимитского Королевства всегда были лояльны властям — сначала османскому правительству, затем британской администрации, которые использовали их в своекорыстных целях. С образованием же королевства положение переселенцев заметно улучшилось. «Черкесская гвардия» стала верной опорой

короля, который держит ее около себя и поныне. В Иордании северокавказские эмигранты основали многие поселки, которые в дальнейшем превратились в города.

Выходцы с Северного Кавказа перенесли с собой в новые края свои методы обработки земли, свои традиционные ремесла, но с учетом иных климатических условий отчасти изменили технологии земледелия и скотоводства. Мастера делали для местного населения огнестрельное оружие, а изготовление уникального по качествам холодного оружия продолжалось вплоть до 50-х годов XX в.; ювелиры обогатили свое мастерство местными узорами, особенно по части обработки серебра.

Социальная структура переселенцев вплоть до первой половины XX в. существенно не изменилась. Каждая из перебравшихся на чужбину этнических групп сохранила свой язык, культуру, обычаи. Существенно изменилась лишь одежда — по двум причинам: во-первых, в новом климате не годился традиционный горский костюм, и во-вторых, было утрачено мастерство по его пошиву.

Желание мухаджиров вернуться на историческую родину не затухает и поныне. Кроме того, северокавказские переселенцы из различных этносов на чужбине сблизались друг с другом, стерлись узкие национальные различия между адыгами, чеченцами, дагестанцами, осетинами, абхазцами и другими народами как в Турции, так и в арабских странах. А со второй половины XX в. происходит быстрый процесс ассимиляции северокавказских переселенцев с местными коренными этносами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Феномен «черкесской» литературы, создаваемой на чужбине, никогда специально не исследовался. Между тем, это — вполне сложившаяся литературная школа со своеобразным видением истории и мира, обусловленным особенностями образа жизни эмигрантов.

Эта литература зародилась и развивалась на не родных для авторов языках — турецком, арабском и затем английском. Она оказалась в положении духовного и культурного изгоя, от которого не избавилась до сих пор. Но история и содержание литературного творчества северокавказских эмигрантов в Турции, Сирии и Иордании требует особого исследования. Поэтому мы ограничимся здесь лишь рассмотрением вопроса о периодической печати диаспоры в названных странах, т.е. об истоках этой литературы.

Благодаря «Конституции Мидхата» (1876 г.), которая гарантировала народу некоторые гражданские права, разрешала создавать общества, союзы и учреждать органы печати, и была основана в начале XX в. первая северокавказская газета (на кабардинском языке) «Гъуазэ». Разные авторы передают ее название по-разному. Заур Налоев в своей книге о просветителе Нури Цагове называет газету «Вожатый»¹, другой исследователь жизни и деятельности Н.Цагова — Х. В. Кауфов — именует ее «Маяком»². Но есть мнение, что «Гъуазэ» следует переводить как «Искра».

Этот орган печати выходил благодаря усилиям существовавшего тогда в Стамбуле Черкесского благотворительного общества, которое несколько позже возглавил генерал Юсеф Иззет-паша, автор много-томных трудов по истории Кавказа. Иззет-паша и другие энтузиасты обеспечивали материальную сторону дела. Но нужен был еще и чело-

век, который взял бы на себя ответственность целенаправленно вести газету и мог бы отдавать ей много времени. И такой человек нашелся. Главным редактором газеты стал Нури Цагов, выходец из села Баксан в Адыгее. Некоторые турецкие исследователи называют его «идеологом черкесского национального движения».

Вскоре его избрали депутатом меджлиса, а в первом правительстве Мустафы Кемалия он исполнял обязанности министра общественных работ. В то время, когда была основана газета «Гъуазэ», Н. Цагов был студентом Османского университета в Стамбуле. Мы имеем возможность ознакомиться с документами, относящимися к этому времени и хранящимися в личном архиве его дочери Тамары Нуриевны. Это, например, диплом ее отца об окончании этого университета (юридический факультет) с отличием, другие данные о нем: место рождения — Кунейтра (городок на Голанских высотах, где до израильской оккупации 1967 г. проживали переселенцы с Кавказа. — *Ф.Б.*); отец — крестьянин кабардинского происхождения, родом из Баксана. Эмигрировал (второй поток, конец XIX в.) со своей семьей в Турцию.

Так, Нури Цагов становится в 1911 г. секретарем, а затем и редактором «Гъуазэ». Газета выходила два-три раза в месяц форматом, чуть больше нынешних районных газет на восьми полосах. В ней были также полосы на турецком и арабском языках, поэтому газета распространялась среди широкого круга читателей. Часть тиража уходила и на родину предков.

С апреля 1911 по октябрь 1912 г. вышло всего 44 номера. Последний — 45-й был выпущен в 1914 г. На этом и прекратила свое существование газета «Гъуазэ» в Турции.

Главной задачей этого первого органа печати северокавказцев было сплочение всех соотечественников независимо от места их проживания. Прежде всего газету волновала судьба мухаджиров. И, хотя нельзя было при существовавших условиях открыто требовать предоставления гражданских прав и свобод эмигрантам, — тем не менее уже в одном из первых своих номеров «Гъуазэ» опубликовала статью молодого еще Нури Цагова «Не пора ли опомниться?»

В этой статье, написанной на турецком языке, автор дает картину тяжелейшей жизни адыгов в Турции. Он с болью говорит о том, что правительство, когда-то сулившее чуть ли не золотые горы «братьям по религии», ничего не делает и не собирается делать для них. Но для поддержания духа своих земляков он призывает их направить в парламент собственных представителей, которые выступали бы от имени народа за удовлетворение его нужд.

В статье «К адыгам на нашей родине» Н. Цагов обращается к соплеменникам, оставшимся на Кавказе, среди которых ведется пропаганда «прекрасной» жизни в Турции. Публицист с гневом пишет о

некоем Паго Жанокове, который собрал целую группу для агитации среди кавказских горцев за переселение в Турцию. «Жанокон видит смысл в своем переселении и он, конечно, волен делать то, что ему заблагорассудится, — пишет Н. Цагов, — но, преследуя личную выгоду, Жанокон решил погубить большое количество людей родного племени. Жанокон, видимо, меня не слушается... Но я хотел бы обратиться к тем, кто вместе с ним собирается в путь, и предостеречь их от заблуждения. За такую пропаганду Жанокону обещана награда — дом в центре Дамаска, бесплатное обучение в Стамбуле двух его сыновей»³.

Стремясь предостеречь горцев от легковерия, Н. Цагов жестко перечисляет невзгоды, которые на самом деле ждут переселенцев: «Здесь вы найдете голод, несправедливость и жестокость... Многие ныне здесь живущие черкесы стремятся вернуться на родину. Здесь нет даже таких отношений (с местным населением. — *Ф.Б.*), которые поддерживали с нами русские. Из двух зол выбирают одно, то, которое гуманнее...» Эта тема повторяется, переходит из одной статьи Н. Цагова в другую. В одном из последних номеров газеты читаем: «Не давайте обмануть себя Жанокону, сорвите с него маску и вы увидите истинное лицо сатаны. Он козыряет перед вами тем, что дамаский наместник дал ему твердое слово разместить на сирийских землях тысячи семей. Это, видимо, правда. Наместник мог бы назвать и цифру побольше, — горько иронизирует автор, — ведь ему терять нечего, а переселенцам, покинувшим цветущие плодородные земли предков, придется осваивать веками заброшенные, ни к чему не пригодные земли... А главное, из тысячи семей можно сколотить боеспособный военный отряд, с помощью которого он надеется удержать в послушании арабов, уже выходящих из его повиновения». Н. Цагов пишет далее, что этому уже есть прекрасный пример: «В годы национально-освободительной войны в Османской империи большей частью победы (правительства. — *Б.Ф.*) одержаны черкесскими войсками».

Публицист призывает народ не повторять горькую ошибку своих некогда подавшихся на чужбину соплеменников, не верить жестокому обману. «Пошлите хотя бы представителей на земли, о которых идет речь, потом выслушайте, что они скажут. Спросите совета у двух бывших переселенцев, недавно возвратившихся в Кабарду». В одном из номеров Н. Цагов обращается к читателям: «Если человек хоть когда-нибудь задумается над тем, от кого он происходит, то он без труда обнаружит, что нет на свете ничего более прекрасного, более достойного любви и почитания, чем народ, который породил его; он без труда заметит, как незавидно идут дела у того, кто оказался среди чужаков. Особенно пагубно, когда вожди тех, среди которых ты вынужден находиться, не знают хороших законов, плохо ладят друг с другом и, кроме собственных выгод, не помышляют ни о чьем благе.

История рассказывает нам обо всем, что было на земле, о смене поколений, о судьбе каждого из них. Внимательно проследив за всем этим, легко сделать вывод, что жизнь не вечно будет такой, какая есть она сейчас, рано или поздно она должна стать другой...

Если мы не найдем способ изменить пагубный путь, по которому следуем сейчас, то наша нация и все национальное погибнет...»

В «Гъуазэ» часто печатались литературные и фольклорные произведения. Здесь впервые стал публиковать свои стихи классик кабардинской поэзии Алий Шогенцуков. Его знаменитое стихотворение «Нанэ» («Мама») вызвало всеобщее восхищение.

В газете была специальная рубрика «Хэкужь хьыбархэр» («Вести с нашей прародины»). Под этой рубрикой очень часто появлялись присланные с Кавказа *гъыбзэ* (песня-плач). «В *гъыбзэ* оплакивали погибших героев, прославляя их, и осмеивали трусов. Их сочиняли уарадусы — это лирики, сочинители песен...»⁴ Жанр *гъыбзэ* допускает широкое разнообразие. Существует женская *гъыбзэ*, мужская, обрядовая, любовная, и образцы каждого из них можно было встретить в «Гъуазэ». Их присылали из самых разных мест — с Кавказа (Кабарды, Адыгеи, Черкесии), из России, Сирии, Иордании, Франции...

«Гъуазэ» помещала информационные материалы, статьи, комментарии общественно-политических фактов и событий. В одном из номеров за 1912 год, например, было опубликовано письмо известного кабардинского просветителя Мажида Фанзиева: «Необходимо на родине открыть школы для детей. Средства для этого нужно взять из *сэджи* (определенная доля доходов правоверных, идущая на благотворительность. — Ф.Б.), который, как правило, идет в карманы эфенди. Иначе дети наши тоже окажутся безграмотными...»

«Гъуазэ» очень волновали взаимоотношения русских и оставшихся на родине черкесов. Поэтому с особым вниманием она публиковала статьи-письма такого содержания: «Русские люди — тоже не язычники, а имеют такую же единобожную веру, что и мы. А наши богословы доказывают, что нельзя есть их пищу, жениться на их дочерях. И это мешает направлению наших молодых людей в учебные заведения России, и мы продолжаем пребывать в состоянии невежества»⁵.

Часто сравнивается статус адыгов в Турции с их положением на Родине. И всякий раз сравнение оказывается не в пользу Турции. В статьях Н. Цагова нередко проводится мысль, что законы России (касающиеся земельной собственности, воинской повинности и др.) благоприятны процветанию адыгов. В некоторых аулах на Кубани работают школы, в других — есть намерение их открыть.

Давались краткие информационные сообщения в одном-двух предложениях. Например: «Нас очень обрадовало известие, что в ауле Агуей, расположенном около Туапсе, открылась школа для обучения на адыгейском языке»⁶. Или такое любопытное сообщение: «Житель стани-

цы Глубокой на нашей прародине Хабиб прислал нам четыре рубля русских денег с просьбой оформить ему годовую подписку на «Гъуазэ». Кроме того, он прислал еще один рубль в фонд адыгской школы, которую мы собираемся открыть в Стамбуле». Или: «Четыре человека из аула Панехес на прародине выписывают нашу "Гъуазэ". Это Тухов Тох, Хажаслан Карабатыров, дочь Хаджи Тлетцжач Сожа и дочь Болотовых Хадиджа».

«Гъуазэ» была также своего рода учебником. Здесь публиковались алфавит, словари, даже научные труды. Газета, например, опубликовала «Состав адыгейского языка» Якимфа Тугана прежде, чем этот труд был издан отдельной книгой в Стамбуле (1916 г.).

В газете печатались статьи ныне хорошо известных адыгам общественных деятелей (Цей Умар, Едыдж Хъейруллэ, Лхьшэ Тихир, Ажыгъуей Сулеман, Лицирой Шымсэдин, Тутуэриш Азиз, Жонотика Мэти). Последний издал большую и интересную книгу об адыгах, после того как она была частично опубликована в «Гъуазэ». Таким образом, газета становилась, можно сказать, стартовой площадкой для выхода в свет серьезных научных работ, касающихся адыгов.

Через четыре года после перерыва «Гъуазэ» снова стала выходить, изменены были лишь место издания ее и название: в начале января 1918 г. в маленьком городке Баксане, куда вскоре переехал редактор «Гъуазэ» Нури Цагов, появился первый номер газеты «Адыгэ макъ» («Голос адыга»).

Важнейшим периодическим изданием кавказской диаспоры стал журнал «Мусульманин», который увидел свет в Париже 15 июля 1908 г. на французском языке. Его выпускали интеллигентные черкесы, жившие во Франции⁷. Журнал предназначался в основном не для диаспоры, а для жителей Северного Кавказа, которые и оказывали изданию посильную финансовую помощь. На наш взгляд, главное направление журнала состояло в идее необходимости остановить переселенческое движение кавказцев в Турцию под девизом мусульманского единства. И в этом смысле журнал сыграл весьма положительную роль.

В первом же номере «Мусульманина» издатели заявили о своей цели: «Журнал не ставит никаких политических задач. Он стремится к приобщению братьев к искусству, техническим знаниям, научным открытиям. Журнал считает, что только это поможет улучшению жизни наших собратьев»⁸.

В этом же номере был опубликован состав редколлегии. Главным редактором стал черкес Магомет-бек-Хаджетлаше, корреспондентами были люди широких политических взглядов, такие как Давлет-Гирей Хетогор и др. Журнал выходил раз в две недели. В 1914 году издание прекратилось.

Давлет-Гирей Хетогор писал: «Положение переселенцев стало невыносимым. Куда пойдет бедный переселенец? Кто поможет ему? Для

примера возьмем любую деревню в Анатолии и посмотрим, как живут в ней бывшие горцы Кавказа под высоким покровительством мусульманских властей. Попечение о мухаджирах, о котором так красноречиво нам говорили турецкие эмиссары еще на родине, что их чуть ли не осыпают золотом, выражается в том, что им назначают из Стамбула таких господ, которые высасывают последние соки. Безотраднее картину трудно даже себе представить, но деревню, где живут черкесы, невозможно описать. Сказать по правде, это сборище нищих и голодных оборванцев, в доме нет ничего... Все мрачно и пустынно кругом. Кажется на первый взгляд, что все жители вымерли, и в деревне нет ни одной живой души... Да, нагромождение лачуг называется турецкой деревней, бродящие уныло фигуры — турецкими крестьянами, а бывшие некогда кавказские горцы — подданными султана. Они ждут приезда сборщика податей и не знают, чем заплатить ему». И далее автор обращается к своим сородичам, которые еще не успели покинуть Кавказ: «Могу сказать от глубины души своим землякам, чтобы они берегли родину и ни под каким предлогом не верили разным проходимцам, что в Турции рай. На самом деле там, за редким исключением, всех ждет нищета, позор и голодная смерть...»⁹

В 1910 г. Давлет-Гирей писал: «Некоторым... хотелось, чтобы я ржал от восторга и плясал бы при виде, как умирают наши мухаджеры с голоду и как безнадежно рвется домой... у меня много родственников и знакомых занимают теперь видное положение в новом правительстве, однако, несмотря на это, я буду говорить и повторять: остерегайтесь, дорогие единоверцы, переезжать в Турцию; за редким исключением там ждет вас холодная могила... и несчастны те, которые воображают, что в новой стране найдут правду...»¹⁰

Давлет-Гирей Хетогор в своих публикациях осуждает и клеймит позором политику мусульманской верхушки Турции. Он приводит разные доводы, чтобы как-то образумить кавказских мусульман, поддавшихся обещаниям турецких эмиссаров и призывает к компромиссному отношению к России.

«Я смею думать, что именно Турция и никто больше погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношении. Лицемерный и гнусный режим... Нет и нет, Турция нам не родная мать, а самая злая мачеха... Здесь начинается трагедия жизни... Когда-то, чтобы насолить гяурам, они сманивали черкесов Кубани, но прошло то время, и они им больше не нужны... Если Хамид был деспотом и при нем убивали все мыслящее и хорошее, то теперь фактически не убивают, а рушат всякое поползновение к самостоятельности, к инициативе... Мне писали с родины, что опять думают переселяться к нам. Мне не верится, и думаю я, что интеллигенция... обязана употребить все меры, чтобы удержать безумцев. Они совершают самоубийство, переселяясь к нам. Могилы для них готовы... Пусть, по крайней мере,

спросят тех, кто побывал в Турции, кто вернулся обратно. Если уж суждено умереть от каких бы то ни было причин, то лучше это сделать на родине, на земле своих отцов, чем в Турции, стране мрака... Довольно! Не приезжайте к нам. Живите себе на своей благословенной Богом родине и берегите ее. Нет на свете ничего лучше и краше Кавказа»¹¹.

В статье «Мухаджирский вопрос» автор пишет о себе:

«Вот уже более двадцати лет, как я живу в Турции... Я прекрасно знаю, как заботилось Оттоманское правительство при Хамиде, как заботится теперь младотурецкое о тех же мухаджирах, и ныне печально, вернее, стыдно за так называемых передовых людей, которые ради политических побуждений и личного удобства, ни перед чем не останавливаются... Я всеми силами буду упрашивать своих земляков не верить подобным статьям, в которых рассказываются сказки и всяческие небылицы, якобы существующие в единоверной стране. Это ложь, самая наглая ложь. Я могу не любить Россию по каким-либо причинам, но из-за личной обиды лгать не буду. Я говорил и говорю: берегитесь переселения в Турцию; и вновь повторяю: там ждут вас холод, голод и смерть. Я постараюсь фактическими данными убедить вас в справедливости моих уверений»¹².

К этой статье от редакции было дано следующее примечание:

«Из многочисленных кровавых страниц турецкой истории последнего времени едва ли не самая главная и кровавая — это история мухаджирства, и да будет она на совести тех лиц, которые волею или неволею способствовали гибели своих единоверцев...»¹³

У редактора журнала был свой взгляд на политику России. В одной из статей он писал: «Все мусульмане — братья. Но из-за классовой борьбы, которая идет в России, в хаос начинает вовлекаться и мусульманская молодежь. Если Россия готова к такой борьбе, то пусть она сама и борется. А мусульмане должны подождать...»¹⁴ По его словам, «Капитал» К. Маркса не может стать главной книгой, ведущей к истине. «Не берите с собой "Капитал" Маркса, а прислушайтесь к мысли, которая не разъединит, а, наоборот, объединит всех людей...»¹⁵

Внутри редакции по этому поводу были разногласия. Но черту под ними подвел своей статьей Ходжетлаше, подписавший ее аббревиатурой М.-Б.-Х. Автор писал: «Век пробуждения для мусульман только начался. И первый шаг они должны сделать в сторону просвещения. Лишь это выведет их из темноты, лишь это отдалит голод и бедность... другого пути нет... Давайте не будем друг друга пожирать... Не будем друг друга убивать...»

Тот же редактор Магомет-бек-Хаджетлаше основал газету «Мир мусульманина». Дату выхода первого номера установить пока не удалось. У этого издания, по словам Хакуашева, была цель оторвать мусульман от России¹⁶. Вряд ли, впрочем, такое мнение обоснованно. В

статье «О братстве» Ходжетлаше, например, писал: «Не забудьте, что Россия для всех — общая родина, и живущие в ней все должны быть братьями»¹⁷.

Журнал «Мусульманин» интересовался и жизнью во Франции, касаясь некоторых острых социально-политических вопросов того времени: «В свободной Франции женщина зависима. Она зависит не только от мужчины, но и от традиций народа. Женщина ничего не стоит, она товар, служанка, которая не может ничего решить самостоятельно»¹⁸.

Не обошел журнал вниманием и антиколониальную тему, обвиняя, например, империализм в несправедливости по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки¹⁹.

«Мусульманин» часто публиковал присланные из Кабарды письма известного ученого-фольклориста, автора учебника «Азбука кабардинского языка» Паго Тамбиева (1873—1928). По своей просветительской роли для кабардинцев П. Тамбиев стоит в одном ряду с издателем первой адыгейской газеты Н. Цаговым.

Эти письма представляют особый интерес, поскольку из них мы узнаем взгляды автора на некоторые злободневные вопросы национального быта. Как, например, по его мнению, должна жить черкешенка.

Письмо от 2 октября 1910 г.: «Ваш вопрос (о положении женщины. — *Ф.Б.*)... воодушевил меня и укрепил во мне веру, что мы в союзе с Вами можем служить не только себе, но и своим ближним! Я не только не буду препятствовать Вам работать для народа — напротив, я мечтал об этом в глубине души и думал постепенно направить Вас на этот путь... Я буду верным Вашим помощником в продвижении на избранном Вами поприще — быть полезным страждущему народу. Я мечтал и жил мыслью о служении народу, но, увы, моя специальность и положение, которое я занимаю²⁰, далеко этому не благоприятствуют, а потому я нередко сетую на свою судьбу, хотя, правда, никогда не теряю надежды выйти из этого положения». Можно не сомневаться, что выражение столь искренних патриотических чувств и намерений не оставляли равнодушными читателей журнала, приобщавшихся к мнению уважаемого автора по многим животрепещущим вопросам».

П. Тамбиев ратовал за всеобщую социальную и гражданскую справедливость и был страстным проповедником просвещения. В газете «Каспий», которая выходила в то время в Баку, он включился в дискуссию по поводу нашумевшей в то время драмы Г. Ибсена «Нора». В статье «Суд над Норой» П. Тамбиев резко выступил против рецензии, в которой Нора осуждалась как безнравственная женщина, и указал на глубокие социальные корни причин, сделавших героиню Ибсена несчастной: «Вина Норы не в ней самой, а в воспитавшем ее

обществе: винить надо и первоначальное воспитание в доме отца, и наконец, влияние мужа: всем этим ее либо толкали на ложный путь, либо игнорировали как самостоятельного члена общества, жену и мать... Осуждая Нору, мы должны непременно осудить семью и общество, ее воспитавшие, и мужа, видевшего в ней только красивую куколку, а не просто друга и мать своих детей. Сколько женщин сегодня страдают такой болезнью. А виноваты только мы сами, создавшие такое общество...»

Хотя журнал «Мусульманин», судя по названию, должен был стать органом проповедников ислама, в действительности он ставил перед собой иные задачи: «Оруженосцы ислама натравливают разные народы друг против друга, иноверцев называют гяурами, призывают уничтожать их и, таким образом, укреплять «священный» мир мусульман, — читаем на страницах журнала. — Мулла сеет зерна вражды в каждом селении. Это он ссорит русских и адыгов...»²¹

Многие критики однозначно оценивают эту позицию «Мусульманина». В частности, А. Хакуашев писал: «Журнал был прав в том, что обвинял проповедников ислама, но несправедливо искать всю вину только у них. Он игнорировал самого главного виновника всех бед — царское правительство. Ведь именно царизм натравливал народы друг против друга, чтобы удержать свою власть»²². На наш взгляд, журнал нельзя обвинять в этом. «Мусульманин» сознательно игнорировал тему политики русского царизма, поскольку ставил перед собой задачу остановить эмиграцию. Издатели журнала понимали, что главные пособники царского правительства, а значит и мухаджирства, были муллы, которые чаще всего предавали свой народ, получая и от русских, и от турок солидные вознаграждения.

«Непростительно, что муллы используют доверие простого люда в своих корыстных пакостных целях. Они говорят: «Аллах не простит тем, кто не посетит Мекку в Турции» (считалось, что Мекка находилась под покровительством Османской империи. — *Ф.Б.*). Верующие отправляются в Мекку, а оттуда пути уже нет...»²³

В самые тяжелые для народа дни должен был существовать выход из положения: «Мусульманин» считал самым оптимальным вариантом — оставаться на плодородных землях предков. В таком случае можно было избежать хотя бы голода. «В Турции ко всем бедам добавляется еще и голод...»²⁴

2. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ «ЧЕРКЕССКИХ» ПОСЕЛЕНИЙ В СИРИИ В 30-х ГОДАХ

Санджак	Каза	Населенный пункт (с. селение)	Число семей	Народы
Халеб	—	с.Халеб	100	кабардинцы, абадзехи
	Джабели-Саман	с. Ханасир	100	кабардинцы
	Минбедж	с. Минбедж	400	абадзехи
	Аزاز	с. Айн-Дахан	15	абадзехи
	Антакья	с. Бедригуан	35	абадзехи
Александретта	Кирик-Хан	с. Рехания	120	абадзехи
		с. Ени-Шехир	95	абадзехи
		с. Харран	60	абадзехи
		квартал Салахия	20	чеченцы
		с. Ракка	100	кабардинцы, чеченцы
Дейр-эз-Зор		с. Рас-эль-Айн	70	чеченцы
		с. Кара	50	чеченцы
		с. Сафих	80	чеченцы
Хама		с. Тель-Румани	10	чеченцы
		с. Мреидж-Эддар	50	бжедуги
		с.Тель-Снан	120	бжедуги, абхазы
		с.Тель-Ада	60	бжедуги
		с. Дейр-эль-Аджель	50	кабардинцы
		с. Джессин	30	дагестанцы, в основном аварцы
		с. Хомс	50	дагестанцы
Хомс	Хомс	с. Айн-Зат	180	бжедуги
		с. Тель-Амри	150	бжедуги
		с. Абу-Хаммацд	30	бжедуги
		с. Асили	60	бжедуги
		с. Дейр-Фуль	160	дагестанцы
		с. Тлиль	50	бжедуги
		Дамаск	Дамаск	г. Дамаск квартал Мухаджирин
с. Марож-Султан	70			абадзехи

	Эль-Ку-нейтра	с. Блей	150	карачаевцы
		с. Бойдан	30	карачаевцы
		г. Эль-Кунейтра	400	абадзехи, кабардинцы и др.
		с. Мансура	120	бжедуги, абадзехи
		с. Мумсия	50	абадзехи
		с. Тжuezза	100	абадзехи, кабардинцы
		с. Брейка	150	абадзехи
		с. Бир-Аджам	70	бжедуги, абадзехи, кабардинцы
		с. Сараман	120	бжедуги
		с. Эль-Хушния	150	кабардинцы, абадзехи, абхазцы
		с. Фахам	20	абадзехи
		с. Фазара	10	осетины
		с. Хамиггия	30	кабардинцы
		с. Айн-Сараман	30	кабардинцы
		с. Рухина	25	абадзехи
Хауран		с. Сантания	10	чеченцы
		с. Фарадж	14	осетины
Алавиты		с. Джебла	50	бжедуги
		с. Араб-эль-Мульк	20	бжедуги
		с. Сукасс	15	бжедуги
Всего			3939	

3. ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ТУРЕЦКИХ ЧЕРКЕСОВ»

Эмигранты с Северного Кавказа играли не последнюю роль в жизни Турции. Культура собственно черкесской диаспоры, например, представлена в странах Ближнего Востока и на Западе. Творческие достижения черкесских иммигрантов в живописи, в хореографии, музыке и литературе сегодня становятся достижением всех адыгов. Пришло время исследовать этот феномен в контексте развития культуры адыгских народов, в частности ответить на ряд вопросов, связанных с осмыслением творчества литераторов черкесского происхождения, чьи произведения написаны на языке страны проживания. И начать следует с талантливого писателя, творившего на турецком языке, Омара Сейфеддина. Черкесская культурная диаспора в Турции, давшая имя всем северокавказским иммигрантам, занятым научным или художественным творчеством, самая большая, и ее представители внесли заметный вклад в развитие культуры Турции.

Прославила эту страну, например, живущая в Париже замечательная балерина, блистательная исполнительница роли Джульетты черкешенка Людмила Черина (ее настоящая фамилия — Шемирзова, а Черина — сценическое имя, взятое по совету Сержа Лифаря). В 1980 г. в 50-летнем возрасте она исполнила мужскую партию — роль Наполеона в балете на французском телевидении, гастролировала она и в Москве, на сцене Большого театра.

Другая выдающаяся артистка — певица и киноактриса Амалия Бжанокова, которую в арабских странах называют «Таруб» — «Звонкоголосая», — живет в Аммане. Она прекрасно говорит на родном черкесском языке, активно занимается пропагандой арабской и черкесской культуры.

Немалый вклад в музыкальное искусство внесли композиторы брат и сестра Сабахаддини, Науасари и Мухлис, авторы симфоний, оперетт и песен, часть которых основана на адыгском фольклоре.

Из художников кавказского происхождения известен более всего Тлехужев Луни Абдулахович (1889—1937), положивший начало имп-

рессионизму в искусстве Турции. Луни окончил Художественную Академию в Париже, вернулся в Турцию в 1914 г. и работал в Академии художеств до конца жизни. Более 300 работ Луни демонстрировались на выставках в разных городах Европы в 1957-м, 1968-м, 1970 гг. В кабинете первого президента Турции Кемаля Ататюрка висели картины Л. А. Тлехужева.

Турецкой Академией художеств несколько лет руководил черкес Исмаил Намыков (1890—1935). Он получил профессиональное образование в Париже, работал в мастерской «Либерман». Намыков, известный живописец, автор искусствоведческих трудов (у него есть большая работа о Микельанджело), не забывал и о необходимости культурного развития своих соплеменников — преподавал французский язык и живопись в черкесской женской школе в Стамбуле. Заметен вклад в искусство и другого талантливой художника — пейзажиста Шаукета Дагова (1875—1944). Для творчества Дагова характерны чистота стиля, реализм и демократичность. Его картины начали свой триумфальный путь по вернисажам Европы еще в 1909 г. с выставок в Афинах, Мюнхене, а в 1933 г. были удостоены золотой медали на международной выставке в Париже. Творчество художников Луни Тлехужева, Исмаила Намыкова, Шаукета Дагова — явление знаменательное, поскольку ни у их предков на Кавказе, ни у современников в Турции не было традиций станковой живописи из-за запретов ислама.

Возвращаясь к писателям диаспоры, творящим на языке страны проживания, отметим, например, пишущего на французском языке Шихаплы Зубейда, который живет в Египте (род. в 1910 г.), — его произведения изданы во Франции, Англии, Афганистане, Индии, Индонезии и арабских странах. Он посвятил кавказской тематике несколько крупных произведений: «Аул Агей», «Любовь абрека к Кавказу», «Слуга», «Последние дни Абдуллы». Вспомним также, что в начале века в Египте жил и творил (на арабском языке) другой эмигрант — поэт и политический деятель Махмуд Сами аль-Баруди (1804—1904), который долгие годы был главным визирем страны. Его арабские стихи в 4-х томах переиздавались несколько раз, а известный литературовед Абдурахман Аль-Рафи называл Сами «царем поэтов Египта».

Ахмед Мидхат (1844—1913; его фамилия дана на турецкий манер по имени отца, а настоящая фамилия — Хагуров) считается одним из крупнейших турецких писателей, основоположником жанра романа и рассказа. Несколько десятилетий он занимался журналистикой и книгоиздательством в Болгарии, Ираке, Турции. Им написано более 80 литературных произведений, очерков, статей, составивших 156 книг. Несколько лет Ахмед Мидхат был профессором Стамбульского университета, где читал лекции по философии, истории и религии. Как

ученый он был приглашен на Всемирный конгресс востоковедов в Стокгольм в 1888 г. Ахмед Мидхат был просветителем своего народа в чужой стране. По его инициативе было создано «Общество по изучению истории черкесов», при котором действовала начальная школа на родном языке.

В этом же благотворительном обществе (создано в 1908 г.) 2 апреля 1911 г. начала выходить первая газета на черкесском языке («Гьузэ»). И в своих произведениях (в романе «Кавказ», рассказах «Черкесские воспоминания» и других) Ахмед Мидхат поднимал проблемы духовного развития своего народа. Вместе с тем он много сделал для приобщения образованной части турецкого общества к западной культуре, в частности, знакомя ее с литературой Франции. Советский исследователь Л. Алькаева отмечает, что «турецкая литература обязана немалым А. Мидхату, который популяризировал новый в Турции жанр приключенческих романов и рассказов, а также переводил западно-европейских авторов»⁸³. За прогрессивные взгляды А. Мидхат был на 3 года сослан в Родос (1873—1876). Как писатель он сложился в период танзимата (первой буржуазной революции в Турции), когда турецкое общество представляло собой явление весьма пестрое как в социальном, так и в национальном плане.

Крупным представителем писателей черкесского зарубежья, внесшим значительный вклад в турецкую литературу, был Омер Сейфеддин, творчество которого широко известно во многих странах мира. Выходец из эмигрантской семьи, Омер Сейфеддин (1844—1920) (настоящая его фамилия Умар Хатков), много сделал для развития жанра новеллы в турецкой прозе. В предисловии к книге рассказов О. Сейфеддина на русском языке З. Лебедева справедливо отметила, что имя писателя «принадлежит не только турецкой, но и мировой литературе». Произведения О. Сейфеддина печатаются в журналах в нашей стране с 30-х годов, отдельно изданы три книги рассказов в Москве в 1957 и 1975 гг. Еще в 1936 г. собрание его сочинений в 9 томах вышло в Стамбуле, а в 1971 г. там же опубликовано новое, восьмитомное собрание сочинений писателя. Интерес к творчеству О. Сейфеддина растет не только в Турции, но и во многих странах Востока и Запада.

Другой черкес, получивший известность за достижения в области науки и культуры — Айтэк Намиток. Фамилия эта знакома каждому, кто серьезно интересуется историей черкесов.

Первая часть его работы, ставшей делом всей жизни автора «Происхождение черкесов», изданная в Париже в 1939 г. и посвященная известному кавказоведу Жоржу Дюмезилю, с которым его связывала многолетняя дружба, до сих пор считается одной из фундаментальных по кавказоведению, хотя на нее не так часто ссылались в советской науке. Давно пришло время отдать должное автору этого исторического исследования, читаемого на Западе и почитаемого на Ближ-

нем Востоке в среде кавказской диаспоры, и оценить заслуги Айтека Намитока на его родине, как с позиций того времени, той эпохи, когда он жил и трудился, так и с современной точки зрения.

Отметим также имена северокавказцев, которые играли видную роль в политической истории Турции и других стран Ближнего Востока. Прежде всего это: министр обороны Турции Мухаммад Гельхан; шейх Зияоддин Бинатли с сыновьями-профессорами и внуком профессором; сенатор Амманулла Челебек Каратинский; представитель Турции в Европарламенте Измаил Ильхан; генералы турецкой армии Мехди-паша и Нури-паша; Сейфулла-паша, который в 20-х годах, возглавлял военную разведку Турции; Гази Мухаммад, сын имама Шамиля, — адъютант султана, а затем губернатор Ирака.

Внук Шамиля Гази Дагестани в 50-х годах был генералом иракской армии. В 1958 г. он участвовал в попытке государственного переворота, направленного на свержение президента Ирака Абделькари-ма Касема. Заместителю начальника генерального штаба иракской армии Гази Дагестани за его бывшие выдающиеся заслуги перед Ираком казнь через повешение была заменена высылкой из страны. Он умер и похоронен в Лондоне. Сын Гази Дагестани — Таймур Дагестани был женат на родной сестре короля Иордании Хусейна бен Талала. Принцесса Иордании родила Таймуру двоих сыновей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- 1 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М., 1988, с. 10.
- 2 *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М, 1960, с. 51 и сл.
- 3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд., Т. 9, с. 6.
- 4 *Дзидзария Г. А.* Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 30.
- 5 История народов..., с. 23.
- 6 Там же.
- 7 Там же, с. 30.
- 8 Там же, с. 32.
- 9 *Бэдли Дж.Ф.* Завоевание Россией Кавказа. Амман, 1987, с. 125 (араб. яз.).
- 10 История народов..., с. 32.
- 11 *Бэдли, с.* 134-135.
- 12 *Зассерман А. Л.* Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. Т. I. М, 1890, с. 777.
- 13 *Милютин Д. А.* Дневник. Т. I (1873-1875). М, 1947, с. 10-11.
- 14 См.: Советский Дагестан. 1993, № 3, с. 62-63.
- 15 Русский инвалид. 1863, № 3.
- 16 *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в., с. 369.
- 17 *Бэдли, с.* 261.
- 18 Там же, с. 262.
- 19 Не случайно современные потомки убыхов в Турции переселение горцев 1864 г. называют «большой эмиграцией» в отличие от предыдущих «малых» (см.: *Дзидзария Г.А.*, Ук. соч., с. 7).
- 20 Там же, с. 8.
- 21 См.: *Киняпина Н. С.* Борьба России за отмену ограниченных условий Парижского договора 1856 года. - Вопросы истории, 1972, № 8, с. 35.
- 22 *Дзидзария, с.* 159.
- 23 *Бушувев С К.* А.М. Горчаков. М., 1961, с. 84-85.
- 24 *Касумов А. Х.* Две судьбы. Нальчик, 1967, с. 8.
- 25 *Сафар-бей (Заноко-Заноглу)*, потеряв надежду стать единственным властителем Черкесии, эмигрировал в Турцию. В 1830г. он возвратился на родину и стал призывать соотечественников к борьбе против России, уверяя их в скорой помощи и поддержке Турции и Англии.
- 26 *Дзидзария, с.* 16.
- 27 Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957, с. 367.
- 28 Это был тот английский дипломат, о котором Н. Г. Чернышевский писал: «В Константинополе Страдфорду предоставлялась полная свобода действовать по собственному усмотрению» (цит. по: *Дзидзария Г. А.* Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия).

- 29 Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXVIII-А, с. 645.
- 30 *Ф. Энгельс, и К. Маркс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12, с. 490.
- 31 Там же, с. 172.
- 32 *Бушуев С. К.* Из истории внешнеполитических отношений. М., 1955, с. 95.
- 33 *Берже А. П.* Выселение горцев с Кавказа. - Русская старина. 1882, т. XXXIII, с. 175.
- 34 *Дзидзария,* с. 172.
- 35 Там же, с. 173.
- 36 Там же.
- 37 *Берже,* с. 176.
- 38 *Дзидзария,* с. 175.
- 39 Кавказ. 1877, № 134.
- 40 *Фадеев Р. А.* Собр. соч. т. I, ч. 1. СПб., 1889, с. 205.
- 41 *Берже,* с. 340.
- 42 *Дзидзария,* с. 177.
- 43 *Баменев Н.* Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914, с. 97.
- 44 *Дзидзария,* с. 177.
- 45 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. XII, 4.11, с. 1007, № 884.
- 46 *Фадеев Р. А.* Собр. соч. Т. I, ч. 1, с. 150.
- 47 *Дзидзария,* с. 185.
- 48 *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа. Тифлис, 1914, с. 119—120.
- 49 *Лигов А.* Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе. - Кавказ, 1867, № 19.
- 50 *Верже,* с. 338.
- 51 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864, д. 63, л. 27 об.
- 52 *Фонвиль А.* Последний год войны Черкесии за независимость, 1863-64. Краснодар, 1927, с. 29.
- 53 *Берже,* с. 343.
- 54 *Лигов...*
- 55 *Эсадзе С.,* с. 156.
- 56 Там же, с. 166-167.
- 57 Кавказ, 1864, № 44.
- 58 *Фадеев Р. А.* Собр. соч., т. I, ч. 1, с. 200.
- 59 *Фонвиль А., с 4.*
- 60 Русский архив. 1889 г., кн. 2, с. 428.
- 61 *Герцен А. И.* Поли. собр. соч., т. XIII, с. 141-142.

- ⁶² Герцен Л. И. Полн. собр. соч., т. IV, с. 145
- ⁶³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 381.
- ⁶⁴ Цит. по: Гаджиев В. Г., Пикман А. М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972, с. 23.
- ⁶⁵ Мегрелидзе И. В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Тбилиси, 1972, с. 67.
- ⁶⁶ Сулган Давлет-Гирей - черкесский исследователь, опубликовавший много статей в журнале «Мусульманин», который издавался в Париже в начале XX в.
- ⁶⁷ См.: Дзидзария, с. 195.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Русский архив. 1889, кн. 2, с. 284-285.
- ⁷¹ Русский архив. 1890, кн. 3, с. 389.
- ⁷² АКАК, т. XII, 4.11, №889, с. 1009.
- ⁷³ Берзедж Н. Выселение черкесов. Амман, 1987, с. 47 (араб. яз.)
- ⁷⁴ Берже, с. 353.
- ⁷⁵ Хагандока М. Х. Черкесы (происхождение, история, традиции и эмиграция в Иорданию). Амман, 1982, с. 29 (араб. яз.).
- ⁷⁶ Дзидзария, с. 198
- ⁷⁷ Иззет-паша Ю. История Кавказа. Предисловие. Стамбул, 1912 (тур. яз.).
- ⁷⁸ Хагандока М. Х. Черкесы, с. 29.
- ⁷⁹ Одесский вестник. 1877, № 140.
- ⁸⁰ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. II. М., 1932, с. 380.
- ⁸¹ Берже, с. 342.
- ⁸² Цит. по: Дзидзария, с. 200.
- ⁸³ История народов..., с. 204.
- ⁸⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958, с. 221.
- ⁸⁵ Тотоев М. С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865 гг.). - Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского института. Дзауджикау. 1948. Т. XIII. вып. 1, с. 36-37.
- ⁸⁶ Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию, с. 47.
- ⁸⁷ Берзедж Н. Выселение черкесов, с. 92.
- ⁸⁸ Дзагуров, с. 49-67.
- ⁸⁹ Цит. по: Берзедж, с. 92-93.
- ⁹⁰ История народов..., с. 203.
- ⁹¹ Берже, с. 346-347.
- ⁹² Узбек Батрай. Нартовские легенды и современная история черкесов. Пер. с нем. Амман, 1988, с. 30-31 (араб. яз.).
- ⁹³ Дзидзария, с. 261.

- ⁹⁴ Там же, с. 201.
- ⁹⁵ См. подробнее: *Бадерхан Ф.* Проблема мухаджиров из Северного Кавказа в освещении арабских и турецких источников. Доклад на международной конференции «Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения». Черкесск, 14-18 октября 199 г.
- ⁹⁶ См.: *Шинкуба Б.* Последний из ушедших. М., 1989.
- ⁹⁷ *Берзедж*, с. 95.
- ⁹⁸ Там же, с. 96.
- ⁹⁹ Там же, с. 96-97.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 98.
- ¹⁰¹ *Нух ал-Мартуки.* Блестящие страницы в истории черкесов (араб. яз.). Рукопись, хранящаяся в библиотеке Дагестанского научного центра. Рукопись подарена библиотеке дагестанским востоковедом М. С. Саидовым.
- ¹⁰² См.: *Ахмад Васфи Закарийа.* Племена Шама. Дамаск, 1984, с. 286 и др. (араб. яз.); *Берзедж Н.* Выселение черкесов; *Узбек Батрай.* Нартовские легенды и современная история черкесов; и др.
- ¹⁰³ Об этой причине упомянул историк Р.А. Фадеев: «...Движение это, — писал он, — действует как поветрие. Идет один, за ним идут родственники и так далее" (*Фадеев Р. А.* Собрание сочинений. Т. I, ч. 2, с. 74).
- ¹⁰⁴ Ученые Дагестана, опираясь на многочисленные рукописи мусульманских теологов и философов, были как бы регулятором законодательных процессов в жизни Дагестана и Чечни и даже части Западного Кавказа.
- ¹⁰⁵ Рукопись из личного архива ученого-богослова Заирбега Хунзахского.
- ¹⁰⁶ Наиболее известными были труды Абу Хамида ал-Газали, Ибн Хаджара ал-Хаисами, Джалала ад-Дина ас-Суюти и Джалала ад-Дина ал-Махаллы.
- ¹⁰⁷ Рукопись из личного архива ученого-богослова Заирбега Хунзахского.
- ¹⁰⁸ *Дзидзария*, с. 203.
- ¹⁰⁹ *Гарданов В. Г.* Общественный строй адыгских народов (XVIII - первая половина XIX в.). М., 1967, с. 21.
- ¹¹⁰ *Багов А. Н.* Влияние мухаджирства на численность и этнический состав адыгского населения. Статья в сборнике «Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения». Черкесск. 1993, с. 229.
- ¹¹¹ *Раинко-Туранскй Я. Н.* Адыги до и после Октября. Краснодар, 1927, с. 9.
- ¹¹² *Багов*, с. 230.

Глава II

- ¹ *Петросян Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. М., 1990, с. 196.
- ² История народов Северного Кавказа. Т. 11. М., 1988, с. 208.
- ³ *Куишабиев А. В.* Генезис черкесской диаспоры на Арабском Востоке (на примере Сирии). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1991, с. 31-32.
- ⁴ История XIX в. Т. VI. М., 1938, с. 100.

- ⁵ Кулихабиев, с. 100.
- ⁶ Дзидзария Г. А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 215.
- ⁷ Цаликов А. Х. Кавказ и Поволжье. М., 1913, с. 15-16.
- ⁸ Берже А. Я. Выселение горцев с Кавказа. - Русская старина. 1882, Т. XXXIII, с. 362-363.
- ⁹ Кулихабиев, с. 33.
- ¹⁰ Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. - Кавказский сборник, Т. II. 1877, с. 548.
- ¹¹ Узбек Батрай. Нартовские легенды и современная история черкесов. Пер. с нем., Амман, 1988, с. 20 (араб. яз.).
- ¹² Берже А. Я., с. 176.
- ¹³ Касумов А. Л. Разные судьбы. Нальчик, 1967.
- ¹⁴ Дзидзария, с. 48.
- ¹⁵ Берже, с. 363.
- ¹⁶ Тотоев М. С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859—1865 гг.). - Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1948, Т. XIII, вып. 1, с. 36-37.
- ¹⁷ Покровский М. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. - Кубань. Краснодар. 1953, № 13, с. 234.
- ¹⁸ Новый Восток. М., 1925, № 7, с. 22.
- ¹⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, Д. 1102, [б.г.] Донесение Мошнина от 11 декабря 1863 г. генералу Кравцову.
- ²⁰ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958, с. 223.
- ²¹ Дзидзария, с. 223.
- ²² ЦГИАГ, ф. 46, оп. 3, д. 1097, л. 1.
- ²³ Там же, л. 8-10.
- ²⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 63, л. 3-4.
- ²⁵ Пиастр (*куруш*) - денежная единица Османской империи. 100 пиастров составляли 1 лиру, которая составляла в те годы около 8 руб. 50 коп.
- ²⁶ См.: Куропаткин А. Ловча, Плевна и Шеиново. - Военный сборник, Т. 138, 1881, с. 217-269.
- ²⁷ Кулихабиев, с. 34.
- ²⁸ Ечурх. Роль кавказских горцев в общественной политике стран Турции. - Му-сульманин. 1910, № 6 (фр. яз.).
- ²⁹ Дзидзария, с. 228.
- ³⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 15506.
- ³¹ Дзидзария, с. 231.
- ³² АВПР, ф. Посольство в Константинополе. 8 июня 1861 г., д. 2601, л. 185-186.

- 33 Там же, л. 1850б.
- 34 История народов Северного Кавказа... М., 1988, с. 210.
- 35 ЦГИА СССР, ф. 416, оп. 3, д. 1095, л. 1.
- 36 Там же, д. 1124, л. 1-2.
- 37 Там же, д. 1114, л. 25.
- 38 История народов Северного Кавказа с. 210.
- 39 *Дзидзария*, с. 232.
- 40 *Касумов А. Л.* Разные судьбы, с. 26-27.
- 41 *Дзидзария*, с. 373, 417.
- 42 См.: *Берже*, с. 31-36.
- 43 *Лайтанов Х. О.* К истории переселения горцев в Турцию. - Труды Кабардино-Балкарского НИИ. Вып. 5. Ставрополь, 1966, с. 114.
- 44 *Берже*, с. 164.
- 45 Империя Турецкая. СПб., 1868, с. 183.
- 46 См.: *Узбек Батрай*. Нартовские легенды и современная история черкесов, с. 183.
- 47 Необходимо отметить, что хотя и в Турции, и в странах Ближнего Востока всех выходцев с Северного Кавказа называют черкесами, однако в переписи абхазский язык выделялся в отдельную группу, так как абазины и абхазы среди черкесов составляли большинство.
- 48 Ямчи. 1975, № 2, с. 29-30.
- 49 Там же.
- 50 *Батрай Узбек*. Нартовские легенды и современная история черкесов, с. 50. Некоторые черкесы переселились из Турции и других стран Ближнего Востока в Европу и США, но число этих переселенцев весьма ограничено.
- 51 См.: *Берзедж*, с. 22.
- 52 См. там же.
- 53 См. там же, с. 34.
- 54 См. там же, с. 35.
- 55 *Нух ал-Мартуки*. Блестящие страницы в истории черкесов. Рукопись.
- 56 *Islam ansiklopidisi*. с. 3. Istanbul, 1945, с. 376.
- 57 *Tuna R.* Çerkeslerin Kafkasyadan Goc. - Kafkasya uzeri beş Konferans. Istanbul, с. 141.
- 58 *Басария С. П.* Абхазия. Сухуми, 1923, с. 105.
- 59 Обратим внимание на дату 1816 г. Это совпадает со временем решительных наступательных действий царских войск и назначением Ермолова главнокомандующим кавказскими войсками (См.: *Дзидзария*, с. 420).
- 60 Империя Турецкая, СПб., 1868, с. 316.
- 61 *Берзедж*, с. 126.
- 62 Там же.
- 63 История Дагестана, с. 141 —142.

- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Хасан ал-Кадари*. Диван ал-Момнун. Темирхан-шура (Буйнакск), 1913, с. 109 (араб. яз.).
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Дзидзария*, с. 310.
- ⁶⁸ *Кодинский Н.* К истории выселения абхазцев. - Русский мир. 1877, № 292, октябрь.
- ⁶⁹ *Дзидзария*, с. 311-312.
- ⁷⁰ *Куихабиев*, с. 42.
- ⁷¹ *Теполов В.* Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877, с. 27.
- ⁷² Империя Турецкая, с. 197.
- ⁷³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. М., 1961, с. 549-552.
- ⁷⁴ *Куихабиев*, с. 49.
- ⁷⁵ Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М., 1952, с. 190.
- ⁷⁶ Когда дела турок пошли плохо, на границе с Абхазией они разделили свое войско на две части: «одна оцепила русское войско, а другая пошла насильно выгонять жителей со скотом на берег моря». См.: *Дзидзария*, с. 346.
- ⁷⁷ Английский консул в Трапезунде Дж. Пальгревс сообщал, что в Батумском округе проживало 10700 эмигрантов с Северного и Западного Кавказа (9500 черкесов, эмигрировавших в 1864 г., и 1200 абхазов, переселившихся в 1867 г.). К концу войны абхазы выселялись из Батумского округа частично и черкесы полностью; в Карсском округе проживало около 250 семей черкесов-эмигрантов, которые обосновались там еще в 60-х годах XIX в. (См.: *Бахрадзе Д.* Историко-этнографический очерк Карсской области. - ИКО РГО. Т. 7. 188 (2, с. 197).
- ⁷⁸ *Берзедж*, с. 127. Примечательно, что ни Кипр, ни Алжир в Османскую империю в то время фактически уже не входили.
- ⁷⁹ Татары и черкесы в Турции. - Славянский сборник. 1877, с. 62.
- ⁸⁰ *Болэнт Дж. Э.* Народы Турции. 20 лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян. Дочери и жены консула. Т. I. Пер. с англ., СПб., 1879, с. 103.
- ⁸¹ Архив Министерства иностранных дел Англии. F.O. 424/85 confidential (4002), л. 85.
- ⁸² Там же, л. 114-116.
- ⁸³ Там же, л. 115.
- ⁸⁴ Там же, F.O. 424/67 Confidential (3598), л. 432-433, № 922/2.
- ⁸⁵ АВГПР. Политархив, оп. 482, д. 783, л. 12.
- ⁸⁶ Архив Министерства иностранных дел Англии F.O. 424/53, 284.285, № 587.
- ⁸⁷ Там же, F.O. 424/52 Confidential (340), л. 294-295, № 600.
- ⁸⁸ Там же, F.O. 424/85 Confidential, л. 146.

- ⁸⁹ Там же, л. 147.
- ⁹⁰ *Куропаткин А.* Ловча, Плевна и Шейново. - Военный сборник. Т. 138. 1881, с. 14.
- ⁹¹ *Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, с. 51.
- ⁹² *Лазарев М. С.* Курдский вопрос. 1891-1917. М., 1972, с. 117.
- ⁹³ *Миллер А. Ф.* Турция, с. 52.
- ⁹⁴ Там же, с. 53.
- ⁹⁵ *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. II. М, 1932, с. 380.
- ⁹⁶ *Лазарев М. С.* Империализм и курдский вопрос. М., 1989, с. 237.
- ⁹⁷ *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. III. М., 1934, с. 100.
- ⁹⁸ *Лазарев М. С.* Империализм и курдский вопрос, с. 264.
- ⁹⁹ *Баков Х. И.* Творчество Омера Сейфедина как факт культурного потенциала черкесского народа. - Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993, с. 194.

Глава III

- ¹ Цит. по: *Куихабиев А. В.* Генезис черкесской диаспоры на Арабском Востоке (на примере Сирии). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М, 1991, с. 47.
- ² *Аверьянов П. И.* Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи. СПб., 1912, с. 21.
- ³ Ежегодник. Yarenci. Ankara Yillik, 1977, с. 261.
- ⁴ *Куихабиев*, с. 47.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Тэйлор Д.* Дневник путешествия по Армении, Курдистану и Верхней Месопотамии в 1866 г. - ЗКОИРГО. 1873, т. 2, № I, с. 1-79.
- ⁷ *Aydemir I.* Gos. - Kafkasya kulturel dergi. Ankara, 1988, № 5, с. 138.
- ⁸ Там же, с. 150.
- ⁹ *Куихабиев*, с. 50.
- ¹⁰ *Schumacher C.* The Jaulan. L., 1889, с.57.
- ¹¹ *Берзедж Н.* Выселение черкесов. Амман, 1987, с. 181 (араб.яз.).
- ¹² *Aydemir I.* Gos. с. 152.
- ¹³ *Куихабиев*, с. 51.
- ¹⁴ Further correspondence respecting conditions of the population in Asia Minor and Syria. L., 1881, с. 36-37.
- ¹⁵ Новое время. СПб., 14.11.1878. Медхат-паша - губернатор Сирии в то время.
- ¹⁶ См.: *Куихабиев*, с. 52.
- ¹⁷ Oliphant Land of Gilead with Excursion in the Lebanon. L., 1880, с.44.
- ¹⁸ *Aydemir I.* Gos, с. 171.

- ¹⁹ *Burbour N.* Palestinian-Star or Crescent. 1947, № 4, с 132.
- ²⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2/, д. 5084, л. 152.
- ²¹ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 236, л. 45. Судя по всему, эти дагестанцы были таты, а не лезгины, так как в 1905 г. в единственное дагестанское поселение в Сирии Дерфуль прибыла группа татов.
- ²² Там же. 482, д. 762, л. 53.
- ²³ Там же, л. 53.
- ²⁴ Там же, д. 237, л. 28.
- ²⁵ Там же, с. 39.
- ²⁶ *Кулихабиев*, с. 55.
- ²⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 5084, л. 152.
- ²⁸ Там же, л. 152.
- ²⁹ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 236, л. 60.
- ³⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2/, д. 2653, л. 21.
- ³¹ Там же, д. 1125, л. 129.
- ³² АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 761, л. 109-130.
- ³³ Там же, оп. 482, д. 762, л. 52.
- ³⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2/, д. 1125.
- ³⁵ *Кулихабиев*, с. 58.
- ³⁶ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 760, л. 18.
- ³⁷ *Mitran N.* La Syrie de demain. P., 1916 г., с. 438.
- ³⁸ *Khairalloh K.* La Syrie. P., 1912.
- ³⁹ *De Proux.* Les Tcherkesses. - La France Méditerranéenne et Africaine. P., 1938, fasc. 4, с 43-87.
- ⁴⁰ Services speciaux - etude sur les circassiens. Damas - Kuneitra, 1935.
- ⁴¹ *De Proux.* Les Tcherkesses, с 60.
- ⁴² Farther Correspondence Respecting the Conditions of Population in Asia Minor and Syria. L., 1881, с.97.
- ⁴³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517(2), д. 1125, л. 20.
- ⁴⁴ *Томилов.* Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г. СПб., 1907, с. 87.
- ⁴⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517(2), д. 1127, л. 54.
- ⁴⁶ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 750, л. 82.
- ⁴⁷ Бывший вали был смещен по требованию черкесов.
- ⁴⁸ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517(2), д. 1709, л. 178.
- ⁴⁹ *Shakrin Salin.* The British - Druze Connections and the Druze Resing of 1896 in the Hauran. - Middle Hasten Studies. L., 1977, Vol. 13, № 2, с 131 437.
- ⁵⁰ *De Proux.* Les Tcherkesses, с 62.
- ⁵¹ *Беркенгейм А.М.* Современное экономическое положение Сирии и Палестины. М., 1897, с. 25.

- 52 *De Proux. Les Tcherkesses*, с. 76.
- 53 *Елисеев Л.В.* Поперек Малой Азии. СПб., 1887, с. 31.
- 54 Например, сирийская писательница Эльфат-эль-Эдельби написала о нем большой рассказ «Аллах Керим».
- 55 *De Proux. Les Tcherkesses*, с. 83.
- 56 Амин Самкуг - сын землевладельца, учился в Бейруте на агронома, затем продолжал учебу в Сорбонне и по окончании университета был назначен председателем муниципалитета Эль-Кунейтры.
- 57 *De Proux. Les Tcherkesses*, с. 152.
- 58 Société des Nations. Commission Permanente de mandate. 11-ème session Genève, 1927, с 152.
- 59 Société des Nations. Commission Permanente de mandate. 23-ème session Genève, 1933.
- 60 *Bagh A. La Région de Djolan. - Étude de géographie régionale.* P., 1958, с.331.
- 61 League of Nations. Permanent Commission of the 34 Mandates session, Geneva, 1938.
- 62 *Кулихабиев*, с. 99.
- 63 Там же, с. 99-100.
- 64 Там же.
- 65 Аль-Назир, 24.12.1988.
- 66 См.: *Пир-Будагова Э. М.* Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945-1966 гг.). М., 1978, с. 13.
- 67 До 1918 г. находилась в составе Османской империи - Заиорданье. После первой мировой войны включена в английскую мандатную территорию Палестина. В 1921 г. выделена в мандатный эмират Трансиордания. С 1946 г. - независимое государство Иорданское Хашимитское Королевство.
- 68 *Hacker J. M. Modern Amman. A social Study.* L., 1960, с. 10.
- 69 *Oliphant L. Land of Gilead with Excursion in the Lebanon.* L., 1880, с. 51.
- 70 *Hacker J.M. Modern Amman...*, с 10. Peake F.G. *History and Tribes of Jordan.* Florida, 1958, с 222.
- 71 *Hacker J.M. Modern Amman*, с. 10.
- 72 АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2/, д. 5084, л. 152.
- 73 АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 760, л. 87.
- 74 Там же, д. 763, л. 75.
- 75 *Хагандока М.* Черкесы в Иордании. Амман, 1985, с. 45-46 (араб. яз.).
- 76 *Кобейн С.* Поездка в Заиорданье в 1896 г. [б.м.], 1899, с. 262, 282.
- 77 *Конданов Н* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1909, с. 17.
- 78 *Хагандока*, с. 67.
- 79 Там же, с. 50.
- 80 Основатель Иорданского Хашимитского Королевства.

81 *Хагандока.с. 32.*

82 Там же.

Приложение 1

- 1 *Налоев З. М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985.
- 2 *Кауфов Х. В.* В зеркале социальной жизни. Нальчик, 1988.
- 3 Гъуазэ 2. [б.№].
- 4 *Налоев З. М.* Этюды по истории культуры адыгов.
- 5 Гъуазэ, 1912. [б.№].
- 6 Гъуазэ, 1912, № 34.
- 7 Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX - начале XX в. (Материалы...). Нальчик, 1976, с. 34.
- 8 Мусульманин, 1908, № 1, с. 1.
- 9 Там же, с. 3-6.
- 10 Мусульманин, 1910, № 2, с. 44-45.
- 11 Мусульманин, 1910, № 15.
- 12 Мусульманин, 1911, № 2, с. 65-67.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 См.: *Дзидзария Г.А.* Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, с. 490-491.
- 17 Там же.
- 18 Мусульманин, 1913 (номер стерт).
- 19 *Хакуашев А.* Истоки становления, с. 83.
- 20 П. Тамбиев долгое время работал в Баку в нефтяной компании Нобеля.
- 21 Мусульманин, 1912 (номер стерт).
- 22 *Хакуашев А.* Истоки становления.
- 23 Мусульманин, 1909, № 108.
- 24 Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники

АВПР - Архив внешней политики Российской империи - ф. Политархив. оп. 482, д. 236, л. 45-60.

д. 237, л. 28-39.

д. 760, л. 18-87.

д. 761, л. 109-130.

д. 762, л. 52, 53.

д. 763, л. 75.

д. 783, л. 12. АВПР. Фонд посольства в Константинополе 1861 г. оп. 517/2, д. 1195, л. 129-130.

д. 2601, л. 185-186.

д. 5084, л. 152. ЦГИАГ - Центральный государственный исторический архив Грузии - ф. 38 оп. 36/286 СВ 873 д. 8, л. 22-22об.

ф.46оп. 3 д. 1097, л. 1-8-10.

ф. 416, оп.3, д. 1095, л. 1, д. 1102, д. 1114, л. 25, д. 1124, л. 1-2.

ф. 545 оп. 1, д. 63, л. 3-4, л. 155 1864. Foreign

Office archives (Public Records Office, London)

F.O. 424/52 Confidential (340) с 294-295.

F.O. 424/53 ->- с 284-285.

F.O. 424/67 ->- (3598) с 114-116, с. 432-433, № 922/2

F.O. 424/85 ->- (4002) с. 85, с. 146-147.

Рукописи

Нух аль-Мартуки. Блестящие страницы в истории черкесов. Рукопись хранится в библиотеке Дагестанского научного центра РАН.

Переписка ученых Дагестана и Чечни. Рукопись из личного архива ученого Заирбека Хунзаского.

Публикации

Акты, собранные кавказской археографической Комиссией, т. XII, ч. II, № 889.

Военный сборник. Т. 138, 1881.

Кавказский сборник. Т. II, 1877.

Русский архив. Кн. 11, 1889.

Славянский сборник. Т. II, 1877.

2. Литература на русском языке

Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927.

Бадерхан Ф. Проблема мухаджиров из Северного Кавказа в освоении арабских и турецких источников. Доклад на межд. конференции «Культурная диаспора народов Кавказа. Черкесск. 14-18 октября 1991 г. Черкесск, 1993 г.

Баменев И. Пятидесятилетие покорения западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис. 1914 г.

Бавария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Сухуми. 1923 г.

Бахрадзе Д. Историко-этнографический очерк Карсской области. -ИКОРГО.Т.7, 1882 г.

Болэнт Дж. Э. Народы Турции, 20 лет пребывания среди болгар, греков, турок, алтанцев и армян. Дочери и жены. Перевод с английского. Т. I. СПб., 1879.

Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений.

Бушуев С. К. А.М. Горчаков. — М., 1962.

Всемирная история. Т. 5. М., 1960.

Гаджиев В. Г., Пикман А. М. Великие русские революционеры-демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972.

Герцен А. И. Поли. собр. соч. Т. IV, XIII-XIV.

Дзидзария Г. А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1973.

Дзагуров Г. А. Переселения горцев в Турцию. Краснодар, 1927.

Зассерман А. Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. Т. 2. М., 1890.

Империя Турецкая. СПб., 1869.

История Дагестана. Т.И, Махачкала, 1967.

История XIX в. Под ред. проф. Лависа и Рамбо. Пер. с франц. Т. VI. М., 1938.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М., 1988.

Касумов А. Х. Две судьбы. Нальчик, 1967.

Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения в XIX в. Ростов-на-Дону, 1989.

Кауфов Хачим. В зеркале социальной жизни. Нальчик, 1988.

Киняпина И. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

Кобейн С. Поездка в Заиорданье в 1896 г. М., 1899.

Кандаков Н. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1909.

Кушхабиев А. В. Генезис черкесской диаспоры в арабском Востоке (напр. Сирии). Диссертация на соискание уч. степени к.и.н. М, 1991.

Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев в Турцию. Труды КБНИИ. Вып. 5. Ставрополь, 1966.

Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос. М., 1989.

Лазарев М. С. Курдский вопрос. 1891-1917. М., 1972.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. IX, т. XII.

Мегрелидзе И. В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Тбилиси, 1972.

Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.

Милютин Д. А. Дневник. Т. 2 (1873-1875). М. 1947, с. 10-11.

Налоев З. М. По истории культуры адыгов. Нальчик, 1985.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. М., 1961.

Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957.

Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1896.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952.

Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Смирнов Я. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958.

Старченков Г. И. Население Турецкой Республики. М., 1990.

Теплов В. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877.

Тотоев М. С. К вопросу о переселении горцев в Турцию. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865). - Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XIII, вып. 1. Дзауджикау, 1948.

Тулумджан А. О. Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905-1907 гг. Сухуми, 1958.

Фадеев Р. А. Собр. соч. Т. I, ч. 1. СПб., 1889.

Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1966.

Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863 - 64 гг. Краснодар, 1927.

Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1986.

Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М., 1913.

Чернышевский К. Г. Поли. собр. соч. Т. XIV.

Шинкуба Б. Последний из ушедших, роман. М., 1989.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Эфрона. Т. XXXVIII.

Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа. Тифлис, 1914.

на арабском языке

Ахмад Васфи Закарийя. Аша-эр Аш-шам (Племена Шама). Дамаск, 1984.

Батрай Узбек. Асатир Ан-нартийн (Нартовские легенды и современная история черкесов). Амман, 1988.

Берзедж Нихад. Тахжир Аш-шаракиса (Выселение черкесов). Амман, 1987.

Конкост Р. Каталатул-Умам (Убийцы нации). Амман, 1989.

Хагандока М.Х. Аш-шаракиса (Черкесы). Амман, 1982.

Хасан Аль-Кадари. Диван аль-маннун. Тамирхан-шура (б.г.), Темирхан-Шура [?].

Шавкет Аль-Муфты. Абатира ва Абтал фи Тарих аль-Кафкас (Герои и императоры в истории Кавказа (араб. яз.).

на турецком языке

Aydemir I. Kafkasya Kulturel dergi. Ankara, 1988.

Izzet Pasha. Kafkasyanın tarihi. Istanbul, 1912.

Islam ansiklopidisi. Istanbul, 1945.

Tuna Rahmi. Çerkeslerin Kafkasyadan Göç. - Kafkasya üzeri Beş Konferans. Istanbul., 1978.

литература и публикации на английском языке

Baddeley John. The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908.

Burbour N. Palestinian-Star or Crescent. L., 1947.

Further correspondence respecting the conditions of the population in Asia Minor and Syria. L., 1881.

League of Nations. Permanent Commission of the Mandates, 34 session, Geneva, 1938.

на французском языке

Bagh A. La Region de djolan. Etude de géographic régionale. P., 1958.

De Proux. Les Tcherkesses.- LaFrance Méditerranéenne et Africaine. P., 1938. fasc. 4.

Gobineau K. La Religion et la Philosophie de L'Asie Centrale. P., 1866.

Khairalloh K. La Syrie. P., 1912.

Mitran N. La Syrie de demain. P., 1916; Services speciaux - Etude sur les circassiens. Damask—Kuneitra. P., 1935.

Société des Nations. Commission Permanente des mandats. 11-erne Session. Geneve, 1927; 23-ème Session. Genève, 1933; 34-ème Session. Genève, 1938.

3. Пресса

Вопросы истории. М., 1972, № 8.

Гъузэ. 1911, № 18; 1912, № 29 и № 34.

Кавказ. Тифлис, 1864, № 44; 1867, № 19; 1877, № 134.

Кубань. Краснодар, 1953, № 13.

Мусульманин. Париж, 1908, № 1; 1910, № 2, 15, 23; 1911, № 2; 1913 [б. №].

Новое время. М., 1878, IX, №14.

Новый восток. М., 1925, № 7.

Одесский вестник. 1877, № 140.

Русская старина. СПб., январь 1882, т. XXXIII. Русский архив. М., 1889, кн. 2; 1890, кн. 3.

Русский мир. 1877, окт., № 292.

Русский инвалид. СПб. 1863, № 3.

Славянский сборник. 1877, т.2.

Советский Дагестан. Махачкала, 1933, № 3.

Ямчи. Ежегодник. Анкара, 1975, 1977.

Summary

We call the attention of readers to a rare research work on the North Caucasian diaspora abroad, which is the subject insufficiently explored.

This book deals with the causes and dramatic consequences of the North Caucasian mountaineers' mass emigration to the Ottoman Empire in the second part of the 19th century. Along with that the author touches upon the Caucasian problem in international relations of the time — the problem calling for special study.

Among the factors that had led to emigration of the Caucasian mountaineers to Islamic Turkey the author specially points out blood relations, religious motives and the role of local princes. It is related in the book how agonizing was the resettlement and what misfortunes the mountaineers faced in the Ottoman Empire. The latter insistently lured the Caucasians with the aim to use them to fortify the fighting efficiency of its own army which was falling to pieces as well as to bring new settlers to sparsely populated regions of the Empire.

The status of the mountaineers in the Ottoman Empire is studied in detail and their mobilization during 1877—1878 war between Russia and Turkey is described. The researcher also depicts a new forced resettlement of the emigrants after the Turkish defeat in this war. As a result the North Caucasian mountaineers found themselves in Arab countries the latter being at the time a part of the Ottoman Empire. The author considers in detail the policy of the Ottoman court towards the mountaineers, who were entrusted with the punitive task as to the national liberation movement in Arab regions of the Empire. After these regions had been turned into mandated territories of France and Britain in the 1920-ies the North Caucasian emigres once again became a prey to their destiny — the new administration exploited them in its political play against the local population.

As some of the mountaineers began to understand the fatal consequences of their collaboration with the colonial administration, many of them were gradually siding with the local population. This marked a new stage — the start of the process of assimilation.

The monograph gives a comprehensive description of social and economic standing of the North Caucasian emigres, who are traditionally called in the Middle East the Circassians with no respect to their proper ethnic origin. The idea is given of the role their diaspora plays in the economy and culture of Syria and Jordan. This book also discusses the change in the ethnic map that is being monitored due to the processes under way in this countries as well as in the North Caucasus.

Научное издание

Фасих Бадерхан
Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании
(вторая половина XIX - первая половина XX века)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *А. З. Алмазова*
Корректор *Л. В. Хохлова*

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 16.10.00. Подписано к печати 22.01.01.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,5.
Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 200 экз. Зак. № 65

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю. В. Чудодеев*

Отпечатано на ризографе
в Институте востоковедения РАН